

Анна Ветлугина

ИГНАТИЙ ЛОЙОЛА

ЖЗЛ

ИГНАТИЙ ЛОЙОЛА

Анна
Ветлугина

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

МАЛАЯ СЕРИЯ
ВЫПУСК
103

Анна Ветлугина

ИГНАТИЙ ЛОЙОЛА

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2016

УДК 27-789.5(092)
ББК 86.375
В 39

*Автор выражает глубокую признательность
Тикки Шельен за помощь и благодарит
о. Янеза Севера SJ (Общество Иисуса) за консультации
и предоставленные материалы.*

знак информационной **16+**
продукции

ISBN 978-5-235-03902-5

- © Ветлугина А. М., 2016
- © Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2016

ПРОЛОГ

Наверное, трудно найти личность более противоречивую, чем Игнатий Лойола. Основатель ордена иезуитов, организации, имевшей политическое влияние по всему миру, участвующей в крупных сделках, живущей под негласным лозунгом «Цель оправдывает средства», — и святой. Ключевая фигура Контрреформации, человек, создавший папскую тайную полицию, — и рыцарь-мечтатель, ставший прообразом Дон Кихота.

О Лойоле и его ордене существует бесчисленное количество книг на разных языках. Диапазон настроения в этих материалах простирается от ненависти и яростных обвинений во всех смертных грехах до дифирамбов. Уже названия говорят сами за себя. Например: «Черная гвардия Ватикана» Л. Н. Великовича и «Житие святого Игнатия» Джованни Пьетро Маффеи. Причем автор и первой, и второй книги использует для своей концепции подлинные факты, и на вопрос, кто в данном случае прав, ответа не существует, поскольку прав и тот, и другой. Просто роль, которую избрал для себя Лойола, раздражала многих его современников, да и людей, живших позднее. Не только протестанты, но и люди, просто

не принадлежавшие к католической церкви, воспринимали его в лучшем случае как ретрограда, противившегося новому. В худшем — как смертельного врага прогресса, пособника прогнившей и продажной Римской курии. Да и среди убежденных католиков далеко не все понимали его непримиримое желание защищать и распространять чистоту веры, невзирая ни на что.

Сейчас, в XXI веке, прогресс и либеральные ценности уже не кажутся таким бесспорным благом, как раньше. Человечество пережило и опыт коммунистических режимов, и кризис демократии.

Самое время попытаться посмотреть беспристрастно на человека, построившего когда-то, почти 500 лет назад, мощный аппарат для защиты традиции. Попытаться отделить зерна от плевел, продираясь и через яростные нападки противников, и сквозь восторженные и благоговейные славословия собратьев по ордену. Увидеть его достоинства и недостатки, а также черты характера, благодаря которым он занял свое место в истории.

Но начать все же следует не с личности святого Игнатия, а с его детища — ордена иезуитов.

Глава первая

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ ИЕЗУИТЫ

В русском языке слово «иезуит» имеет ярко выраженный негативный оттенок. «Иезуитство — лицемерие, двуличие, беспринципность в выборе средств для достижения своих целей», — написано в словаре С. И. Ожегова. Словарь синонимов русского языка раскрывает куда более богатый веер смысловых оттенков: двуличность, злокозненность, лицемерность, лукавость, лукавство, коварность, лицемерие, коварство, макиавеллизм, иезуитизм, двуличие. За многочисленными недобрыми определениями не сразу осознается тот факт, что название «иезуит» происходит от латинского *Jesu*, то есть Иисус.

Societas Jesu — Общество Иисуса — вызывало у современников противоречивые чувства с момента основания, произошедшего в середине XVI века. За первыми иезуитами даже охотилась инквизиция, хотя сегодня нам кажется это невероятным. Во всех энциклопедиях членов общества представляют деятелями Контрреформации и убежденными борцами с ересью. Скорее им самим пристало бы оказаться в рядах инквизиторов, но этого как раз и не произошло. Иезуитам строго воспрещалось занимать высокие посты в церковной иерархии и заниматься управлением.

В то же время их тайная власть была огромна. Провозгласив себя *Perinde ac cadaver* — трупом в руках хозяина, — «псы Господни»* окружили Святой престол. Они подчинялись напрямую папе римскому, вызывая гнев других монашеских орденов, которые формально тоже служили Риму, но на деле оказывались гораздо более «местечковыми». Иезуиты яростно защищали папскую власть от любых посягательств, из-за чего их в свое время даже подозревали в связях с убийцами французских королей Генриха III и Генриха IV.

Фанатичная преданность Святому престолу сочеталась у этого монашеского ордена с редкостной предприимчивостью и гибкостью. Поэтому очень скоро миссионерские «провинции»** Общества Иисуса распространились по всему земному шару. Иезуиты действовали на террито-

* Собственно наименование «псы Господни» никогда не относилось к иезуитам. Так называли доминиканцев, членов ордена проповедников, основанного святым Домиником. По созвучию — «доминиканцы» — и *Domini canes* (псы Господа) и возникла такая «народная» этимология, принятая орденом. В своем последнем романе «Псы Господни» В. С. Пикуль соотнес это прозвище с иезуитами, очевидно, в данном случае это была простая небрежность и желание увязать последних с опричной, чьей эмблемой была собачья голова. Интересно, что в одноименном романе Р. Сабатини «Псы Господни» действуют как раз доминиканцы. Тем не менее благодаря В. С. Пикулью, очень популярному в России, эта историческая ошибка прижилась.

** Так назывались территории, на которых действовал иезуитский орден. Границы «провинций» не обязательно совпадали с границами государств и административных образований.

рии множества стран Европы и Азии, а в Южной Америке им даже удалось создать теократически-патриархальное государство, аналогов которому до сих пор не найдется во всей мировой истории.

Фантастический успех первых иезуитских миссионеров стал возможен благодаря бережному отношению к местным обрядам и верованиям, пусть даже в ущерб обряду христианскому. Например, в Индии, строго разделенной на касты, священники-иезуиты, ведущие брахманский образ жизни, давали причастие «неприкасаемым» на конце длинной палки. А в Китае разрешали новообращенным приносить жертвы Конфуцию и почитать культ предков. Подобные «вольности», а также все увеличивающееся влияние ордена вызывали недовольство как у католических монархов Европы, так и у деятелей Просвещения. На Святой престол начали оказывать давление с целью запрета иезуитской деятельности.

Наконец в 1773 году папа Климент XIV упразднил Общество Иисуса и заключил в тюрьму генерального настоятеля. Однако орден не исчез. Долгие годы иезуиты существовали в России. Екатерина II, будучи императрицей православной державы, проигнорировала папский указ, «как если бы его не существовало».

Поступок царицы объяснялся не каким-то особенным человеколюбием, а вполне приземленной, истинно немецкой практичностью. Иезуитская педагогическая система ценилась весьма высоко. Какой же просвещенный правитель откажется от качественных образовательных услуг для своих подданных?

В 1801 году папа Пий VII «заметил» российское Общество Иисуса и официально признал его существование. А тринадцатью годами позднее запрет был снят полностью и орден возродился, как птица феникс. Генеральным настоятелем стал россиянин Фаддей Бжозовский.

Но российская идиллия вскоре закончилась. Император Александр I, еще недавно даровавший иезуитской коллегии статус университета, заподозрил иезуитов в прозелитизме* и подписал указ о высылке их из Российской империи.

«Иезуиты ни под каким видом и наименованием не впускаются в Россию, — гласит статья 219 Устава о паспортах Российской империи. — Миссии и Консульства всякий раз при выдаче паспортов едущим в Россию духовным лицам должны требовать от них письменного объявления, что они ни по чему не принадлежат и не принадлежали к иезуитскому ордену, и о таких объявлениях упоминать не только в донесениях Министерству Иностранных Дел, но и в самых паспортах. Высланным же из России иезуитам, хотя бы они и представили свидетельства об оставлении ими иезуитского ордена, выдавать паспорта на возврат в Россию вовсе запрещается».

Впрочем, эти ограничения не нанесли особого урона Обществу Иисуса. Воскреснув из мертвых в России, оно вернулось в Европу и возобновило интеллектуальную деятельность. Как и

* Прозелитизм (от греч. *προσήλυτος* — обращённый, нашедший свое место) — стремление обратить других в свою веру, а также деятельность, направленная на достижение этой цели.

прежде, одним из важнейших направлений работы ордена была педагогика. Система, основанная на послушании и жесткой конкурентной борьбе, давала отличные результаты. По ней учились и сами преподаватели. Они раньше всех поняли важность личностного тренинга, которым занимаются современные предприниматели. В рядах ордена не было середнячков. Кандидаты проходили тщательный отбор, а затем в них развивали креативность, лидерские качества, умение общаться с людьми из любых слоев общества. Не правда ли, этот список кажется нам очень знакомым?

Общество Иисуса, действительно, более походило на успешную транснациональную корпорацию XX—XXI веков, чем на монашеский орден. Иезуиты могли вести светский образ жизни, скрывая свою принадлежность к духовенству. Проникали в любые структуры, вплоть до оккультных, и не отчитывались ни перед кем, кроме своего высшего руководства — генерального настоятеля (генерала). За этой должностью закрепилось неофициальное название «черный папа». Имелся в виду не только цвет сутаны главного иезуита, но также предполагаемая неограниченная тайная власть над настоящим понтификом.

Орден иезуитов как будто специально создавался для современного глобального порядка. Сегодня это — одна из самых успешных католических организаций. Среди ее членов ныне действующий папа римский Франциск — первый в истории понтифик-иезуит.

Кто же был основателем такой мощной структуры в далеком XVI веке?

Удивительный факт: *Societas Jesu* создали не хитроумные политики или лукавые царедворцы, а одинокий студент «не от мира сего» при поддержке нескольких младших сокурсников. Правда, за плечами мечтателя были воинская слава и тяжелое ранение, едва не стоившее ему жизни.

Глава вторая

МЕНТАЛИТЕТ БАСКОВ

Люди часто приходят к Богу после серьезных испытаний. Нет ничего сверхъестественного в том, что легкомысленный дворянин, любитель дам и прожигатель жизни, оставшись калекой, решил уйти в монастырь. Удивительно другое: избрав путь духовного служения, тридцатилетний Игнатий Лойола сразу же наметил себе вершину — стать святым. И начал упорно шаг за шагом двигаться к этой цели. Осознавая свое несовершенство и несоответствие поставленной задаче, будущий первый генерал иезуитов поступил весьма оригинально. Он не стал искать помощи в книгах или у мудрого наставника, а создал собственные «Духовные упражнения» — уникальный, весьма технологичный курс личностного роста — и начал упорно их практиковать. Лойола добился своего, сделав самую экзотическую карьеру в мире. Он причислен к лику святых 12 марта 1622 года.

Такого подхода к делу средневековая ментальность не знала. Привнести в духовность технологию? Это и сегодня немного коробит слух, а в первой половине XVI века звучало и вовсе ко-

щунственно. В те времена мир еще не утратил теоцентристской направленности, несмотря на бурно пробивающиеся ростки гуманизма. Средневековая культура, так или иначе, существовала вокруг Церкви, а творчество подчинялось канону, проповедовавшему «неотход от истины». Новаторство казалось чем-то почти неприличным.

И вот появляется человек, который, нарушая все законы современного ему мировоззрения, «делает себя сам», будто герой знаменитой «американской мечты». Да еще и в самой консервативной сфере, какую только можно себе представить. Казалось бы, такому новому для средневековой истории персонажу логично было бы примкнуть к реформаторскому движению, охватившему всю Европу. Но вместо этого он яростно защищает «морально устаревшую» католическую церковь, причем добивается в этом деле успехов мирового масштаба. Каким образом сложилась в его сознании дикая и гремучая смесь радикального традиционализма и самобытного новаторства?

«Человек, который пытается изменить других, теряет время напрасно, если он не начал с себя» — один из важнейших афоризмов Игнатия Лойолы.

А вот еще два:

«Берегись, как бы тебе не стать столь смиренным, чтобы смирение твое превратилось в глупость».

«Дабы достичь истины во всяком предмете, мы всегда должны быть готовы поверить, что то, что нам представляется белым, на самом деле — черное, если так решит церковная власть».

Между двумя последними фразами можно увидеть противоречие. Оно и стало закваской для своеобразной духовности. Не стоит называть ее «иезуитской моралью». Орден создавался как тайная грозная сила для защиты церкви, и лучшие из членов Общества Иисуса всегда старались действовать согласно своему девизу *Ad maiorem Deigloriam* (к вящей славе Божьей — *lat.*), несмотря на недоверчивость окружающих. В большинстве случаев иезуиты были честны перед собой, просто шли к цели весьма нетрадиционными путями. Успешность и закрытость ордена порождали самые невероятные легенды.

А какими странными казались современникам «Духовные упражнения» Лойолы! Их создателя даже обвиняли в одурманивании людей и превращении их в сумасшедших. И не зря. Практика, созданная святым Игнатием, несет в себе много непривычного для европейца, местами даже напоминает восточные медитации.

Но ведь и сам Лойола по большому счету не вполне принадлежал к европейскому этносу. Он был баском. В свое время его национальной принадлежностью сильно заинтересовались лидеры Третьего рейха, в частности Гиммлер. Некоторые немецкие оккультисты вели баскскую родословную от исчезнувшей расы атлантов, и соратнику фюрера импонировала мысль о том, что «Духовные упражнения» Лойолы являются осколком подлинной традиции Учителей Атлантиды.

Официальная наука, разумеется, не подтверждает происхождения соплеменников Лойолы от мифических атлантов... но и не опро-

вергает, поскольку происхождение этого народа окутано тайной. Ученые дискутируют о нем уже почти 200 лет. Есть гипотезы о родстве басков с древним доиндоевропейским населением Европы или даже с народами Кавказа.

Неразрешимую загадку таит в себе и баскский язык — эускара — предмет особой гордости носителей. Большинство историков относят его возникновение к временам палеолита, из европейских языков он единственный реликтовый, зародившийся задолго до возникновения Римской империи. Его анализ также наталкивает ученых-лингвистов на мысль о Кавказе. Уж слишком подозрительно тождество слова «баски» с наименованием древнего кавказского народа «абаски». Да и Иберийский полуостров повторяет название древней страны Иберии, находившейся на Кавказе.

Было бы логичным предположить, что предки Лойолы когда-то в незапамятные времена пришли с Кавказа, но баскский менталитет почти не оставляет шансов этой гипотезе. Баски живут очень замкнуто в труднодоступных горных районах и в отличие от многих кочевых племен, пришедших в Европу, абсолютно не ассимилируются. Процент генетической чистоты изначальной расы у них в разы выше, чем у всех остальных европейцев. Свою аутентичность им не раз на протяжении веков доводилось защищать с оружием в руках.

Одному из таких случаев посвящена «Песнь о Роланде». Баски, не поддержавшие имперских устремлений Карла Великого, коварно объединились с маврами и напали в Ронсевальском

ущелье на арьергард франкского короля. Справедливее назвать это событие не битвой, а резней, поскольку франки оказались запертыми в каменной ловушке, к тому же их атаквали бойцы, сызмальства привыкшие к опасным горным тропам.

В упомянутой поэме предки Лойолы предстают исключительно отрицательными героями, погубившими славного паладина Хруотланда (Роланда), маркграфа Бретани. Позже, когда Испания подверглась арабской экспансии, именно земля басков стала одним из важных центров Реконкисты. А во второй половине XX века из-за деятельности террористической организации ЭТА (*Euskadi Ta Askatasuna* — Страна Басков и свобода) о басках заговорил весь мир. Их неистовую тягу к независимости не удалось усмирить ни генералу Франко, ни другим представителям власти, их теракты отличались изобретательностью и яростью, как легендарная Ронсевальская битва. На пути следования своего заклятого врага, адмирала Луиса Карреро Бланко, они прорыли подземный ход и устроили взрыв такой силы, что остатки автомобиля нашли потом на балконе близлежащего монастыря.

Глава третья

«ХИТРОУМНЫЙ ИДАЛЬГО»

Создатель Общества Иисуса соединял в себе самобытное мышление в сочетании с взрывным характером и упорство, доходящее до упрямства. Это накладывало отпечаток на всю его деятель-

ность. Непоколебимую твердость воли признавали за ним и единомышленники, и враги. Кардинал Родольфо Пио да Карпи говорил по поводу некоторых весьма радикальных решений Игнатия: «Он уже забил гвоздь», — имея в виду полную невозможность переубедить этого человека.

Секретарь Лойолы, Луис Гонсалес да Камара, приводит предостерегающие слова португальца Симона Родригеса: «Ты должен понять, что отец Игнатий — добрый человек и очень добродетельный; однако он баск, и стоит ему принять что-то близко к сердцу...»

Действительно, несмотря на прекрасное воспитание, первый иезуит являл собой образец типичного баска: вспыльчивого, упрямого, прямодушного, а вовсе не коварного дипломата и лицемера, как могло бы показаться. Подобными особенностями национального менталитета обладали одновременно с ним тысячи его соплеменников. Однако никто из них не добился таких удивительных результатов, как Игнатий Лойола. Правда, первые 30 лет жизни ничто не предвещало ему ни славы основателя могущественной церковной организации, ни тем более причисления к лику святых. Будущий глава иезуитского ордена стремился исключительно к земной славе, при этом со всем пылом юношеского и баскского максимализма. Помешанный на рыцарских романах, он мнил себя героем, с фанатическим упорством овладевая ратным искусством. Впрочем, было бы ошибкой представлять его мрачным агрессивным рубакой. Юный Лойола производил на окружающих самое благоприятное впечатление. По словам Рибаденейры — его первого биографа, — в моло-

дые годы Игнатий был «живым и изящным юношей, который очень любит изысканно одеваться и красиво жить». Кроме того, он не был обделен вниманием дам, а также с успехом исполнял канцоны собственного сочинения, аккомпанируя себе на мандолине. Уже тогда в нем проявлялась болезненная тяга к самосовершенствованию. Помимо уже упомянутых боевых искусств, он мог часами работать над своим и без того великолепным почерком.

Особой религиозности по сравнению с современниками будущий святой не обнаруживал. Он просто любил свою веру, как любят детские воспоминания. По той же причине с особым пietetом относился к апостолу Петру — покровителю рода Лойола. Святилище Сан-Педро-де-Эгимендия находилось всего в нескольких шагах от родительского дома нашего героя. Лойола даже посвятил апостолу целую поэму; к сожалению, этот юношеский опус не сохранился.

Помимо периодического умиления, Лойола в молодые годы не совершал христианских поступков. Он обожал азартные игры, легко вступал в любовные связи и охотно ввязывался в любую ссору, выхватывая оружие по самому ничтожному поводу. Однажды даже ухитрился подраться с монахами.

Его двоюродная тетка, Мария Гевара, до которой доходили слухи о «подвигах» племянника, как-то сказала ему: «Ты не научишься уму-разуму, пока кто-нибудь не сломает тебе ногу»*. Слова женщины оказались пророческими. Фран-

* *Gabriel de Henao S. J. Averiguaciones de las antigüedades de Cantabria.*

цузское ядро, раздробившее ногу Лойолы, стало для него началом новой жизни.

В этой истории удивительно все: почему он был только ранен, а не убит, когда стоял под огнем противника в качестве мишени? Почему не умер и даже не потерял ногу, хотя перенес две варварские операции и совершенно нечеловеческие мучения? Но сам поступок — броситься фактически в одиночку на защиту гибнущей крепости — очень логичен для баскского романтика, которым являлся святой Игнатий.

В некоторых материалах встречается мысль о том, что причиной такой яростной жадности подвига могли стать болезненное самолюбие и банальная бедность. Лойола, при всей храбрости и изяществе манер, имел очень маленький рост. Рядом со своим другом и соратником, святым Франциском Ксаверием, он смотрелся совершенным карликом. К тому же ему выпала судьба родиться младшим в весьма многодетной семье — восемь братьев и пять сестер. Рассчитывать на наследство не приходилось.

Возможно, в этом есть доля истины, но в целом Лойола навряд ли мог чувствовать себя обиженным судьбой. Его род принадлежал к самым влиятельным баскским кланам, а отец — Бельтран Ибаньес де Оньяс* — даже обратил на се-

* В генеалогическом древе семьи святого Игнатия чередовались две фамилии — Лойола и Оньяс, происходящие от двух старейших гипускианских родовых замков. Обе фамилии известны еще с XII века, в начале XIII они объединились. Представитель более древнего рода Оньяс женился на сеньоре более богатого рода Лойола. В результате этого брака сохранились обе фамилии, но Оньяс считалась колыбелью рода. Поэтому ее носили только

бя внимание короля Фердинанда и его супруги Изабеллы. Католические короли пожаловали ему право патроната над церковью родного города — Аспейтии. В хартии от 10 июня 1484 года, утверждающей это право, перечислялись заслуги отца будущего святого: «...за верность, выказанную нам при осаде города Торо, захваченного королем Португалии, а также при осаде Бургоса и на защите окруженной французами Фуэнтеррабии, где Вы лично вместе с Вашими родственниками находились долгое время, подвергая себя риску и опасности, а также за множество других услуг, которые Вы нам оказали и которые, как мы надеемся, будете оказывать в будущем».

Помимо связей и доброго имени, семейство Лойола владело достаточно обширным состоянием, включавшим в себя имения Оньяс и Лойола, дома в городе Аспейтия, луга, фруктовые сады, кузницы и водяную мельницу. Известно, что старший брат Игнатия, Хуан Перес, имел собственный корабль, на котором воевал с французами за Неаполитанское королевство в 1490-х.

Игнатий Лойола родился за год до открытия Америки, в 1491 году. Точная дата рождения неизвестна. Его крестили в приходской церкви Аспейтии. Купель сохранилась до наших дней.

Мать будущего святого происходила из рода Бальда или Сараус. Известно о ней очень мало — даже имя вызывает споры: то ли Марина, то ли Маркеса, то ли Грасия. Умерла она до шестнадцатилетия Игнатия — более точных сведений нет.

Зато материалы, посвященные Лойоле, изо-

первенцы мужского пола или следующие за ними сыновья, к этой категории принадлежал отец нашего героя.

билуют восхвалениями ее моральных качеств, записанными со слов свидетелей. Интересно, что свидетели эти давали показания на процессе беатификации* Игнатия в 1595 году, спустя почти 40 лет после смерти самого Лойолы, ушедшего из жизни в довольно преклонном возрасте. Иметь какие-либо личные воспоминания, касающиеся его матери, они уж точно не могли.

Впрочем, нет причин оспаривать благочестивый характер доньи Марины, ведь жители Страны Басков отличались религиозностью даже по сравнению с остальным населением Испании. Они верили искренне и страстно, стараясь досконально соблюдать обряды. Эта черта нашла отражение в документах: завещания современников Лойолы, как правило, начинаются с исповедания веры. Далее следует отчаянная просьба к потомкам — молиться о прощении грехов завещателя, которые обязательно не менее чем «чудовищны». Сам Игнатий, рассказывая о добродетельности своих родственников, называл имя своей невестки Магдалены де Араос и племянника Бельтрана.

Миф о том, как мать будущего святого родила его в хлеву и положила в ясли, явно имеет родство с аналогичным мифом о Франциске Ассизском. И в выбривании тонзуры в младенчестве тоже не было ничего пророческого — младших сыновей часто посвящали Богу.

О раннем детстве нашего героя не существует

* Беатификация — обряд причисления умершего к лику блаженных в католической церкви; за ней, как правило, следует канонизация — причисление к лику святых.

каких-либо определенных сведений, а вот в отрочестве ему явно крупно повезло. Хуан Веласкес де Куэльяр, старший казначей (*contador mayor*) Кастилии, захотел взять к себе одного из сыновей сеньора Лойольского замка. Такое желание произошло из-за дружбы между домами. К тому же мать Лойолы приходилась родственницей жене казначея. Кастильский идалго намеревался воспитать мальчика в собственном доме, словно родного. Выбор пал на крестника Веласкеса, и перед Игнатием открылся блестящий путь придворной службы.

Впрочем, в те годы его еще никто не звал Игнатием. Имя Иньиго, данное ему при крещении, восходит к Эннеко, дороманскому испанскому имени; оно никак не связано с латинским именем *Egnatius* или с его испанской формой Игнасио. Момент изменения имени неизвестен. Во всяком случае, до пятидесяти четырех лет (1545 год) Лойола еще называл себя Иньиго, правда, с годами это имя осталось только в дружеской переписке, а в официальных бумагах он уже именовался Игнатусом с 1535 года, когда окончил Парижский университет. В реестрах этого учебного заведения новый магистр искусств также значится под именем *Dominus Ignatius de Loyola, dioecesis Rampilonensis*. О причинах, подвигнувших его к переменам, Лойола не распространялся, но один из его биографов, Рибаденейра, объяснял этот факт следующим образом: биограф считает, что Лойола «взял имя Игнатий, потому что оно было более распространенным», или «более привычным для других народов»*.

* *Ribadeneira*. Vida del B.P. Ignacio de Loyola. Кн. 1.

Весьма логично для иезуитского мировоззрения, высоко ценящего коммуникативность, но все же, вероятнее, свою роль здесь сыграло особое почтение Лойолы к святому мученику Игнатию Антиохийскому и его невероятной стойкости.

Сам Иньиго обладал этим качеством в полной мере. Когда ему делали операции на ногах, ломая кости, — врачи не понимали: то ли больной потерял сознание, то ли они сами — слух. Он не кричал, хотя единственным наркозом в XVI веке был стакан крепкого хереса или дубинка, которой оглушали пациента. Позднее в поисках духовного пути он ставил жестокие опыты над собой, убивая свой организм холодом, голодом и бессонницей.

Стоит отметить и еще одно важное свойство личности Игнатия Лойолы. Без него не родились бы ни «Духовные упражнения», ни Общество Иисуса. Это — удивительная мечтательность, находящаяся где-то на грани медитации, аутоотренинга и безумия.

Проявлялась она уже с юности. По легенде, юный Иньиго служил пажом при дворе короля Фердинанда. Так сказано в «Житии святого Игнатия», написанном в 1585 году латинистом Джованни-Пьетро Маффеи. Но Рибаденейра, чья книга считается более серьезным источником, утверждает, что придворная служба имела место, только господином был не король, а крестный Иньиго, Хуан Веласкес. А поскольку старший казначей часто посещал королевский двор, там бывал и его воспитанник.

Воспитатель Иньиго, помимо прочего, являлся крупным феодалом, державшим в подчинении два кастильских города — Аревало и Мадригаль.

Но главную силу ему давало удивительное доверие со стороны короля и королевы — Фердинанда и Изабеллы. Последняя даже упомянула Веласкеса в своем завещании, написав, что он «служил мне усердно и с великой верностью». Влиятельностью покровителя объясняются многочисленные буйные выходки подопечного, сходявшие ему с рук. В его рассказах о своей молодости отцу Гонсалесу да Камара есть такая фраза: «Внимательный к своей наружности, падкий на успех у женщин, смелый в своих ухаживаниях, придирчивый в вопросах чести, ничего не боявшийся, дешево ценивший жизнь свою и других, я предавался роскоши...»

Правда, за один «тяжкий проступок» Лойолу все-таки судили в Аспейтии, но особого страха у него этот факт не вызвал. Молодой мечтатель чувствовал себя при дворе достаточно вольготно и не страдал избытком скромности. Во всяком случае, в дамы своего сердца он записал не женщину своего круга (как мы помним, весьма уважаемого), а особу королевской крови. По собственным воспоминаниям Лойолы, «...сеньора эта была не просто благородного происхождения, как графиня или герцогиня, но занимала положение куда более высокое, чем любая из оных». Первый иезуит унес эту тайну в могилу, но исследователи все же имеют версии насчет предмета воздыхания Иньиго. Первая из них, наиболее вероятная, ни много ни мало новая королева Жермена де Фуа, на которой женился Фердинанд после смерти Изабеллы. Лойола видел ее достаточно часто: Жермена обожала общество жены Веласкеса и дня не могла прожить без любимой подруги. Правда, на роль высокого идеала королева

тянула с трудом. Злые языки называли ее «жирной и не всегда трезвой».

Другая кандидатура — сестра Карла V Леонора Габсбург, супруга короля Франции Франциска I. Есть еще домыслы насчет инфанты Каталены, дочери Хуаны Безумной, но вызывает сомнения слишком юный возраст принцессы. К моменту смерти Фердинанда ей исполнилось только девять лет.

На самом деле, не столь уж важно, какая из королевских особ оказалась предметом воздыханий Иньиго. Вызывает удивление другое: серьезность, даже обстоятельность, с которой он размышлял о своей возлюбленной.

По собственным воспоминаниям Лойолы, выздоравливая от ранения, он «...воображал себе, что сделал бы, служа некоей сеньоре; представлял себе те средства, к которым прибегнул бы, чтобы отправиться туда, где она находилась; остроты и слова, которые он ей сказал бы, а также ратные подвиги, которые совершил бы ради служения ей. И так был он этим обольщен, что не видел, насколько это было для него недостижимо: ведь сеньора эта была не просто благородного происхождения, как графиня или герцогиня, но занимала положение куда более высокое, чем любая из оных»*. А ведь ему уже шло к тридцати — поздновато для юношеского романтизма даже по современным понятиям, а в XVI веке люди взрослели значительно раньше!

Уместно ли вспомнить здесь культ Прекрасной Дамы? Несомненно. Только в те времена рыцарские традиции, предполагавшие сверше-

* «Рассказ паломника о своей жизни».

ние ратных подвигов ради далекой и недоступной красавицы, постепенно отходили в прошлое вместе с самим рыцарством. Появилось огнестрельное оружие, изменившее правила ведения войны. Доспехи теперь больше мешали быстрой маневру, чем защищали. Само рыцарское сословие теряло почву под ногами, перерождаясь в дворянство. Уходила философия рыцарства. Но юный Иньиго, помешанный на рыцарских романах, не хотел этого видеть.

Он упорно жил в своем мире и подстраивал под этот выдуманый мир свои реальные поступки. Возможно, за каждой дракой ему виделся бессмертный подвиг и в каждой женской улыбке он искал улыбку королевы... Вспоминается борьба с ветряными мельницами. И не напрасно: именно Лойола считается прообразом Дон Кихота в одноименном романе Мигеля де Сервантеса.

В зрелые годы его вера в свой мир настолько окрепла, что воображаемое начало воплощаться в реальности.

Мечтательность, стойкость и упрямство стали тремя китами Игнатия Лойолы. На них он построил свое сомнительное для большинства современников предприятие — и привел его к победе.

Глава четвертая

ПОДВИГ

В романтических грезах и ратных упражнениях, а также в азартных играх и любовных интрижках Иньиго без особых забот прожил свои первые

четверть века. Неожиданно синекура закончилась. 23 января 1516 года умер король Фердинанд. Новый монарх, Карл I, приказал Веласкесу передать королеве Жермене оба кастильских города, являющиеся его феодальным поместьем. На деле это происходило так: он принес королеве присягу вассала и отныне управлял своими владениями от ее имени.

Фактически для Веласкеса ничего не изменилось. Он по-прежнему получал доход от городов. Вот только авторитету его нанесли неизгладимый урон. Гордый идалго не смог смириться с этим фактом. Его жена поссорилась с королевой Жерменой, а сам он уехал в один из своих бывших городов — Аревало. Привел его крепость в боевую готовность и собрался держать оборону против власти, но сдался и, вконец расстроившись, умер.

Потеряв покровителя, Лойола оказался не у дел. В родовом замке его никто не ждал. Родители к этому времени уже умерли, хозяином после смерти старшего брата Хуана Переса стал второй брат — Мартин. Роль приживала Иньиго вовсе не радовала.

Спасло его великодушные вдовы Веласкеса, Марии. Добрая женщина дала молодому человеку 500 монет и двух лошадей, посоветовав нанести визит герцогу Нахеры, дону Манрике де Лара, который только что стал вице-королем Наварры, и попытаться поступить к нему на службу. Затея удалась. Манеры Лойолы произвели приятное впечатление на герцога, и тот взял Иньиго в свою свиту.

Молодой дворянин снова погрузился в меч-

тания. «Огромное и суетное желание стяжать славу» — так он сам впоследствии определял свое состояние этого периода.

Добиться славы оказалось не так-то просто. Обязанности вице-королевского придворного (*gentilhombre*) состояли из мелких поручений и сопровождения господина в торжественных процессиях. Порой старший брат Мартин, наследник фамильного состояния, составлял компанию Иньиго. Сохранились сведения об участии обоих братьев в церемонии официального признания Карла, внука короля Фердинанда и сына Хуаны Безумной, королем Кастилии. В общем и целом пафоса хватало, а вот с возможностью совершить подвиг дела обстояли неважно. Правда, Лойола не терял надежды, постоянно и упорно занимаясь «ратными упражнениями».

На четвертый год службы нашего героя — в сентябре 1520 года — город Нахера взбунтовался против герцога. Иньиго впервые в жизни поучаствовал в настоящем бою среди воинов, подавляющих мятеж. Несмотря на успех мероприятия, ожидаемого душевного подъема он не получил, испытывая ужасный стыд при виде мародерства своих сослуживцев. Это разочарование чуть было не сделало его пацифистом. Во всяком случае, когда через год несколько гипускианских городов перессорились из-за Кристобалья Васкеса де Акуньи, нового коррехидора провинции, и начали жечь дома друг друга и вырубать леса, Лойола участвовал в замирении не с мечом в руках, а за столом переговоров. Он не имел особенного дипломатического статуса, просто, будучи жителем Гипускоа, хорошо разбирался в местных тради-

циях и особенностях, к тому же принадлежал к одному из уважаемых кланов, поэтому в поручении герцога нет ничего удивительного. Иньиго справился с заданием хорошо, показав себя «...человеком весьма искусным и благоразумным в мирских делах и очень умелым в обращении с людьми, в особенности же в разрешении разногласий и раздоров»*. Но душа его, напитанная рыцарскими романами, продолжала жаждать подвига.

И вскоре судьба послала ему случай — ту самую битву в Памплоне, полностью изменившую его жизнь.

Дабы сполна оценить донкихотство нашего героя, нужно понять: а что, собственно, представляло собой Памплонское сражение?

Оно произошло на фоне беспорядков, охвативших в 1520 году всю Кастилию и вошедших в историю под названием *Guerradelas Comunidades de Castilla* — Восстание комунерос. Восставшие (как ранее покойный Веласкес) были недовольны новым монархом Карлом V и боролись против его власти. Он правил Кастилией с 1516 года, провозгласив себя королем (и на этом троне он считался Карлом I). Законной же правительницей при этом оставалась его мать, Хуана Безумная, живущая в монастыре. Ее имя и подняли на свое знамя комунерос.

Пока кастильская армия занималась подавлением мятежа, начались волнения в Наварре.

Фердинанд присоединил это королевство к Испании в 1512 году путем хитроумной интри-

* Из записей Хуана де Поланко, секретаря Игнатия Лойолы.

ги. Воспользовавшись чередой дворцовых переворотов и гражданской войной, полыхавшей в Наварре, он обвинил в ереси Жана д'Альбре, правившего Наваррой под именем Иоанна III, добился его отлучения от церкви и занял его престол. Придать этому поступку ореол законности помог брак овдовевшего к тому времени Фердинанда с Жерменой де Фуа — дочерью бывшего претендента на корону. Понятно, что к 1521 году никаких патриотических чувств к Испании на оккупированных наваррских землях вырасти не могло.

Наваррская аристократия привыкла смотреть в сторону Франции. Так было и на этот раз. Французский король Франциск I ответил взаимностью и решил помочь наваррцам в их желании отвоевать захваченные земли и возвести на престол Генриха II д'Альбре. Он направил в Наварру более десяти тысяч пехотинцев, 800 всадников и 29 огнестрельных орудий.

Узнав о готовящемся вторжении, герцог Нахеры (он же вице-король Наварры) дон Манрике де Лара начал просить Карла V о помощи, однако все просьбы остались без ответа. Причины на то имелись. Благодаря скрещению династических линий в руках у Карла оказалось множество земель, еще никогда не объединявшихся под одним правителем. Такого количества титулов никогда не носил ни один европейский монарх: одних только королевских корон насчитывалось более десятка, причем в разных концах Европы*.

* Карл V являлся одновременно королем Леона, Кастилии, Валенсии, Арагона, Галисии, Севильи, Мальорки, Гранады, Наварры, обеих Сицилий, Сардинии, Кор-

Править такой огромной и разношерстной империей было трудно, беспорядки вспыхивали то там, то тут. В такой ситуации отдать все силы и внимание наваррским событиям у него просто не нашлось возможности.

Патрон Лойолы понимал это, и когда французы разбили лагерь в четырех милях от Памплоны, спешно направился в Сеговию, где в то время находились крупные кастильские военачальники, чтобы попросить о помощи лично. Защиту города он поручил своему наместнику, Франсе де Бомону, в распоряжении которого находилась тысяча солдат. Герцог уехал 16 мая 1521 года, а через два дня волнения в городе переросли в вооруженное восстание. Горожане, лояльные Карлу и слушавшиеся дона Манрике де Лара, не захотели выполнять приказы его наместника и потребовали передать командование городскому совету. Франсе де Бомон ответил решительным отказом. В ответ начались беспорядки, и ситуация вышла из-под контроля. Наместник принял решение покинуть Памплону вместе с солдатами.

Именно в этот момент в Памплону прискакал Иньиго вместе со своим старшим братом Мартином де Оньясом. Братья прибыли вместе с целой группой воинов, которую они собрали с помощью уговоров в родном Гипускоа. Увидев творившуюся неразбериху, Мартин тут же повернул обратно вместе со своими людьми. Это представлялось самым разумным, даже наместник больше не верил в возможность отстоять столицу Навар-

сики, Венгрии, Хорватии и прочее, а также королем Германии и Италии и титулярным королем Иерусалима.

ры. Да и как можно говорить об обороне города, если «пятая колонна» сочувствующих французам составляет добрую половину боеспособного населения?

Таковы были доводы разума, но душа Иньиго, почувствовавшая близкую возможность подвига, внимать им не желала. В труде Поланко сказано, что «...дон Франсе желал покинуть город, потому что отчаялся в возможности сопротивления французским войскам и сомневался в верности городских масс; но Иньиго отказался последовать за ним, стыдясь того, что уход его мог показаться бегством. Вместо этого он вступил в крепость во главе тех, кто шел на ее защиту».

Этот поступок открывает для понимания важнейший постулат иезуитской философии: важность собственной личности. Ты можешь стать трупом в руках хозяина, но этого хозяина ты выбираешь добровольно, и иные авторитеты, а также непреодолимые обстоятельства для тебя не существуют.

Лойола решил, что будет защищать крепость до последнего издыхания, — так и случилось. Доподлинно неизвестно, какие официальные полномочия он имел в том сражении. Бесспорно одно: немедленной капитуляции, в которой никто не сомневался, не случилось. Памплона держалась несколько дней (по разным источникам, от двух до четырех) и выстояла она только на одном человеке — рыцаре Иньиго. Своим бешеным натиском он собрал кучку защитников и загнал их в цитадель, не обращая внимания на недостроенные укрепления и почти полное отсутствие продо-

вольственных запасов. Можно с уверенностью сказать: он не поддерживал дисциплину зверствами — окружающим хватало его горящих глаз и отчаянной уверенности в истинном величии происходящего.

Кульминация подвига описана во всех биографиях Игнатия Лойолы. В осажденной цитадели прошел военный совет, на котором снова раздались разумные голоса, призывающие к капитуляции. Но наш герой заставил всех замолчать своей исторической фразой: «Мы лучше погибнем под развалинами замка, чем запятнаем позорной сдачей воинскую славу Испании». После этих слов боевой дух вернулся к присутствующим против всякой логики.

Надо заметить, на «авось» Иньиго при этом не надеялся. Добившись решения отстаивать крепость, он честно приготовился к смерти, исповедавшись одному из своих товарищей.

На рассвете следующего дня французы подтащили орудия и начали наступление. Довольно скоро их пушки пробили большую брешь в крепостной стене. Но Иньиго скоординировал защитаться дальше и первым бросился к пролому, встав посреди него с мечом в руке. И вот тогда грянул еще один орудийный выстрел. Неизвестно, был ли он сделан из фальконета или из легкой кулеврины, но целили, вероятно, в заигравшегося рыцаря. По удивительной случайности ядро пролетело у него между ног, раздробив при этом правую ногу и повредив левую. Сам Лойола вспоминает об этом так: «И вот, когда обстрел шел уже довольно долго, одна бомбарда угодила ему в ногу, полностью ее сломав; а так как оско-

лок прошел через обе ноги, то и другая была тяжело повреждена»*.

Храбрый идадьго упал, и сразу же после этого крепость сдали. Верные кабальеро, оставшиеся без бешеной энергии своего командира, сложили оружие и безропотно впустили французов в пролом. Это произошло в понедельник Пятидесятницы, 20 мая 1521 года, как пишет Николас Орландини** в первой части своей «*Historiae Societatis Iesu*». Более поздние исследователи называют другую дату — 23 или 24 мая, но суть от этого не меняется: Памплона держалась на харизме Иньиго и пала, как только тяжелое ранение вывело его из строя.

Глава пятая

ЖИЛ НА СВЕТЕ РЫЦАРЬ БЕДНЫЙ...

Итак, наш герой попал в руки врагов. Как ни странно, его не стали мучить, заточать в темницу или требовать выкупа. Французы, потрясенные храбростью Лойолы, оказали ему первую медицинскую помощь, а затем отдали испанцам. Конечно, в те времена рыцарские понятия еще не забылись окончательно, но все же героизм Иньиго явно произвел на неприятеля весьма сильное впечатление.

Между тем ранило его серьезно. О состоянии здоровья Лойолы после осады лучше всего свидетельствует протокол допроса алькальда сдан-

* «Рассказ паломника о своей жизни».

** *Николас Орландини* (1554—1606) — первый иезуитский историк.

ной врагу крепости Мигеля де Эрреры. Пытаясь оправдаться, Эррера умолял своих судей допросить брата сеньора Лойолы как можно скорее, пока тот еще жив. Состоялся ли допрос раненого — неизвестно, но Мигеля де Эрреру оправдали. А Иньиго отправили на родину в Аспейтию.

При переломах главное — хорошо и правильно зафиксировать поврежденные кости. Для этой цели накладывают гипс, шины, больного стараются перемещать осторожно. Представим теперь, какая транспортировка досталась Лойоле. Его погрузили на носилки и потащили по неровным горным дорогам. Идти предстояло почти сто километров, к тому же в конце мая — начале июня путников, скорее всего, мучила жара. Дом одного из испанцев, тащивших носилки, Эстебана де Суасты, стоял примерно на полдороге, там раненый получил небольшой отдых. Вряд ли именно это спасло Лойолу, скорее наоборот, пошло во вред. Кости, скрепленные французскими врачами, разошлись от тряски, и отсрочка перед новой операцией могла стать смертельной.

Чуть живого от страданий и начавшегося воспаления Иньиго привезли в родовой замок и сдали на попечение родственников. Тут же созвали лучших врачей, которые сразу приступили к спасению героя. Судя по всему, эскулапы направили свои силы на общее укрепление больного. Их усилия увенчались некоторым успехом, жар спал, и вот тут-то выяснилось самое неприятное. Сместившиеся кости уже начали срастаться и сделали это таким образом, что больной вряд ли смог бы когда-нибудь ходить самостоятельно. По словам самого Лойолы, «...ногу нужно было опять

сломать и сызнова поставить кости на свои места <...> то ли потому, что кости были дурно составлены прежде, то ли потому, что они разошлись по дороге, но <сейчас> они были не на своих местах, и излечиться так было невозможно»*.

С обезболиванием в те времена дела обстояли совсем не так, как сейчас. Эфир уже открыли, причем это произошло как раз в Испании. Но до описания Парацельсом его обезболивающих свойств оставалось 19 лет, а до первых эфирных наркозов — более трех столетий. Тем не менее существовала примитивная анестезия в виде отваров опия, конопли и прочих наркотических веществ, а также специальных «сонных» губок. Их пропитывали соком той же конопли или белены и поджигали, заставляя больных вдыхать усыпляющие пары. К более дешевым средствам относилась палка, которую использовали в двух вариантах: совали в зубы оперируемому, дабы помочь ему сдерживать крики, или в самых критических случаях врачи просто оглушали ею пациента.

Неизвестно, пытались ли доктора облегчить страдания Иньиго. Даже если и так — им это не особенно удалось. В «Рассказе паломника о своей жизни» Лойола называет эту операцию «резней», подчеркивая ее невыносимость и бесчеловечность. «И снова устроили эту резню (*carnecería*), в которой он — равно как и во всех прочих, каковые ему довелось претерпеть и ранее, и впоследствии, — не вымолвил ни слова и ничем не выказал своих страданий, разве что крепко сжимал кулаки».

* «Рассказ паломника о своей жизни».

После столь грубого хирургического вмешательства состояние раненого начало стремительно ухудшаться. Он перестал есть, и даже далекие от медицины люди видели у него признаки близкой смерти. В праздник Рождества Иоанна Крестителя, 24 июня, врачи, потеряв всякую надежду, посоветовали больному исповедоваться. Он принял таинство елеопомазания больных, но ничего не изменилось. Так прошло еще четыре дня. Иньиго находился между жизнью и смертью. 28 июня, в канун Дня святых апостолов Петра и Павла, состояние Лойолы стало критическим, и медики дали ему срок до полуночи, не больше. Но в полночь вместо ожидаемой смерти наступило улучшение.

Многие биографы святого Игнатия обращают внимание на связь исцеления с праздником апостола Петра. Сам Лойола тоже отметил этот факт, когда диктовал свой «Рассказ паломника»: «Означенный больной всегда чтит святого Петра, и вот Господу нашему было угодно, чтобы в эту самую полночь его состояние стало улучшаться».

Казалось бы, с этого момента и должно было начаться преобразование и обращение нашего героя, но у Иньиго все происходило крайне своеобразно. Через несколько дней, почувствовав достаточно сил, он осмотрел свои ноги и обнаружил, что кость ниже колена не сложилась с другой и осталась торчать, образуя неприглядный нарост. К тому же одна нога оказалась короче другой. Лойола вызвал врачей и поднял страшный скандал*. Эскулапы не знали, как успокоить

* Кстати, главный хирург, Мартин де Истиола, тоже остался крайне недоволен. До начала операции он дого-

его. Они-то гордились своей работой. Пациент не только удивительным образом выжил, но даже, скорее всего, сможет ходить, хотя до операции это не представлялось возможным. Иньиго же пребывал в отчаянии. Он совершенно не мыслил жизни без своих любимых модных, облегающих сапог. А как их наденешь с таким уродством?

Побушевав немного, он подошел к решению проблемы практически — спросил хирургов: нельзя ли просто срезать мешающий нарост, да и дело с концом? «Разумеется, можно», — ответили те, добавив: страдания при этом будут намного сильнее, чем все, перенесенные пациентом до сих пор. Ведь он же сам прекрасно видит: для придания его ноге более эстетического вида придется резать кожу и мясо, прежде чем нож хирурга доберется до кости.

Присутствовавший при этом разговоре Мартин де Оньяс пришел в ужас и принялся уговаривать младшего брата оставить несчастную ногу в покое. Но Иньиго проявил свое знаменитое упрямство: не откажется от любимых сапог и все тут! «Он был живым и изящным юношей, — объясняет Рибаденейра, — очень любил изысканно одеваться и красиво жить».

Засим последовала новая, еще более страшная «резня», каковую Лойола, по собственным

ворился с семьей Лойола на 13 дукатов, а получил только десять. Может быть, это случилось после того, как в процессе лечения он потребовал увеличить гонорар почти вдвое. Интересно, что почти такую же сумму — 12 дукатов — принял от властей на лечение ранения, полученного при защите крепости города Памплона, один из товарищей Иньиго — Алонсо де Сан-Педро. Лойоле, как добровольцу, вспоможения не досталось.

воспоминаниям, «перенес с обычным своим терпением». Ему срезали кусок плоти, спилили торчащую кость и прописали множество целебных мазей, которые вкупе со специальными растягивающими устройствами должны были сделать ногу длиннее. Вряд ли это сильно помогло, зато страданий, несомненно, добавило.

Несмотря на все зверства, общее состояние здоровья Иньиго довольно быстро пришло в норму, но встать с постели ему пришлось только через несколько месяцев. Разумеется, деятельный и энергичный молодой человек начал сходить с ума от скуки и потребовал развлекательного чтения — своих любимых рыцарских романов. Кажалось бы, чего проще? Эти популярные книги присутствовали во многих богатых домах. Лойола вдоволь начитался их, живя у крестного. А вот в отчем доме подобной литературы не нашлось. Из-за крайне благочестивых вкусов Магдалены де Араос, жены Мартина, на полках стояли одни жития святых да прочие теологические труды.

Иньиго долго отказывался от них, занимая бесконечный досуг мечтами, — конечно же, о той, неизвестной исследователям даме королевской крови. По собственным воспоминаниям, он «...погружался в мысли о ней на два, три и четыре часа, сам того не замечая» и «...воображал себе, что сделал бы, служа некоей сеньоре; представлял себе те средства, к которым прибегнул бы, чтобы отправиться туда».

Сладостности грез сильно мешала мысль о физической ущербности. Оптимистичный Лойола пока еще утешал себя надеждой на хитроумные врачебные растяжки, которые приближали

его к любимым модным сапогам. С каждым днем верить в будущее становилось все труднее, и дело было даже не в неизлечимости ранения. В новых условиях, без поддержки Веласкеса, Иньиго вряд ли мог рассчитывать на успешную придворную карьеру, даже не будучи калекой. А примириться с ролью середнячка с его амбициями и темпераментом? Это навряд ли.

Так и видится картина: устав от безнадежных фантазий, Иньиго говорит своей благочестивой невестке, Магдалене де Араос:

— Несите ваши скучные фолианты, ладно уж...

Выбор душеспасительной литературы оказался не так велик: четыре тома *Vita Christi* («Жизни Христа») картезианца Рудольфа Саксонского*. Да еще том под названием *Flos sanctorum* — «Избранные жития святых» с прологом монаха-цистерцианца Гауберто Марии Вагада.

Измученный бездействием бедный рыцарь обрадовался хоть какому-то занятию и начал старательно штудировать непривычные для него богословские тексты. Утомившись, снова возвращался к грезам о Прекрасной Даме. Вскоре он заметил одну интересную закономерность: в отличие от привычных мирских мечтаний душеспасительные книги заметно улучшали настроение. Лойола попробовал управлять своими мыслями и начал представлять себя на месте того или иного святого. Выяснилось, что это гораздо приятнее несбыточных грез о королеве.

Вот строки из его воспоминаний, характеризующие перемены в сознании Иньиго: «Думая о

* Год издания 1502-й, Алькала, перевод на испанский францисканца Амбросио Монтесино.

вещах мирских, он весьма услаждался; но когда, утомившись, он оставлял эти мысли, то чувствовал скуку и недовольство. Когда же он думал о том, чтобы пойти в Иерусалим босиком, питаться одними травами и совершать все прочие подвиги покаяния, которые, как он увидел, совершали святые, — то утешался он не только тогда, когда задерживался на таких мыслях, но и, даже отстранив их, оставался доволен и радостен».

Жития увлекли Лойолу не на шутку. Вместо ратных и любовных подвигов Амадиса Гальского* его воображение захватили духовные борения Франциска Ассизского и Доминика. В какой-то момент Иньиго вдруг понял: путь святого может стать для него реальностью, и гораздо большей, чем рыцарство. Причем на этом пути ему не помешают ни физическая ущербность, ни недостаток богатства.

Окончательно решив переквалифицироваться из рыцарей в святые, наш герой с баскским фанатизмом и практической хваткой перешел от теории к практике. Он начал, как сказали бы сейчас, «собирать материалы» и искать возможности для тренировок.

* *Амадис Гальский (Amadís de Gaula)* — герой средневековых испанских романов, созданный Гърси Родригесом де Монтальво. Амадис — плод добрачной любовной связи короля Периона Гальского и принцессы Элилены, дочери короля Малой Британии. Связь нужно скрыть, и новорожденного помещают в ковчег и бросают в реку. Река впадает в море, и в море младенца подбирает шотландский рыцарь; при дворе шотландского короля найденный воспитывается под именем «Дитя Моря».

КАК СТАТЬ СВЯТЫМ

Свой тренинг святости Лойола начал, анализируя поступки святых и примеряя их на себя. «Святой Доминик сделал то-то — значит, и я должен это сделать; святой Франциск сделал то-то — значит, и я должен это сделать»*. Продолжая оставаться в душе рыцарем, он поначалу измерял подвиги своих новых кумиров и силу их святости исключительно суровостью телесного воздержания. Сколько дней кто смог проголодать, как кто себя истязал — эти внешние признаки захватили его воображение. Мысленно он уже находился где-то рядом с Франциском на черной и страшной горе Ла Верна** и получал стигматы в награду за духовную доблесть.

Вот только на деле ничего не менялось. Ноги, неподвижно закрепленные хитроумными палками и распорками, никак не могли привести Иньиго к Иерусалиму. А его фанатичная натура нуждалась в немедленном действии.

Нужно было найти какое-то достойное занятие, и Лойола его нашел. Методично и ежедневно он начал практиковаться в «ненависти к себе». Она не имела ничего общего с мазохизмом и в дальнейшем развилась в знаменитое иезуитское «испытание совести». Эта духовная практика, родившаяся в XV веке, напоминает многие современные психологические тренинги с их смесью мистического и рационального.

* Из «Рассказа паломника о своей жизни».

** Ла Верна — уединенная гора в Апенниннах, на которой в августе 1224 года Франциск Ассизский получил стигматы.

...Первое испытание совести надо совершать утром, «...когда человек встает с постели; тогда надо сразу же решить старательно избегать определенного греха или несовершенства, от которых он желает избавиться. <...> Потом пусть поставит на первой линии столько точек, сколько раз впал в упомянутый грех либо слабость; и пусть снова решит исправиться до следующего испытания совести».

Второй раз подводить итоги следует вечером, «...после ужина. Тогда совершается второе испытание; точно так же требуется отчет час за часом, от времени первого испытания до настоящего. После этого на второй линии схемы ставится столько точек, сколько было падений в эту слабость или грех»*.

Правда, тогда, осенью 1521-го и зимой 1522 года, Иньиго находился еще очень далеко от своего шедевра духовной технологии. Он только сформулировал свою цель: стать рыцарем Бога, то есть служить Ему и быть отмеченным Его вниманием. И как раньше он самозабвенно упражнялся в ратном деле, так и сейчас осознанно тренировался в ненависти к себе, несовершенному. Эта постоянно практикуемая ненависть, по замыслу будущего святого, очищала его душу от недостатков, чтобы привести к совершенству.

Параллельно Лойола начал выписывать из книг, которые он читал, самое важное — слова Христа и Богоматери. Первые он писал красными чернилами, вторые — синими. Для этого занятия он отвел специальную дорожку тетрадь,

* Из «Духовных упражнений» Игнатия Лойолы.

очень толстую (около трехсот страниц), сшитую из вылощенной разлинованной бумаги. Записи делались идеальным почерком, натренированным еще в доме крестного.

Упорная работа со своим сознанием довольно быстро начала приносить плоды. Изменения, произошедшие в личности Лойолы, заметили домашние. Магдалена де Араос не могла нарадоваться, видя, как ее благочестивые книги действуют на недавнего повесу. Наконец произошло событие, заставившее серьезно задуматься даже старшего брата Иньиго, Мартина. Лойола пережил видение Богородицы.

В воспоминаниях он описывает это «посещение» так: «Как-то ночью он бодрствовал и ясно увидел образ Богоматери со Святым Младенцем Иисусом. Это видение длилось в течение значительного срока и принесло ему самое живое утешение, оставив его с таким отвращением ко всей прошлой жизни, особенно же к делам плоти, что ему показалось, будто из души его стерлись все образы, до того в ней напечатленные». И с того часа до августа 1553 года, когда он рассказывал об этом, «он ни разу ни в малейшей степени не потакал делам плоти».

Как же отреагировал на подобное чудо глава рода? Мартин не слишком обрадовался обращению младшего брата, хотя сам активно занимался церковными делами. Он курировал приходскую церковь в Аспейтии, тщательно вникая в каждую мелочь, будь то распорядок богослужений или очередная десятина, пожертвованная на содержание прихода. Вел переговоры с женским монастырем Непорочного Зачатия о постройке ново-

го храма, которым тоже планировал заниматься. Все эти многочисленные душеспасительные дела не выходили за привычные рамки, чего не нельзя было сказать о планах Иньиго. Старший брат за-нервничал. «Святой — это, конечно, прекрасно, но не в моем же доме!»

Не встретив понимания у Мартина, Лойола не расстроился, а скорее даже обрадовался. Теперь он мог с чистой совестью действовать тайно. Не делиться планами ни с братом, ни с другими родственниками. И вообще сохранять полное инкогнито. Мысль уйти в монастырь под чужим именем показалась ему очень удачной. Только так он мог уберечься от излишнего почтения, которым его наверняка наградили бы, узнав о принадлежности к уважаемому роду. А для достижения цели душа бывшего шеголя и ловеласа нуждалась в строгой диете, лишенной приятности и похвал, состоящей лишь из одних лишений.

Измученные несколькими операциями кости постепенно срастались. Иньиго уже пробовал вставать и даже делать робкие шаги, опираясь на костыли. Едва научившись ходить из комнаты в комнату, он немедленно дал тайное поручение одному из слуг, собиравшемуся ехать в Бургос. Нужно было досконально узнать правила проживания и устав тамошнего монастыря Мирафлорес. Устав Лойоле весьма понравился. Но он тут же испугался: не будет монастырское житие в удовольствие вредным для неокрепшей души? К тому же дадут ли монастырскому послушнику достаточно свободы для личного подвига покаяния?

После долгих тягостных раздумий наш ры-

царь решил поступить сообразно рыцарскому духу: совершить паломничество в Иерусалим, ко Гробу Господню.

Брату Иньиго сказал, что едет к герцогу Нахеры. Чистая правда. Лойола действительно собирался навестить своего бывшего начальника. Вот только возвращаться домой после визита он вовсе не планировал.

Видимо, не в меру просветленный взгляд все же выдал истинные намерения будущего святого. Во всяком случае, Мартин заподозрил неладное и начал буквально умолять младшего брата не губить себя. Он долго водил Иньиго по замку, рисуя ужасы, ожидающие в далеком путешествии человека с больными ногами. Старший брат надеялся утомить Иньиго этими бесконечными походами по комнатам, доказав таким образом неготовность того к паломничеству прямо сейчас. Но Лойола ничем не обнаружил усталости, а предполагаемые лишения скорее вдохновляли его, чем пугали.

Тогда Мартин сменил тон и начал просить брата подумать «о том, как надеется на него народ, какой вес он может иметь». Глава рода Лойола был неплохим психологом. Он знал о честолюбивом характере Иньиго. Вот только не учел, насколько изменились его цели. Горячие речи брата не нашли никакого отклика в сердце будущего святого. Хотя сам аргумент еще раз указывает на некоторую популярность Иньиго уже в молодом возрасте.

Терпеливо выслушав старшего брата, Лойола поступил по-своему. В конце февраля 1522 года он покинул родовое гнездо и отправился навстречу

подвигам святости. Чтобы не расстраивать Мартина окончательно, он не пошел пешком, а выехал верхом на мулице. С ним отправился другой брат — скорее всего, это был священник и ректор церкви в Аспейтии, Перо Лопес де Оньяс.

Глава седьмая

ПАЛАДИН ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ

Шаги к святости — в том смысле, как он понимал это определение в то время, — Иньиго начал с первых же дней путешествия. Он убедил Перо по пути к герцогу заглянуть в местечко Арансасу, где находилось святилище Богородицы. Там он планировал провести ночь в молитвенном бдении. Скорее всего, именно той ночью он принес и обет целомудрия. Во всяком случае, так считал один из первых иезуитов, Диего Лайнес, близко знавший Лойолу и ставший его преемником.

Иньиго жил тогда совершенно в своем мире, и христианство, которое он исповедовал, несколько отличалось от общепринятого. Так, свой обет он принес не Богу, как следовало бы, а Пресвятой Деве. Очень в духе романтического рыцарства с его культом Прекрасной Дамы. Дон Кихот Ламанчский не видит недостатков Дульсинеи, поскольку она олицетворяет для него саму идею Прекрасной Дамы. Для прототипа Дон Кихота, Иньиго де Лойолы, дамой сердца становится сама Богородица. Она чудесным образом снисходит к нему, делаясь более досягаемой, чем та неизвестная царственная особа, о которой он мечтал до своего обращения.

Но что мог подарить бедный рыцарь своей Небесной Даме? Разумеется, подвиг. Одного целомудрия казалось мало, и Лойола начал практиковаться в самопожертвовании. Он попросил брата отслужить вигилию в Арансасу. Обычно вигилия (католическое всенощное бдение) проводится накануне больших праздников, как подготовка к торжеству. Но возможен и другой смысл: аскетическая практика, добровольный отказ от необходимого ночного отдыха. Именно такой подарок Иньиго с помощью среднего брата приготовил своей Даме, сдобрив его щедрой порцией страданий. К ужасу брата, он пытался простоять на перебитых ногах всю ночь, в качестве отдыха позволяя себе время от времени опускаться на колени.

Странное дело, но наутро будущий святой чувствовал себя бодрее, чем находящийся в полном здравии преподобный Перо. Поэтому Иньиго удалось отказаться от опеки брата без особого труда, тем более при Лойоле оставались двое слуг. Перо Лопес отправился в Оньяте, где проживала одна из их сестер. А наш герой поспешил в Наваррете к своему бывшему патрону. Помимо почтения, которое он хотел выказать герцогу, имелось еще одно дельце: Манрике де Лара задолжал своему доблестному подчиненному несколько дукатов.

Здесь самое время рассказать о событиях, произошедших в то время, когда храбрый идалго оправлялся от ран. Французский король Франциск I, завоевавший Наварру, удержать ее не смог. Чуть более месяца спустя после падения Памплоны, 30 июня 1521 года, он потерпел по-

ражение при Ноайне. Позже, 28 октября, французские войска отыгрались, взяв хорошо укрепленный город Фуэнтерабия, где скрылись наваррские правители, управлявшие королевством в отсутствие императора Карла. Им пришлось скрыться в городе Витория. Но счастливая звезда французского короля начала закатываться. На него ополчились все властители Европы, включая даже папу римского Льва X, который семью годами ранее одарил Франциска титулом «христианнейшего» короля и признал за французским двором право назначения почти во все епископства и аббатства.

Сам Лев X вошел в историю как персонаж, сильно подпортивший репутацию католической церкви. Именно он дал добро на продажу индульгенций, а его слишком ретивый помощник — монах Тецель — довел идею до абсурда, за которым последовал страшный социальный взрыв, именуемый Реформацией*.

* Поводом для начала Реформации стала продажа индульгенций. В католических странах вошло в обычай одновременно с покаянием и отпущением грехов жертвовать деньги на богоугодные дела. Кое-где пожертвования начали становиться обязательными, и постепенное отпущение грехов все больше походило на платную услугу. До крайности довел эту идею папа Лев X (мирское имя Джованни де Медичи). До избрания на Святой престол он не имел священнического сана, являясь кардиналом-мирянином. Его избрали единогласно, надеясь на его дипломатический талант и могущество дома Медичи. Действительно, он смог заключить выгодный для папства союз с королем Франции и предпринял ряд других полезных шагов. Но по духу оставался глубоко светским человеком. Страстно увлекаясь охотой и пышными театрализованными празднествами, он тратил вдвое больше, чем

Не будь этого потрясения, вряд ли наш герой, мечтающий возродить золотой век рыцарской чистоты веры, оказался бы настолько востребованным. Он явно родился не в свою эпоху, но именно это несоответствие дало ему независимость от времени и возможность бороться с его вызовами.

Интересный факт: Вормсский эдикт, объявивший Мартина Лютера еретиком, был издан спустя несколько дней после памплонского подвига Игнатия Лойолы. Словно Иньиго действительно призвали спасти целостность западного христианства. И очень знаменательно, что одним из главных деятелей Контрреформации стал не профессор теологии, прекрасно разбирающийся в богословских тонкостях, а баскский Дон Кихот, искренне посвятивший свое сердце Богородице. Кстати, Лойола никогда не чувство-

мог себе позволить, имея папские имения и рудники. Расстратив все деньги, он поручил архиепископу Майнскому ввести открытую продажу индульгенций в Германии. Исполнителем этой идеи стал монах-доминиканец Тецель, также не склонный к аскетизму. Он сделал из индульгенций настоящий «бизнес». Запасшись большим количеством папских грамот, а также изготовив всевозможные ярлыки на настоящие, прошлые и будущие грехи, он пустился в путь, прихватив с собой изрядный ящик для денег. И тот стал быстро наполняться. Суеверные поселяне бросались к красноречивому монаху и отдавали последние гроши в надежде на избавление от адских мук. Сохранился исторический анекдот, претендующий на подлинность. Один рыцарь купил у Тецеля индульгенцию на будущий грех, после чего спокойно ограбил продавца. Ситуация с индульгенциями, возмущавшая все слои общества, подвигла Мартина Лютера опубликовать свои знаменитые 95 тезисов против папства.

вал особой неприязни ни к Лютеру, ни к Кальвину, ни к Цвингли. Он будто бы не замечал своих оппонентов и никогда не читал, полагая их работы вредными для души.

Но вернемся к событиям в Наварре. Среди ее трех правителей, скрывшихся от французов в Витории, был кардинал Адриан из Утрехта. Император Карл очень жаловал его, поэтому избрание Адриана на Римский престол не стало для европейского сообщества большой неожиданностью. С его уходом со светской должности расстановка сил в Наварре изменилась. Небывалое влияние приобрел альгвасил Кастилии Иньиго Фернандес де Веласко, давний и заклятый враг герцога Нахеры. Бывший начальник Лойолы в одночасье потерял и авторитет, и все свое состояние. Герцога лишили должности вице-короля Наварры, а его дом разграбила беснующаяся толпа.

К моменту, когда Иньиго послал свою записку, Манрике де Лара уже 12 месяцев сидел без жалованья. Потому герцогский казначей встретил гостя неприветливо. Однако когда дон Манрике узнал, кто приехал за деньгами, он сказал: «Денег может не быть для кого угодно, но для Лойолы их не может не быть».

Герцог имел насчет Иньиго долгосрочные планы. Он «...хотел дать Игнатию хорошую должность поручика, если бы тот пожелал ее принять». Дон Манрике хорошо знал о состоянии здоровья своего бывшего подчиненного, тем не менее хотел видеть его у себя на службе снова. Теперь Иньиго вовсе не грозила жалкая судьба инвалида-пенсионера. Но земные радости не

могли выдержать конкуренции рядом с мечтой о святости.

Получив от герцога деньги, Лойола разделил их на две части. Одну попросил раздать нескольким людям, которые когда-то ему помогли. Другую пожертвовал на обновление образа Богородицы в Арансасу, поскольку он «был в плохом состоянии, чтобы поправить и украсить его». Разделавшись с деньгами, Иньиго отпустил слуг — поступок весьма решительный, учитывая, в каком состоянии он находился: нога постоянно болела, а к вечеру всегда опухала. А ведь пока еще он ехал верхом!

Так и представляется пустынная дорога, вдали затихает стук копыт — уезжают слуги, удивленные и встревоженные. Человек, сидящий на муле, смотрит им вслед... Трудно поверить в его беспечность — мужчина за тридцать, решительный, знающий цену жизни, разумеется, он понимает, насколько трудна будущая дорога. В прямом смысле, он же собирается на искалеченных ногах пройти пол-Европы. А ведь еще есть и другие трудности, много сильнее. Он из аристократического рода, привыкший к почитанию и роскоши. Удастся ли ему выдержать смирение длиной в целую жизнь?

Подобные мысли вполне могли посетить Иньиго в тот день. Но навряд ли он предавался им долго. Лойола всё же был не созерцательным мистиком, а бывшим офицером. Военные люди чрезмерной рефлексией не грешат, они видят крепость — и завоевывают. И только потом разбираются с ее внутренним содержимым.

Свою цель Иньиго поначалу представлял се-

бе очень смутно. Имея в голове поверхностную картинку, почерпнутую из книг, он пытался подражать святым во внешних проявлениях. Как пишет один из современных биографов, отец Кандидо де Далмасес: «Он плохо понимал, что такое смирение, милосердие и терпение, а также разборчивость, необходимая для проявления этих добродетелей, все его внимание было сосредоточено на великих подвигах покаяния, которые он помышлял совершить, видя в них, тем самым, меру святости»*.

В знаменитой системе Станиславского среди разных приемов обучения актерскому мастерству есть нечто подобное, когда начинающий актер приходит к пониманию роли через «тело» — копируя мимику и пластику.

Поэтому вместо сомнений и терзаний по поводу своего предназначения будущий святой, скорее всего, начал строить планы, которые помогли бы ему достичь славы святого Франциска. И конечно же он, как истинный рыцарь перед боем, обратился в мыслях к Небесной Даме.

И надо же так случиться! Не прошло и нескольких часов, как его рыцарская верность подверглась самой настоящей проверке. По дороге ему встретился путник. Так же как Лойола, он путешествовал на муле, но яркая одежда издали выдавала в нем араба-мусульманина. Иньиго, уже видевший себя миссионером, обращающим язычников и сарацинов, заговорил с ним, а тот оказался попутчиком и охотно поддержал разговор. Как-то незаметно собеседники подошли к

* *Cándido de Dalmases*. El Padre maestro Ignacio: breve biografía ignaciana / Пер. В. Басмовой. (Рукопись.)

обсуждению Богоматери. Мавр относился к ней с почтением и даже верил в то, что она зачала без участия мужчины. Вот только считать ее Девой отказывался. Как же можно сохранить девственность после родов?

Лойола задумался. Для него казалось невыносимым, поверив в чудо непорочного зачатия, сомневаться в такой мелочи. Но иноверец напирал на логику и свое знание женской физиологии. Иньиго яростно возражал. В «Автобиографии» сказано: «паломник привел множество доводов», но каких — осталось тайной.

А правда, каковы могли быть доводы? Представим, араб в запальчивости наклоняется к собеседнику:

— Послушай, дорогой, так не бывает — ребенок родился, а она — девушка!

Тот парирует:

— И так тоже не бывает: обычная женщина — и родила бессмертного Бога!

— Она не обычная девушка, она богиня!

— Значит, по-вашему, великое чудо могло случиться, а небольшое — нет?

— Почему нет? Но зачем Богу делать такое странное чудо? Какая в нем польза? Это даже не очень умно.

Нечто подобное могло иметь место, за исключением образа иноверца. Хотя после Реконкисты арабы и перестали хозяйничать в Испании, они продолжали оставаться тем высококультурным народом, который создал славу Кордове, Севилье, Толедо и другим испанским городам.

Итак, не вняв ни одному из «множества доводов», упрямый мавр неожиданно ударил плеткой

своего мула и ускакал, оставив Лойолу в неприятном состоянии духа. Наш герой чувствовал, будто его Даму оскорбили, а он не смог защитить ее. Согласно «Рассказу паломника», «на него нашло желание отправиться на поиски этого мавра и угостить его кинжалом за то, что он говорил».

Раньше Иньиго поступил бы так не раздумывая. Теперь же его одолели глубокие сомнения. Конечно, сарацин подверг поруганию святейшее имя, но не сам ли Лойола спровоцировал этот разговор? Если так — вина рыцаря усугубляется. В таком случае догнать иноверца и угостить кинжалом — единственный выход. А то, что сил после ранения осталось совсем немного и в поединке с молодым крепким мавром он может погибнуть, — даже к лучшему. О такой красивой смерти можно только мечтать.

Лойола замахнулся кнутом, намереваясь хорошенько огреть им мулицу, и... медленно опустил руку.

А вдруг он ошибся? Разве доброе это дело — взять и убить человека, пусть и иноверца? Не специально же этот мавр оскорблял Богоматерь. И правильно ли самому Иньиго погибнуть, так и не объяснив сарацину истины? А ведь заблуждается не один только этот мавр. По Испании, да и по всему миру, ходят толпы сарацинов, язычников и еретиков. Сколько пользы можно принести, проповедуя им!

Уже тогда, в первые дни своего пути, Лойола столкнулся с проблемой неоднозначности происходящего. Раньше, будучи человеком действия, он не задумывался об этом. А теперь он вдруг увидел, как в белом может скрываться чер-

ное и в черном — белое. Может, тогда ему и пришла в голову мысль о необходимости авторитарного руководителя, который бы избавил ученика от пагубных колебаний?

Но там, на пустынной дороге, обратиться за руководством было не к кому. Помучившись выбором, Иньиго понял: какое бы решение он ни принял — все равно будет раскаиваться. Рассудок и сердце тянули его в противоположные стороны. Не зная, чему довериться, он решил отдать свою судьбу в руки Господа. В качестве Его орудия выбрал все ту же мулицу. Подъехав к развилке, он бросил поводья и стал ждать.

Одна из дорог вела к поселку, куда собирался ехать араб. Скорее всего, животное выберет ее — широкую, ровную и некаменистую. К тому же по ее обочинам зеленела аппетитная трава. Но, к счастью для сарацина, мулица повернула на вторую, столбовую дорогу. Совесть рыцаря была чиста. Он поспешил навстречу новым подвигам во славу Пресвятой Дамы. Его ближайшей целью стал знаменитый уже в те далекие времена монастырь на горе Монсеррат.

К моменту посещения Лойолой это святилище имело солидную историю. Первые бенедиктинские скиты появились здесь в конце IX века, то есть более шестисот лет назад. Монахов привлекли не только уединенность и труднодоступность места, но и совершенно фантастический пейзаж. До сих пор туристы, впервые увидевшие монсерратский горный массив, теряют дар речи от этого зрелища. Формы горного хребта настолько необычны, что кажутся произведением скульптора-сюрреалиста или декораци-

ями для волшебной сказки. И без того причудливый, рельеф дополняется каменными шапками. Они напоминают рукотворные скульптуры. Некоторые даже имеют названия: Голова Слона, Верблюд, Брюхо Аббата... Похоже, будто бы они не появились одновременно с горами, а были искусно прилажены к горным вершинам рукой неизвестного мастера.

Местные жители так и считают. Они уверены: Монсеррат выпилили золотой пилой ангелы, задумав сделать величественную корону для Богородицы.

Распиленная гора (так с каталонского переводится слово «Монсеррат») была связана с именем Пресвятой Девы с самого начала, еще до того, как на ней поселились монахи-бенедиктинцы. По легенде, субботним вечером далекого 880 года дети-пастушки, возвращаясь домой с пастбищ, увидели над горой загадочное свечение. Они подошли ближе и расслышали отзвуки прекрасного пения, доносящегося из горных недр. Ребята решили хранить в тайне увиденное, но непонятное явление повторилось еще несколько раз. Слухи достигли ушей взрослых, а те рассказали священнику из соседнего городка. Он решил снарядить на Монсеррат экспедицию и выяснить причину загадочного света. Добровольцы исследовали пещеры и обнаружили в одной из них деревянную статую Мадонны с младенцем.

Набожные крестьяне решили отнести статую в город, чтобы установить в церкви. Поначалу это казалось не таким уж трудным делом, но чем ниже они спускались с горы, тем тяжелее становилась их ноша, пока не сделалась вовсе неподъ-

емной. На том месте ее и пришлось оставить, а вокруг выстроили часовню, с которой началась история монастыря.

Сегодняшний Монсеррат — не тот, в котором был Лойола. Монастырский комплекс почти целиком разрушили во время Наполеоновских войн. А вот статуя сохранилась — правда, не с VIII века, а с XII. Та, первая, исчезла так же неожиданно, как появилась. Дерево, из которого сделали другую статую, также успело почернеть от времени и бесчисленного количества свечей, возжигаемых паломниками в благодарность за оказанные милости.

Итак, Лойола решил посетить одно из самых известных марианских святилищ и провести там ритуал рыцарского посвящения Пресвятой Деве. Весь план являлся чистой самодеятельностью, никакой духовник никогда бы не посоветовал Иньиго дарить Богородице оружие и затем всю ночь простоять над ним. А вот для рыцарского романа подобный антураж — самое то. Согласно «Семи партидам» короля Альфонса X Мудрого, накануне церемонии посвящения будущий рыцарь должен был бодрствовать над своим оружием. Также кандидат в рыцари обязательно облачался в новые доспехи.

Конечно же, Иньиго не забыл о доспехах. Перед посещением монастыря он заехал в селение под названием Лерида — последнее на пути в горы. Там зашел в лавку и купил мешковину, выбирая самую дешевую и грубую, чтобы по сильнее кололась. Из нее он заказал себе длинное одеяние. Тут же купил альпаргату — полотняную туфлю на пеньковой подошве. Одну, для правой, наиболее пострадавшей ноги. Второй, считав-

шейся уже здоровой, подобная роскошь не полагалась. Последними покупками стали посох и тыква для хранения воды.

Вооружившись доспехами для духовной брони, Лойола вошел в Монсеррат, пожертвовал монастырю мулицу, служившую ему верой и правдой всю дорогу, и попросил исповеди. Его поручили исповеднику Жану Шанону, французскому монаху-бенедиктинцу, который оказывал духовные услуги паломникам. Ему Иньиго и открыл свой план идти пешком в Святую землю. Скорее всего, именно Шанон стал первым духовным наставником будущего святого. Во всяком случае, после общения с этим монахом Иньиго впервые задумался о способах духовного самосовершенствования и прочитал «Упражнения в христианской жизни» (*Ejercitatorio de la vida espiritual*), составленные и изданные в том же монастыре в 1500 году.

Оставалось три дня до праздника Благовещения. Все это время Лойола был занят исповедью. Боясь упустить какой-либо грех, будущий паломник решил совершить ее письменно и без отдыха трудился, исписав немало страниц своим безупречным почерком. В канун Благовещения он наконец исповедался, облачился в колючую мешковину, а свою богатую одежду отдал одному из нищих, сидящих у входа в монастырь. Тот не поверил своим глазам: вот так удача. А наш герой поспешил в часовню к Черной Мадонне — проводить рыцарский обряд. Продержаться всю ночь оказалось еще труднее, чем в прошлый раз, поскольку состояние ноги ухудшилось из-за дорожных тягот. Но Лойола выдержал испытание.

Утром 25 марта 1522 года он спешно покинул монастырь, боясь встретить знакомых, которым пришлось бы рассказывать о своих планах. Но не успел Лойола отойти от ворот, как услышал позади конский топот. Всадник, догнавший его, спрашивал о нищем: действительно ли тот получил одежду в подарок от богатого господина или попросту украл платье?

Это расстроило Иньиго до слез. В то время как он радовался своему доброму делу, бедного нищего подозревали в краже, может, даже били! Мысль о неоднозначности любого поступка снова пришла ему в голову.

Подтвердив невинность бродяги, Лойола собрался продолжить путь, но гонец из монастыря начал выяснять его имя, чтобы помолиться за такого добродетельного господина. Видимо, одежда и вправду стоила очень дорого. Наш герой имени не назвал, но каким-то образом его все же признали. Спустя много лет, когда Игнатий уже пользовался известностью, в Монсеррате о нем ходили легенды. Якобы он подарил большую ренту — то ли нищему, то ли монастырю на поминовение усопших.

После Монсеррата Иньиго планировал двинуться прямо в Барселону, дабы сесть там на корабль, плывущий в Святую землю. Но после разговора с всадником его охватили сомнения: не встретит ли он по пути знакомых? Никто из его друзей не жил в этих местах, но он знал об избрании нового папы, Адриана VI. А его свита сплошь состояла из бывших сослуживцев Лойолы по кастильскому двору. Правда, в это время папский кортеж еще находился в Сарагосе, которую по-

кинул только после 29 марта. Но мобильных новостных порталов в те времена еще не придумали и новости распространялись очень медленно.

Решив перестраховаться, а заодно подлечить перед далеким путешествием разболевшуюся ногу, Лойола свернул в городок, называемый Манреса. Он и не подозревал, что прославит его.

Глава восьмая

МЕСТО СИЛЫ

Среди иезуитов бытует выражение «идти к Манресе». Это означает: находиться в главном духовном поиске своей жизни, приближаться к осознанию и даже практическому освоению своего призвания. Манреса — не только фигуральный символ, она принадлежит к числу святых мест, почитаемых католиками. В этом городе иезуитские ученые ощущают удивительное вдохновение — нигде в мире ими не написано так много научных работ. Неудивительно, ведь именно здесь на отца-основателя их ордена снизошло мистическое прозрение, сделавшее его тем, кем он остался в истории.

Манреса располагается в центре Каталонии, на берегу реки Карденер. Она не особенно изменилась со времен святого Игнатия — все те же тихие улочки, холмы, мосты. И название ее никогда не менялось, хотя древний городок, появившийся еще в доримские времена, за долгие века существования постоянно подвергался завоеваниям разных племен и властителей. По этим местам прокатывались орды готов, здесь формировали

свою культуру арабы, франки, испанцы. Правда, дома в Манресе большей частью построены значительно позже прихода Лойолы: он не узнал бы эти здания. Во время Наполеоновских войн жители Манресы защищали ее с редкостным героизмом. Им удалось нанести значительный урон непобедимой армии Бонапарта, и французы, одолеваемые жаждой мести, разрушили много городских кварталов.

В Средние века Манреса славилась вином, которое исправно приносило немалый доход не только манресцам, но и жителям окрестных сел. Но позднее на виноградники напала тля, и местные виноделы так и не смогли окончательно победить вредителя.

В наши дни город живет за счет текстильной, металлургической и стекольной промышленности. Туристов в Манресе немного — здесь нет ни моря, ни разрекламированных музеев. Зато паломники знают и ценят манресские церкви. Среди них красотой и богатым внутренним убранством выделяется базилика Санта-Мария-де-ла-Сеу (*Basilica of Santa Maria de la Seu*), построенная в готическом стиле в начале XIV века. Ее стены помнят Лойолу, правда, выглядела она тогда по-другому, ее фасад перестраивали в XIX веке.

Но главная достопримечательность Манресы не относится к рукотворной архитектуре. Это пещера под названием Санта-Кова (*Santa Cova de Manresa*). В ней к святому Игнатию пришла идея знаменитых «Духовных упражнений».

Лойола планировал провести в тамошнем «госпитале» — странноприимном доме — не-

сколько дней, а в итоге задержался почти на год. Неужели его фанатичное желание попасть в Святую землю ослабло? Или, может, интуиция подсказала ему, что именно здесь паломнику откроется особый духовный путь, который приведет к созданию ордена?

Скорее всего, имели место причины вполне земные и практические. Во-первых, в то время в Каталонии произошла вспышка чумы. В связи с этим власти Барселоны запретили чужеземцам въезд в город. А Иньиго планировал плыть на барселонском корабле. Была и другая причина, едва ли не более значимая. В то время паломники не могли отправиться в Святую землю без благословения папы, которое давалось на Пасху. А Пасха в 1522 году приходилась на 20 апреля. Вспомним: 25 марта Иньиго еще только спустился с горы Монсеррат, состояние его ног оставляло желать лучшего, а с мулицей он распрощался. От монастыря до Барселоны около 40 километров. Конечно, марафонец преодолел бы их за несколько часов. Но калека с переломанной, постоянно опухающей ногой, которому вообще бы не стоило заниматься пешими прогулками! Допустим, он добрался бы до Барселоны в последних числах марта, а вернее — в начале апреля, и даже проник бы в барселонский порт, минуя карантинную стражу (позднее ему неоднократно удавались подобные поступки). Но ведь регулярных рейсов в то время не существовало, как и заранее купленных билетов. Для того чтобы попасть на корабль, требовалось договориться с капитаном. Даже если Иньиго сопутствовала бы сказочная удача и он бы отплыл

в день прибытия в Барселону, совершенно непонятно, когда корабль причалил бы к итальянским берегам. К тому же Рим не стоит на побережье, до него еще идти и идти все на тех же больных ногах. Даже при грубых подсчетах становится понятно: уложиться в сроки было невозможно. Возвращаться домой и вести прежнюю жизнь он после совершенных в монастыре обрядов уже не мог. А скитаться по дорогам ему не позволяли физическое состояние и опасение встретить знакомых.

Эта боязнь может показаться странной и нелогичной. Иньиго давно вступил в возраст совершеннолетия и не делал ничего противоправного. От чего же он хотел скрыться? Наверное, от злых языков и досужего любопытства. Вряд ли его смирения хватило бы на то, чтобы постоянно выслушивать: посмотрите, кто это там ковыляет в рубище, уж не брат ли сеньора Лойольского замка?

Получается, он сам еще не уверился до конца в правильности сделанного выбора? Или здесь просматривается то самое «иезуитство» в смысле двуличия и лицемерия?

Судя по всему, Иньиго вовсе не думал казаться лучше и выше в глазах других людей. Наоборот, он не видел в себе достаточной стойкости, поэтому и боялся ненароком встретить кого-нибудь, кто мог бы начать жалеть его. А самой главной проблемой оставался Мартин с его культом приличия. Он ведь мог на правах старшего брата пытаться давить на Иньиго и даже вернуть его домой силой. Нечто подобное Мартин намеревался проделать в 1535 году, когда Лойола, уже

имевший к тому времени некоторую известность и кружок единомышленников, приехал в родные места.

Так или иначе, непредвиденная задержка оказалась решающей. Как бы фанатично ни стремился Лойола стать святым, у него вряд ли получилось бы пройти этот путь, опираясь исключительно на внешние старания, без того внутреннего озарения, которое он пережил в Манресе.

Как же ему удалось прийти к этому прозрению?

Чрезмерное рвение неофитов — известный факт. Как правило, вдохновившись идеей, такие люди начинают видеть мир черно-белым, и горе тому, кто посмеет подвергнуть сомнению их истину. Иньиго в Манресе был классическим неофитом с крайней степенью радикализма, правда, больше по отношению к себе, чем к другим. Начал он с внешнего аскетизма. Перестал ухаживать за волосами, которыми в былые времена гордился. Не стриг ногти. Отдал (как мы помним) свое аристократическое платье нищему, облачившись в рубище. Судя по всему, его новое одеяние обращало на себя внимание людей даже в странноприимном доме Манресы, где жили одни паломники. Он получил кличку *l'home del sac* — «мешочник». Не пройдет и года, как это обидное прозвище сменится на созвучное, но гораздо более уважительное: *l'home sant* — святой человек.

Но пока Лойола — не более чем городской сумасшедший, перегнувший палку в попытках благочестия. Одетый в дерюжный мешок, он

бродит по улицам небольшого городка и просит милостыню.

В те времена институт нищенства был более упорядочен и развит, чем сейчас. Порой короли даже выдавали некоторым нищенским приютам специальное разрешение на попрошайничество, как, например, парижскому дому слепцов под названием «Пятнадцать двадцаток». Остальные нищие делились по районам и нещадно били чужаков, заходивших не на свою территорию. Зато в своем квартале попрошайки могли рассчитывать на определенную «профсоюзную» помощь. У сборщиков милостыни были свои оповестители, жившие прямо на ступеньках соборов. Они знали даты всех похорон, крестин и свадеб, где раздавали деньги и еду. Разумеется, вначале говорили самым избранным. Остальные тоже узнавали о важных событиях, но, как правило, позднее, когда раздача благ подходила к концу.

Пожалуй, именно нищие первыми угадали тайную мечту Иньиго о святости. Уж больно необычно он вел себя. Когда ему подавали, он твердо отказывался от мяса и вина, и даже то небольшое, что брал, старался разделить с больными из госпиталя Санта-Лусия, куда его поселили из-за проблем со здоровьем.

Аскетизм в пище открыл перед ним новые неизведанные возможности изменения сознания. Однако ему оказалось недостаточно того ощущения легкости и просветления духа, о котором знают все постившиеся. С фанатизмом неофита, помноженным на баскское упрямство, Лойола начал ограничивать себя еще сильнее — уже не только в пище, но и во сне. При этом он

ежедневно молился не менее семи часов в день. Остальное время посвящал посещению богослужений и чтению Евангелия. Разумеется, при таком режиме довольно скоро у него начались галлюцинации.

Возможность расширения сознания интересовала человечество во все времена. Первобытные колдуны, впадавшие в транс, шаманы, поедатели кактуса пейота, хиппи, принимающие ЛСД. В христианстве известны визионеры и люди, впадающие в религиозный экстаз. Однако подобные опыты, даже без привлечения наркотических веществ, всегда ограничивались властями или осуждались общественным мнением. Слишком уж тонкой оказывалась грань между мистическим опытом и безумием. А в случае удачи человек мог обрести неожиданную силу и смешать фигуры в устоявшейся политической игре, как это было с Жанной д'Арк.

Поэтому выход в мистический космос обычно допускался лишь в двух вариантах: либо дозволенно, в строгих рамках официальной традиции, когда сознание расширяли под руководством опытного гуру, старого шамана, либо на страх и риск практикующего, но уже без общественного одобрения рискованных экспериментов. Второй вариант загонял мистику в гетто, обвиняя ее адептов либо в ненаучности, как в наши дни, либо в ереси, как во времена Средневековья. Не стоит считать, будто ересь преследовалась только официально, сверху. Простой народ относился к инакомыслящим порой гораздо радикальнее, чем власти. Историки знают немало документально засвидетельствованных примеров, когда

те, кого Церковь не признала еретиком, погибли в результате народного самосуда. Те, кто чересчур усердствовал на пути просветления, вступали на скользкую тропу.

Очень интересно, как дошел до желания «расширения сознания» Лойола. Навряд ли он имел понятие о какой-либо мистической традиции, даже почти наверняка не имел. Он принадлежал к богатому и уважаемому баскскому клану. Ничего экстраординарного в семье не происходило, за исключением легенды о рождении Иньиго в хлеву, которую, вероятно, его почитатели создали уже задним числом. И его устремления к святости скорее шокировали родственников, чем стали предметом семейной гордости.

Вспомним весьма хаотичное образование молодого идадьго. Латынь он понимал с трудом, зато освоил в совершенстве бульварную литературу своего времени — многочисленные рыцарские романы. На этом сомнительном знании главным образом и строился его духовный путь манресского периода, если не считать несколько душе-спасительных книг, подсунутых благочестивой невесткой. Разумеется, наш герой беседовал со священниками. Даже избрал себе духовника — монаха Гальсерана Перельо, жившего в доминиканском монастыре неподалеку от странно-приимного дома. Время от времени он задавал вопросы другим служителям церкви.

Судя по всему, они не были готовы к детской непосредственности бывшего вояки и повесы, не имевшего никакого понятия о богословии. В «Рассказе паломника» описан его разговор с пожилой женщиной, известной «всей области

как служанка Божия». Выслушав размышления Иньиго, она сказала: «О, пусть Господь мой Иисус Христос соизволит ради меня однажды явиться Вам!» Как ни странно, Лойола воспринял эти слова буквально и сильно испугался.

Но его собственная харизма, помноженная на баскский характер, оказалась сильнее всех тех, кто мог бы стать его учителем. Позднее в правилах своего ордена он будет особенно подчеркивать необходимость духовного руководства для проходящих «Духовные упражнения». Но сейчас, в Манресе, главное он постигал не из людских уст, а в каменистом гроте горы, спускающейся к реке Карденер.

Итак, доведенный до нервного истощения голодом, бессонницей и непрерывными молитвами, Иньиго начал слышать голоса духов. Это не было для него новостью — Пресвятая Дева с младенцем Иисусом уже являлись ему во время исцеления от ран. Поэтому к духам Лойола отнесся как к подтверждению правильности выбранного пути. Подобно наркоману, он «подсел» на общение с потусторонним миром и разрушал свое здоровье, пытаясь продлить желанные «контакты».

Так же как у наркомана, яркая радость первых дней «расширенного сознания» быстро сменилась у него мрачной ломкой сомнений. Сравнение вовсе не фигуральное. Резкие перепады настроения, тоска, суицидальные мысли четко фиксировались им самим. Вот цитата из «Рассказа паломника»: «Покуда его обуревали такие мысли, на него многократно, со страшной силой, находило искушение выброситься из широкого отверстия, которое было в этой его комнате».

Какие же мысли мучили Лойолу?

Во-первых, о собственном несовершенстве. Он извел этой темой всех окружающих священнослужителей. Еще в Монсеррате он потратил целых три дня, тщательно выписывая все свои грехи. Теперь, в полубредовом состоянии ему начало казаться: какое-то важное прегрешение упущено. А вдруг именно оно, самое тяжкое, и помешает ему достичь святости? Он начал исповедоваться каждый день, но никак не мог удостовериться, что вспомнил обо всех грехах. Невроз прогрессировал. Бедный будущий святой запутывался все больше. При этом здравый смысл, как ни странно, его не покинул. Ему пришла в голову вполне логичная мысль: будет хорошо, если духовник запретит ему приходить на исповедь с одними и теми же грехами. Он стал прикидывать, как бы ненавязчиво намекнуть священнику о своей необычной и деликатной проблеме. С трудом подобрал подходящие слова, но вдруг ясно понял: средство не подействует, если попросить о нем. Духовник должен понять сам.

Патер догадался. Скорее всего, его просто утомило ежедневное упоминание прихожанином одних и тех же своих грехов. Исповедник запретил Лойоле возвращаться к запутанному и грешному прошлому, если только оно не связано с настоящим. Иньиго вышел из церкви просветленным, будто исцелившись от тяжелой болезни. С радостью возвращения он посмотрел на спокойные тихие улочки Манресы и вздрогнул. Новая, весьма неприятная мысль пришла ему в голову. Все его прошлые грехи связаны с настоящим, ведь он постоянно думает о них. А перестать

думать он не мог. Не по причине недостатка силы воли, а из соображений глубокого покаяния, которым он занимался весьма осознанно.

Получалось безвыходное положение. С подобной ситуацией могли бы успешно поработать современные психоаналитики, но тогда бы мир почти наверняка не получил ни святого Игнатия, ни Общества Иисуса, поскольку колоссальный взрыв энергии был бы предотвращен.

Но все же интересно представить, что сказали бы Иньиго на сеансе психоанализа? Наверняка ему прежде всего указали бы на болезненный перфекционизм. Лойола явно страдал им. Отсюда происходит и фанатичное оттачивание каллиграфического почерка, и назначение королевы своей дамой сердца. Психологически это свойство можно объяснить комплексами из-за маленького роста и невыгодного положения в семье: тринадцатый, не особенно нужный ребенок, отданный на воспитание в чужую семью, без малейшей надежды на наследство.

Вероятно, когда он избрал кардинально новый для себя путь святого, ему казалось, что он обманул судьбу. Действительно, ни рост, ни деньги святости не прибавляют. Только в чем же тогда святость? Листая житие Франциска и ему подобных, можно абстрактно ассоциировать себя с ними, как с героями рыцарских романов. Но романтические завесы очень быстро отбрасываются, когда начинается практика. Вот ты уже отказался от богатых одежд и от сытной пищи, даже пытаешься помогать больным из госпиталя. Жи-

вещь покаянной жизнью день, другой, неделю, месяц... В какой момент количество этих поступков перейдет в качество и перейдет ли вообще?

Тут начиналась вторая часть мучительных сомнений Иньиго. Все яснее он понимал, что образ жизни человека, решившего полностью посвятить себя Богу, очень утомителен. Он гораздо труднее воинских тягот, к тому же для человека ультрасветского порой кажется довольно бессмысленным. В автобиографическом «Рассказе паломника» эти метания показаны очень ярко:

«Его постоянно мучил вопрос: “Что это за новая жизнь, которую мы сейчас начинаем?” Эта жизнь, когда он сравнивал ее со своей прежней жизнью, казалась ему лишенной смысла. Еще одна неотвязная мысль донимала его: “Ну и как же ты сможешь вынести эту жизнь семьдесят лет, что тебе предстоит прожить?” Но Иньиго, чувствуя, что мысль эта исходит от врага, также отвечал на нее внутренне с большой силой: “Эх ты, ничтожный! Да можешь ли ты пообещать мне хотя бы час жизни?” Так он одолел это искушение...»

Однако частные победы не приносили избавления. Лойола по-прежнему не видел никакого смысла в своих поступках. И пути назад для него уже тоже не существовало. Разумеется, он мог вернуться к брату Мартину и герцогу Нахеры. Никто бы не попрекнул его, вот только куда девать рыцарскую гордость? Он бы оказался побежденным в собственных глазах без возможности отыграться. Будь Иньиго романтиком XIX века — он, скорее всего, наложил бы на себя руки. Но он был полуграмотным баском времен позднего Средневековья. Суицида как выхода для не-

го не существовало. Это ясно видно из автобиографического текста:

«...он испытывал сильное искушение покончить с собой, выбросившись из широкого отверстия в своей комнате. Но, зная, что убивать себя грешно, он закричал: “Господи, я не причиню Тебе оскорбления!” — и повторил эти слова, как и прежние, много раз...»

К сожалению, все эти заклинания не избавляли его от недостатка веры...

Здесь следует отметить один важный момент. В нашем светском обществе под словом «вера» чаще всего подразумевается вера в существование Бога. Но в теократической Европе XVI века вопрос для большинства людей стоял по-другому. Собственно, так он стоит и сегодня для человека, по-настоящему верующего. Вера не в существование, но в действующий контакт с Богом, в событие с Ним. В то, что Он укажет на заблуждения и поможет найти верное решение.

Для Иньиго проблема заключалась в наивности и самоуверенности, с которой он решил ступить на путь святости, копируя образ жизни святых. При этом нельзя сказать, что он полностью обошелся без божественного призвания. Все-таки Пресвятая Дева являлась ему. Но в дальнейшем он, похоже, нарушил свои отношения с Богом излишней самостоятельностью. Значит, нужно было любой ценой вернуть утраченный контакт.

Как ни странно, ему снова помог здравый смысл, причем его метод очень знаком и понятен нам — людям XXI века. Что мы делаем, ког-

да сталкиваемся с непонятной и непреодолимой проблемой? Прежде всего заходим в Интернет и «гуглим». У Иньиго Интернета не водилось, зато он имел хорошую память и старательно «учил матчасть». За последнее время прочел немало житий святых. Оставалось «перелистнуть» в памяти эти страницы и попытаться найти описание аналогичной проблемы.

Так и представляется картина: пустынный берег, лениво катящиеся воды реки Карденер. У каменистого грота, что на склоне горы, нервно ходит взад-вперед человек, сильно припадая на одну ногу. На нем странная одежда из мешка с прорезями для рук и головы, по ветру развеваются отросшие спутанные волосы, сверкают безумные глаза. Подобные персонажи встречаются и в наше время, и никому не приходит в голову заподозрить в них будущего властителя дум для многих и многих.

Но все это потом. А сейчас городской сумасшедший из Манресы, бурно жестикулируя, разговаривает сам с собой. Это так кажется со стороны. На самом деле он пытается докричаться до Бога, который поманил его возможностью святости и бросил. Или все же Иньиго сам придумал себе этот путь, не желая смириться с бесперспективным существованием ветерана-калеки? Несчастный, измученный многодневным постом, недосыпанием и недолеченной раной человек рвет на себе волосы. Он уже на грани отчаяния.

И вдруг все меняется. Он вспоминает изначальный посыл, с которым занялся этим мистическим делом, — совершенно земной и рациональный: подражать тем, кто уже прошел этот

путь. Да, это наивно, но ведь сказал же Господь: «Если... не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»*. Значит, этот дом можно выстроить из детских кубиков. Найдя в себе пусть маленькую, но точку опоры, Лойола больше не пребывает в отчаянии. Он начинает лихорадочно вспоминать, кто из святых переживал подобные затруднения и как справлялся с ними.

Вот что нам рассказывает по этому поводу текст «Автобиографии»:

«И тут на ум ему пришла история одного святого, который, чтобы получить от Бога то, чего ему очень хотелось, провел без еды много дней, пока не добился своего. Тогда, поразмыслив об этом как следует, он в конце концов решился сделать то же самое, сказав сам себе, что не станет ни есть, ни пить до тех пор, пока Бог не позаботится о нем или пока он не увидит смерть совсем рядом <с собой>. Если случится так, что он окажется *in extremis*, так что, не приняв пищи, он вскоре умрет, — лишь тогда решит он попросить хлеба и съесть его (*quasi vero in extremo* он смог бы попросить и съесть что-нибудь!)».

То есть перейдя от экстаза к рассудительности, Лойола начал мучить себя еще сильнее. Но теперь он совершал самоистязание не ради спонтанного расширения сознания, а ради конкретной цели — достижения завета**. Запредельная сила воли и фанатизм наверняка могли бы довести Иньиго до смерти, тем более что большую

* Мф., 18:3.

** Завет (в богословско-религиозном словоупотреблении) — торжественный обет или договор, обычно между Богом и человеком (человечеством).

часть времени он проводил в своей любимой прибрежной пещере, о которой не знали в госпитале. Потеряй он силы окончательно, никто бы не пришел к нему на помощь.

Спасла Лойолу привычка постоянно и подробно исповедоваться. Когда в воскресенье, после нескольких дней голодания, он приковылял на мессу и рассказал своему духовнику о данном обете, патер пришел в ужас и запретил подобные опыты. Иньиго повиновался, правда, с неохотой. Ему было очень жалко нарушать обет, ведь, по его мнению, сил на исполнение оставалось еще предостаточно. Тем не менее это воскресенье стало поворотной точкой в духовной жизни Лойолы. Решительный запрет духовника наконец успокоил его перфекционистский невроз. Организм, доведенный аскезой до крайности, с благодарностью возвращался к более человеческим условиям. В этом состоянии физического возрождения Иньиго начал вспоминать свои многочисленные красочные видения и пришел к новому для себя выводу: не вся духовность божественна. Анализируя еще глубже свои пограничные состояния, Лойола ясно увидел их демоническую природу.

В самом деле, разве мог бы Господь, который есть безусловное благо и который желает сохранить каждое из своих творений, вложить в сердце человека мысль, явно ведущую к разрушению души, тела и рассудка? Разумеется, нет. Но зато как легко может враг обмануть ослепленного страстью человека, чуть-чуть подыграв ему. Иньиго, воин и стратег, не мог не вспомнить, как опасно в пылу атаки броситься за якобы убегающим противником и тем самым оторваться от своего

отряда. Что в результате? Ты попадаешь в ловушку и погибаешь, твой отряд ослаблен, поскольку любой солдат на счету, а враг торжествует.

Лойола вынужден был признать, что в желании святости совершенно утратил разум и осторожность, чуть не став легкой добычей для Сатаны. А ведь его гибель от излишнего поста была бы укором для церкви, дурным примером для дерзающих, но сомневающихся. Заморивший себя голодом католик в глазах людей стал бы не героем, а посмешищем. Такого удовольствия бесам Иньиго предоставлять не собирался и прекратил упорствовать в благочестивом саморазрушении, вызванном безрассудством.

Будто поднявшись на высоту птичьего полета, он смог разглядеть свою огромную гордыню. Но она уже не имела над ним прежней власти, поскольку милосердие Божие оказалось несоизмеримо больше.

Глава девятая

ШАТКИЕ МОСТКИ, ВЕДУЩИЕ К СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Маленькая Манреса стала тем алхимическим тиглем, в котором природа Иньиго переплавилась, дух его закалился, очистился — и миру явился Игнатий Лойола. Святой Нового времени, основавший один из самых мощных и сильных католических орденов.

Весь этот период он чувствовал, как его наставляет сам Господь, будто учитель — несмышленого школяра. Иньиго постепенно научился

смирять дикие экстатические порывы и начал по-настоящему продвигаться к своей цели.

Военачальник, человек действия, он и в новом своем бытии не утратил ясности мысли и трезвости взгляда. Будучи человеком средневекового склада ума, он доверял видениям. Но не просто доверял, а использовал их, пытаясь анализировать собственное сознание. И в этом проявилось его удивительное новаторство. Вспомним: до рождения Фрейда с его психоанализом оставалось еще более трех веков.

В первой половине XVI века в Европе еще господствовала католическая теология. Мы привыкли воспринимать ее как некое отвлеченное умствование. Всем известный пример — средневековый спор, сколько ангелов сможет уместиться на кончике иглы. Между тем именно католическое богословие, стоящее где-то посреди этики и логики, дало немало энергии светской европейской философии. Стройная система богословского образования породила целую плеяду великих мыслителей Средневековья и Ренессанса.

Но Иньиго во времена манресского периода понятия не имел о богословских традициях — он и латынь-то разбирал по складам. Оттого сложнейшие теологические вопросы решал с поразительным простодушием и непосредственностью, как дитя или поэт. Да, в сущности, он и стал ребенком, по-детски доверяясь Тому, Кто им руководил.

Так, размышляя о Троице, Лойола узрел ее в виде «фигуры из трех клавиш» и был потрясен до глубины души. По собственным воспоминани-

ям, он даже прорыдал потом целый день. Несмотря на всю причудливость данного видения, такая метафора для понимания феномена «нераздельности и неслиянности» очень выразительна.

Сочетание трех различных звуков в одном гармоничном аккорде ничем не хуже знаменитого объяснения троичного догмата святым Патриком на примере листа кислицы (ведь ирландский *shemroc* — это именно кислица, а не клевер) или классического примера Тертуллиана — солнце, луч, вершина луча или корень, дерево, плод. Читал ли Иньиго Тертуллиана? Без сомнения, нет. Почти наверняка в тот период своей жизни он и не слышал о таком богослове. Он ведь и жития святых поначалу читал с трудом, тоскуя по рыцарским романам.

Догмат о Троице Лойола познавал самостоятельно, равно как и многие другие теологические тонкости. Так же, на практике, он обрел дар распознавания духов. В «Автобиографии»* Иньиго описывает это так: паломник постоянно созерцал некое прекрасное видение, доставлявшее ему великое утешение. Видение это принимало облик змеи «со множеством каких-то <блесток>, сверкавших, словно глаза, хотя это не были глаза».

Лойоле понадобилось несколько месяцев для понимания природы этого явления. В очередной раз «озарившись» у подножия придорожного креста, он вдруг явственно понял, что очаровался демонами.

Удивительный момент. Погрузившись в ви-

* Одно из названий «Рассказа паломника о своей жизни».

зионерство предельно глубоко, Лойола в итоге создал не тихое братство созерцающих, а самый деятельный из католических монашеских орденов. Почему так случилось?

Но разве могло быть иначе? Ведь настоящий рыцарь всегда ищет подвига, а Иньиго не перестал быть рыцарем, хотя оставил свой меч на стене храма, оделся в рубище и полностью сменил образ жизни. И духовный подвиг Лойола понимал так же по-солдатски: поставить цель и достичь ее любой ценой.

Пройдя определенный путь и удовлетворившись полученным результатом, Лойола решает поделиться своим опытом с другими. Он пишет свои знаменитые «Духовные упражнения». Вся эта небольшая книга представляет собой систематический месячный курс освобождения и воспитания души человека под постоянным руководством опытного наставника, какового сам Лойола был, увы, лишен. Справившись с трудностями самостоятельно, он составил по-военному подробную и внятную методичку, обучающую обычного человека, как достичь единения со Христом.

Слово «методичка» — вовсе не умаление труда будущего иезуита, ведь означает оно обучение методу, а «метод» происходит от греческого *μεθοδος* — путь, способ достижения цели. Цель же Лойола обозначил для себя предельно ясно: привести ко Христу человеческую душу, очищенную от избыточного самомнения, открывшуюся небесам и покорную воле Отца. Лойола подробно расписывает, о чем, в какой последовательности и в какое время суток должен помыш-

лять послушник, а наставнику дает массу ценных советов. Можно сказать, Иньиго старается не упустить ни одной мелочи в деле обучения и подготовки новобранца Христова воинства. Он, бывший комендант Памплоны, уже начинает собирать свой новый отряд.

«Духовные упражнения» полны захватывающей поэзии. Они побуждают или даже заставляют практикующего погрузиться в необычное состояние свободы.

Вот как выглядит эта инструкция по воспарению в фундаментальном труде Генриха Бёмера: «...Он [выполняющий упражнения] внезапно возносится в самые высшие слои эфира. Отсюда, паря между небом и землей, он обозревает человечество во всем многообразии рас, нравов, условий жизни: здесь мир, там война; здесь рождение, там смерть; здесь слезы, там смех».

«...Пятое вечернее упражнение носит другой характер [...] перед взорами созерцающего открывается ад. [...] Созерцающий видит, слышит, чувствует запах, вкушает ад, он переживает его всеми своими чувствами во всей его материальной реальности. Но созерцающий не одинок в этом [...] путешествии: все время с ним рядом Христос».

В то же время при всей поэтичности руководство по духовному возрастанию в своем окончательном варианте, написанном много лет спустя, проникнуто крайней прагматичностью, свойственной Лойоле. Например, он советует своим ученикам выбирать для самобичевания не самые толстые веревки, дабы травмироваться не силь-

но. Этот пункт позволил Эдгару Кине* обвинить основателя ордена иезуитов в симуляции мученичества и лицемерном фарисействе. Но ведь на самом деле Лойола сполна испытал физические страдания — и из-за ранения и позднее, болея мучительной желчнокаменной болезнью. Просто, испортив себе здоровье неумеренным умерщвлением плоти, наш герой заботился о том, чтобы другие не повторили его ошибок, ведь своими последователями он хотел видеть людей деятельных, имеющих силы сражаться за чистоту веры. «Не следует, — говорит он в 1-й главе III части своих «Конституций», — истощать себя бдением, воздержанием и другими ограничениями, которые обычно вредят и мешают развиваться высшим добродетелям».

Но вернемся в 1522 год. Приближалась зима, а декабрь в Манресе хотя и не сравнится с российским, но все равно мало напоминает курортный сезон. Сырость, пасмурные дни, периодически даже выпадает снег, по утрам заморозки, температура не выше плюс четырех, порой траву и кустарники покрывает выпавший снег.

Человеку, ведущему такую жизнь, какую вел Лойола, пережить даже столь щадящую по российским меркам зиму было нелегко. Его раны, хоть и залеченные, давали о себе знать; кроме того, год неустанной аскезы и постоянного сверхнапряжения, как уже говорилось, не прошел даром, Иньиго серьезно заболел. К счастью, за этот год отношение к странному паломнику в Манре-

* *Эдгар Кине (Quinet)* (1803—1875) — французский поэт, историк и философ, внесший значительный вклад в развитие традиций либерализма во Франции.

се существенно изменилось: он заслужил уважение и признательность горожан, а ряд женщин из лучших семей города и вовсе стали горячими поклонницами набожного и рыцарственного проповедника.

Умереть, не свершив и половины задуманного, ему не позволили. Когда болезнь приняла серьезный оборот, его перевели из монастыря доминиканцев в дом благочестивого горожанина дона Феррера, чтобы легче было осуществлять уход за больным. Во время лихорадки он был настолько плох, что ночью при нем дежурили сиделки. Но все же крепкий организм солдата не подвел и на этот раз: Иньиго справился с хворью. Будущий иезуит поднялся с постели и начал рваться в дорогу.

Дамы-покровительницы строго-настрого велели Лойоле больше не рисковать своим здоровьем и впредь одеваться по сезону. Даже приготовили ему теплую одежду двойного сукна. Вероятно, эти добродетельные женщины надеялись, что он никуда не пойдет, а останется в их городке и будет дальше проводить свои беседы. Но Иньиго уже вырос из Манресы и готовился к настоящему подвигу. Силой слова и с помощью Божией он мечтал завоевать для Господа огромное количество новых душ, томящихся во тьме язычества. Это горячее желание — отправиться в Иерусалим в качестве проповедника и миссионера — он возымел еще в самом начале своего обращения, лежа с переломанными ногами.

Духовник поддержал своего подопечного: по чести сказать, если Лойола, истинный баск, что-то задумал, переупрямить его не смог бы никто.

Коль скоро Иньиго твердо решил уплыть в Святую землю, помешать ему могла либо смерть, либо уж сам Господь должен был бы прийти к своему отчаянному слуге и лично распорядиться на этот счет. Путь, как мы помним, предстоял не близкий: все, кто желал посетить Святую землю, вначале должны были испросить на то разрешение у папы римского и лишь потом, добравшись от Рима до Венеции, выйти в плавание.

В феврале 1523 года Иньиго покинул Манресу и отправился в Барселону. Расстояние между городами невелико — около 55 километров. Но пройти их пришлось пешком, зимой, а нога все еще болела. Кроме того, после тяжелой болезни у паломника появились проблемы с пищеварением, что неудивительно, учитывая его аскетические опыты с диетой из воды и заплесневелого хлеба. В итоге путь занял около недели.

В Барселоне ему сразу же сильно повезло. Войдя через Пуэрта-Нуэва (Новые Ворота), он через некоторое время попал на площадь Святого Марка, где помолился перед образом Богоматери, называемым Нуэстра-Сеньора де ла Гиа. Неизвестно, о чем Иньиго просил Пресвятую Деву, но сразу же после молитвы он набрел на магазин богатой сеньоры Инес Паскуаль и познакомился с владелицей, которая была поражена глубиной веры странного паломника. Улица, на которой сие событие произошло, в те времена называлась Фебрерс. Ныне она переименована в Сан-Игнасио — в честь Игнатия Лойолы. К сожалению, сам магазин не сохранился, его снесли в 1853 году, когда открывали Калье-де-ла Принсеса.

Инес Паскуаль стала собеседницей и благо-

детельницей будущего святого. Ей он впоследствии писал письма из разных мест, куда его заносила судьба.

Иньиго пришлось остаться в Барселоне почти на месяц — столько дней потребовалось на поиски корабля, который отвез бы его в Рим. Время это он даром не терял, стараясь найти как можно больше людей, «заинтересованных в духовных предметах». Имена их начали собирать много лет спустя, в 1609 году, когда происходил процесс бекатификации Игнатия. Разумеется, много сведений утерялось, но даже по оставшимся обрывкам видна потрясающая активность и общительность Лойолы. Он успел посетить монастырь иеронимиток Святого Матфея, который тогда располагался на площади Падро, и поговорить со многими монахинями. Также навещал их коллег из мужского монастыря иеронимитов. Обошел святилища (*ermitas*), находившиеся в предместье Сан-Хинес-дельс-Агудельс.

Мироздание послушно открывалось новыми подарками. Однажды Иньиго пошел в церковь Сан-Хусто послушать проповедь. Мест уже почти не осталось, и он притулился среди детей, у ступенек, ведущих на хоры. Именно здесь на него обратила внимание другая богатая сеньора — Исабель Росер. Она случайно посмотрела на сидящего Лойолу и заметила, что лицо его будто светится. В тот же момент внутренний голос сказал ей: «Позови его». Дама вернулась домой и рассказала обо всем мужу. Супруги решили найти паломника и помочь ему.

Встреча с Исабель оказалась судьбоносной для Иньиго. Именно она отговорила его плыть

в Рим на бригантине, хотя он уже договорился с капитаном. Дама убедила паломника сесть на корабль побольше, на котором собирался плыть также ее родственник. В результате бригантина затонула, едва отплыв от Барселоны. В дальнейшем Исабель еще не раз помогала Иньиго, их дружеские отношения длились много лет. Собственно, до тех пор, пока она не попыталась стать иезуиткой.

Много и других полезных связей приобрел в Барселоне Лойола. Часто люди, узнав о его цели, просились в попутчики, однако он всем отказывал. Не взял он даже человека, который предложил услуги переводчика. Надо отметить, в языках будущей святой к тому времени вовсе не преуспел. Как он собирался обходиться в Святой земле со своим испанским и баскским, путешествуя в одиночку?

Об этом и спрашивали доброжелатели, советуя найти попутчика-полиглота. Иньиго ответил, «...что, будь это даже сын или брат герцога Кардоны*, он все равно не пойдет вместе с ним, поскольку он желал обладать тремя добродетелями: любовью, верой и надеждой. Если же он возьмет кого-нибудь себе в спутники, то, испытывая голод, будет ждать помощи от него; если упадет, тот поможет ему подняться. Поэтому он будет уповать на него и в силу этих причин чувствовать привязанность к нему, тогда как это упование, привязанность и надежду он хотел бы испытывать только по отношению к Богу»**.

Подобное мировоззрение сильно осложняло

* Одна из самых прославленных каталонских семей.

** «Рассказ паломника о своей жизни».

организацию поездки. Лойола упорно перекладывал в руки Господа все практические заботы. В частности, он пытался сесть на корабль, посоветованный Исабель, не только бесплатно, но и без всяких запасов. Но хозяин судна, согласившийся везти пассажира задаром, вовсе не собирался еще и кормить его.

Вот тут-то Иньиго и столкнулся с настоящими трудностями, которые оказались намного сложнее больных ног и незнания языков. Разумеется, при богатых благодетельницах достать мешок сухарей проблемы не составляло. Но Лойола, уже «подсевший» на мироздание, исполняющее его желания, испугался. Почему его не берут без сухарей? Может, это знак ошибочности пути? Или очередная проверка на серьезность его намерений?

Вспоминается анекдот про человека, который, попав в наводнение, ждал помощи от Господа и не согласился спастись ни на грузовике, ни на лодке, ни на вертолете. Подобная ситуация может показаться нам забавной, но не будем забывать: Иньиго ведь замахнулся на запредельно трудный путь, на котором не существует выверенного маршрута. Лишь зыбкие малопонятные знаки, среди которых сухари не такая уж малость, если подумать.

«Эти сомнения были настолько сильны, что причиняли ему немало мучений, — читаем мы в «Автобиографии». — Наконец, не зная, что делать, поскольку находились основательные резоны и “за”, и “против”, он решил довериться своему духовнику, которому объяснил, как сильно желал он следовать по пути совершенства и того,

что служило бы к вящей славе Божией, равно как и причины, заставлявшие его усомниться в том, должен ли он взять с собой пропитание. Духовник решил, что ему следует попросить необходимое и взять с собой».

Видимо, он попросил деньги не у Паскуаль и не у Росер, а еще у какой-то женщины, не знавшей о его предстоящей поездке. Та поинтересовалась, куда собрался этот изможденный хромым человек. Лойола хотел сказать ей правду, но не осмелился, убоявшись греха тщеславия. Он хорошо знал себя и опасался не напрасно, если вспомнить его безумный перфекционизм и неумное щегольство прошлых лет. Поэтому он тщательно скрывал и свое происхождение. Род Лойола был известен по всей Испании, и нищенствующий дворянин не смог бы избежать почестей и резонанса в отличие от безвестного оборванца.

Иньиго сказал даме, будто бы едет в Рим. Та безмерно удивилась и даже огорчилась, поскольку Вечный город вовсе не котировался в качестве духовного центра. Однако денег дала.

В результате он пришел на корабль с большим мешком сухарей, а лишние несколько монет, оставшихся от поданной ему милостыни, оставил на скамейке у пристани. В «Автобиографии» он вспоминает об этом эпизоде спустя 33 года так же ясно, словно это происходило с ним вчера.

Судно, на котором Лойола отправился в Гаэту, попало в бурю и достигло берега лишь через пять дней. Сухари оказались весьма кстати, ведь после морского путешествия предстоял долгий пеший путь к Святейшему отцу.

От Газты до Рима около 145 километров. Нешуточное расстояние даже для здорового человека с тугим кошельком, не то что для инвалида. К тому же паломникам никто не обещал в пути ни еды, ни ночлега. Тем не менее бывший военный и опытный аскет не особенно опасался трудностей, скорее радовался им.

По пути ему пришлось совершить настоящий рыцарский подвиг, защитив двух дам — своих попутчиц — от посягательств пьяной солдатни. Вспомним: меча при себе он уже давно не имел. Единственным его оружием оказалась страсть и ярость, с которой он бросился обличать грешную природу солдат. Этот эпизод описан в «Рассказе паломника» следующим образом:

«Тут его охватил такой сильный порыв <негодования>, что он стал кричать, говоря: “И это прикажете терпеть?” — и тому подобные жалобы. Все это он говорил с таким напором, что все в доме перепугались и никто не причинил ему никакого вреда».

Свою способность влиять на людей Лойола использовал и раньше. Удалось ведь ему убедить памплонский гарнизон и заставить его против всякого здравого смысла продолжать защищать крепость. В дальнейшем это личное качество сильно помогало ему завоевывать позиции для Общества Иисуса.

В Рим Иньиго также попал исключительно удачно, на Страстную пятницу, пришедшуюся на 5 апреля 1523 года. Ему удалось вместе с огромной толпой увидеть и поприветствовать папу на площади у собора Святого Петра. Все собравшиеся паломники получили общее благословение

от Адриана VI. Сутками позже наш герой встретил Пасху в самом сердце католического мира, в городе, навсегда связанном со святым Петром, бывшим, как мы помним, покровителем рода Лойола и личным патроном Иньиго еще со времен хирургических истязаний.

Вдосталь налюбовавшись на святыни, которыми изобилует Вечный город, в середине апреля Лойола отправился в Венецию, откуда уходили корабли в Святую землю. Все это время ему приходилось буквально держать оборону от многочисленных сочувствующих и добрых советчиков. Люди, узнав о том, что хромой оборванец абсолютно без денег и без соответствующей одежды намерен отправиться в Иерусалим, приходили в ужас и от всей души уговаривали безумца одуматься и вернуться домой.

Но теперь, несмотря на многочисленные увещевания, Лойола уже ни минуты не сомневался в правильности избранного пути.

Попасть в Венецию оказалось совсем непросто: по стране гуляла чума. Войти в город позволялось только тем, кто представил справку о здоровье, а также прошел через строжайший осмотр карантинных постов. Бледный, исхудавший человек в рубище, каков был Иньиго, конечно, неминуемо вызвал бы подозрения.

Его попутчики отправились в Падую, где можно было получить, а скорее даже купить необходимую справку. Лойола, до сего момента не задумывавшийся о таких пустяках, собрался пойти с ними. Но они шли слишком быстро. Не выдержав темпа, он отстал и заночевал в поле. До Венеции оставалось около 30 километров, город

окружали карантинные стражи, миновать которые нечего было и думать. Тут уже даже баскское упрямство Иньиго дало трещину. Его мечта о Святой земле почти разбилась о реальность. Он лежал под открытым небом, продрогший и одинокий.

К утру он неминуемо должен был бы сдаться перед очевидной невозможностью осуществить задуманное, но случилось по-другому. Будущего святого вновь посетило видение, на этот раз уже не вызванное надругательством над собственным организмом, поскольку Лойола больше не увлекался голодовками и самобичеванием. Сам Иисус Христос, явившись, обнадежил Своего верного солдата.

На рассвете, утешенный, со свежими силами, Иньиго отправился в Падую, но не за справкой — он уже позабыл о ней, — а лишь из желания соединиться со своими спутниками.

С немалой гордостью и радостью он вспоминал спустя долгое время, что лишь чудом мог попасть в город и Господь сотворил для него это чудо, и даже множество чудес. Стражники проверяли всех входивших в городские ворота, но почему-то от Лойолы никто не потребовал никаких документов или объяснений. Ни о чем не спросили паломника и когда он покидал Падую. Его попутчики, потратившие кучу денег и сил на получение вожеленной справки, крайне изумились. Оказалось, это чудо было не последнее.

В середине мая 1523 года каждую лодку, входившую в венецианскую гавань, проверяли со всем тщанием, человека за человеком: чумы здесь боялись нешуточно. Проверили и ту, в которой

плыл Лойола со спутниками. От пристального внимания стражи ускользнул лишь он — один в целой группе.

Попав в Венецию, Иньиго в течение двух месяцев жил как птица божья и трава земная. Он побирался на узких улицах Венеции и спал на площади Святого Марка, предоставив Богу свою судьбу. Он более не искал общения с духовными людьми, как в Барселоне, предпочитая размышлять в одиночестве и беречь силы для будущих проповедей на Святой земле. По-прежнему он тщательно скрывал свое знатное происхождение, хотя оно могло бы сильно помочь ему в разрешении проблем. А таковые имелись.

Сохранился дневник одного из попутчиков Лойолы, некоего Филиппа Хагена из Страсбурга. Его записи о паломничестве в Иерусалим предваряет следующая сентенция: любой, кто желает отправиться к Гробу Господню, должен запастьись тремя большими мешками: мешком денег, мешком терпения и мешком веры. Веры и терпения Иньиго имел с лихвой, но насколько они могли заменить полное отсутствие средств? Ведь «мешок», упомянутый Хагеном, требовался вовсе не для какого-то особенного комфорта, а на вещи совершенно необходимые. Например, на проезд и покупку дорожных припасов, на оплату проживания, а также опытных проводников. Без провожатых передвигаться по Святой земле не представлялось возможным из-за угрозы со стороны турок и бедуинов.

Как человек практичный, Лойола прекрасно понимал это, но тем не менее ничего не предпринимал, кроме упования на Господа. И мирозда-

ние вновь пошло ему навстречу. На улицах Венеции он случайно попался на глаза знатному венецианцу испанского происхождения, чье имя до сих пор неизвестно. Тот принял самое деятельное участие в судьбе земляка.

Очевидно, крайняя неординарность личности Иньиго не оставляла людей равнодушными к нему, вызывая как резкое отторжение, так и пылкую привязанность. Внезапно вспыхнувшую дружбу с соотечественником сам Игнатий впоследствии объяснил своими хорошими манерами (не забываем, что он воспитывался при королевском дворе) и беседами о Господе, которые, очевидно, доставляли живейшее удовольствие всем участникам.

Как бы там ни было, но именно гостеприимец Лойолы выхлопотал пилигриму аудиенцию у дожа Венеции, герцога Андреа Гритти. Герцог был избран на этот славный пост всего за четыре дня до того, как Иньиго оказался в Венеции. Можно только представить себе, как сильно глава Венецианской республики был занят в те дни и как не просто было добиться, чтобы он выделил время для разговора с безвестным странником.

Иньиго сумел произвести впечатление и на дожа. Герцог Гритти безвозмездно предоставил ему место на корабле «Негрона». Это судно шло на Кипр с новым губернатором острова — Никколо Дольфином.

Кипр считался венецианской колонией с 1489 года, когда его последняя королева, венецианка Катерина Корнаро, после смерти мужа и сына передала Венецианской республике все права на остров.

Это обстоятельство оказалось весьма на руку Лойоле, поскольку у берегов Кипра как раз в то время стоял корабль с пилигримами, идущий напрямиком в Святую землю.

Казалось, мечта вот-вот осуществится. Но здоровье снова подвело нашего героя. Он заболел — и заболел весьма опасно. Во всяком случае, за его жизнь всерьез опасались.

В день выхода «Негроны» из порта он был настолько слаб, что доктор прямо сказал ему: «Вы можете выйти в море, чтобы вас там и похоронили». Но пророчества эскулапа не оправдались, морская болезнь, как ни странно, пошла на пользу Лойоле, и вскоре пилигрим уже настолько окреп, что принялся активно вмешиваться в происходящее на судне. А почва для вмешательства оказалась самой подходящей.

Венецианцы не без оснований пользовались репутацией чуть ли не самых отчаянных гуляк и распутников во всей Европе. Говорили, будто даже венецианские монахини красятся и завиваются, не отказывая себе ни в каких радостях жизни, а декольте прикрывают, лишь когда поют на службах. И, уж конечно, венецианские моряки никак не могли вести себя смиреннее монашек.

Иньиго, вставший на путь обращения, не мог сносить гнусные нравы окружающих. Он начал открыто обличать скверну, царившую на борту «Негроны». Бичевал грех со всем своим бешеным темпераментом и, разумеется, скоро восстановил против себя команду. Моряки, взбешенные своим не в меру шепетильным пассажиром, уже готовились высадить его на первом же попавшемся островке, пусть даже необитаемом. Но везение

Лойолы не оставило его и здесь. Подул крепкий ветер, матросы занялись корабельными снастями и перестали обращать внимание на ругань несносного пассажира. Как следует из «Автобиографии»: «Господу нашему было угодно, чтобы они быстро добрались до Кипра, где оставили этот корабль, и отправились по суше в другой порт, именуемый Лас-Салинас, находившийся в десяти лигах оттуда, и перешли на паломнический корабль, на котором <паломник>, если говорить о его пропитании, столь же мало рассчитывал на что-либо, кроме надежды, возлагаемой им на Бога, как и на прежнем корабле».

Расчет оказался верным: 19 августа пилигримы отплыли от гостеприимных берегов Кипра и к 25-му благополучно достигли Святой земли.

Глава десятая

МЕЧТЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Путники высадились в Яффе, основанной сыном Ноя — Иафетом. Отсюда убежал на корабле ослушник-пророк Иона, не желая проповедовать в Ниневии, на эти берега он ступил вновь, извергнутый из чрева кита. В Яффе святой апостол Петр воскресил праведную Тавифу.

Сейчас это всего лишь руины: мамелюки не пощадили древнюю Иоппию, буквально сровняв ее с землей. Среди развалин, пыли и камней уютится крохотное, ничем не примечательное арабское поселение, но здешние камни помнят пророков и святых.

Паломники остались здесь почти на неделю в

ожидании разрешения на вход в Иерусалим. Затем верхом на осликах отправились в поселение Рамла, где переночевали, чтобы поутру достигнуть главной цели своего путешествия. Не доезжая двух миль, все погрузились в благоговейное молчание. Впереди их ждало самое удивительное и чудесное, что можно было увидеть в жизни, — Святой город, где учил, исцелял и был осужден на смерть наш Господь и Спаситель. И в этот город они сейчас въедут — точно так же как когда-то въезжал и Он.

Даже на нас, людей Новейшего времени, перекормленных разного рода информацией, великое сакральное пространство Иерусалима действует сильнейшим образом. Каждый год «иерусалимский синдром», хорошо знакомый местным жителям, настигает все новых и новых туристов и паломников. Страдает им примерно по сотне человек в год.

В чем эта болезнь заключается? Приезжий, попав в Иерусалим, внезапно осознает, что ему, именно ему, открылась вся глубина библейской мудрости, он ощущает в себе силы и власть под стать древним пророкам. Жертва «иерусалимского синдрома», как правило, немедленно приступает к проповеди и не обращает внимания на реакцию окружающих. Результат предсказуем: или блажь спадает, и человек с удивлением обнаруживает себя в самом экзотическом виде среди древних каменных стен, или случай оказывается серьезнее. Тогда пророк может очутиться на попечении персонала психиатрической больницы Кфар Шауль, где пристально изучают это явление.

Более всего от «иерусалимского синдрома» страдают содержатели гостиниц: каждая третья жертва этого странного психоза предпочитает отправиться на проповедь в длинных библейских одеждах, сделанных, увы, чаще всего из гостиничных простыней.

И это происходит сейчас, когда паломничество перестало быть подвигом. Путь до Святой земли редко занимает больше четырех-пяти часов на самолете. Никакого труда перелет не составляет, да и стоимость путевки вполне посильна. Современному паломнику не приходится покидать дом на несколько лет, а возможно, навсегда. Он не должен подвергаться нешуточной опасности, постоянно рискуя жизнью, и входить при этом в непомерные расходы.

Можно представить, какое потрясение испытывал человек, только что переживший мучительное морское путешествие, чудом не утонувший в бурном море, не захваченный пиратами, человек, столько сделавший и стольким пожертвовавший, когда перед ним внезапно распахивались ворота Святого города, чье имя уже само по себе звучало как молитва!

Во время визита Иньиго Иерусалим переживал сложные времена. 30 декабря 1516 года город захватил турецкий султан Селим I Грозный, положив начало четырехвековому владычеству Османской империи. Обошлось без крови. Турецкий властитель, вступив в Газу, получил ключи от Святого города вместе с ключами от других палестинских городов. По легенде, султан после этого события простерся ниц и воскликнул:

«Благодарение Богу! Святилище первой киблы* принадлежит мне!»

Несмотря на такое благоговейное отношение к Иерусалиму, туркам не удалось сохранить там прежний уровень жизни. Город хирел, превращаясь в малоразвитый и плохо защищенный населенный пункт. От окончательного разорения Святой город спас его особый религиозный статус, из-за которого сам город и прилегающие к нему районы выделились в отдельный санджак**.

Это место стало лакомым куском для турецких чиновников. Там проживали в основном немусульмане, облагавшиеся высокими налогами и поборами. К тому же власти брали немалую пошлину с христианских паломников. Из-за та-

* К и б л а (араб. *القِبْلَة* — направление, то, что находится напротив) — в исламе направление на Каабу в Мекке, соблюдаемое во время совершения молитвы и отправления ряда ритуалов. Кибла (ориентация) имеет важное значение при строительстве мечетей и других культовых сооружений во многих религиях, а также в повседневной жизни мусульман и служит символом единства всех мусульман. На раннем этапе пророчества Мухаммеда (с 610 по 623 год) киблой была мечеть аль-Акса, расположенная в Иерусалиме. Согласно преданию, во время полуденной молитвы в Медине в «Мечети двух кибл» пророку Мухаммеду пришло откровение от Аллаха о смене киблы и Мухаммед вместе с остальными молящимися, не прерывая молитвы, изменил это направление. Причины переноса киблы из Иерусалима в Мекку отразились в Коране (2:142–150).

** С а н д ж а к — область в Османской империи, порученная сыновьям султана. Непосредственным управлением санджаков занимались не сыновья султана, а губернаторы, получавшие специальный штандарт — санджак, что значит «от султана».

кой политики количество пилигримов с 1517 года резко сократилось. Группа, с которой прибыл Лойола, насчитывала всего девять человек, да на паломническом корабле, вышедшем из венецианского порта чуть ранее, прибыло еще тринадцать.

...В условленном месте, откуда открывался вид на Иерусалим, их встретили монахи с большим крестом для процессий. Святой город распахнулся перед Иньиго как откровение, воздух его казался пьянее крепленого вина, уличные камни, хранившие память о шагах Спасителя и Пресвятой Девы, были желаннее и драгоценнее алмазов и рубинов. Здесь голос Господа слышался гораздо отчетливее, чем в суетной Европе. Братья-францисканцы, новые стражи Гроба Господня, вели пилигримов по узким улицам Иерусалима, сквозь шум и разноголосицу, сквозь дрожащий от зноя воздух, под невозможно синим небом. Иньиго смотрел на этих людей в простых рясах, подпоясанных веревками, с завистью. Они умело и бесхитростно показывали небольшому отряду Иерусалим, и от их речей оживали скупые строки Евангелия.

Паломники посетили монастырь на горе Сион, посидели в трапезной, вспоминая Тайную вечерю. Прошли по Крестному пути до самой Голгофы и Гроба Господня.

...Здесь, в этом дворе, Спасителя бичевали — и Его кровь лилась на каменные плиты. Здесь Сына с рыданиями встретила Мать, а здесь Его лик отерла платком святая Вероника, не побоявшаяся гнева толпы. Вот в стене выбоина — здесь, отколов кусочек камня, ударился о стену крест Христа,

далее его понесет Симон Кириянин, а здесь каменная стена прогнулась, словно мягкая перина, когда Христос оперся на нее в изнеможении.

Пилигримы побывали всюду — в Вифлееме, на Елеонской горе и в долине Иосафата. Но насладиться впечатлением им нигде не дали. Турки-проводники постоянно заставляли группу торопиться. Даже в реку Иордан путникам не удалось войти, позволили только омыть лицо и руки.

Иньиго дышал трепещущим от жары воздухом Иерусалима и не мог надышаться, ходил по каменным светлым улицам как во сне. Любой другой на его месте поразился бы прекрасным впечатлениям от паломничества и, скорее всего, вспоминал бы их потом всю жизнь. Но Лойола никогда не ограничивался экстатическим созерцанием. Радикальный романтизм в его характере сочетался с крайним прагматизмом. Поэтому, восторгаясь, он уже прикидывал, как можно использовать этот опыт для воспитания будущих Христовых воинов. И он нашел замечательный ход, включив топографию Святой земли в свой педагогический курс.

Французский философ-постструктуралист Ролан Барт пишет об этой технике структурирования личности с помощью визуализации определенных символов: «Эти виды (в расширительном смысле слова, поскольку речь идет о всевозможных единствах воображаемого восприятия) могут “кадрировать” вкусы, запахи, звуки или ощущения, но именно “зрительный”, если можно так сказать, вид овладевает всем вниманием Игнатия»*. Тот, кто желал очистить свою душу и

* Барт Р. Сад, Фурье, Лойола.

полностью подготовиться к принятию воли Христовой как своей, должен был духовным взором отыскивать города, селения, дома и улицы, храмы ее и пещеры и, конечно, светлицу Девы Марии. Без сомнения, Иньиго, предлагая это упражнение послушникам для второй недели тренировок, и сам проделывал его сотни раз.

Скорее всего, он начал представлять себе Иерусалим, еще сидя в пещере на берегах Карденера. Но оттуда Святая земля казалась чем-то непостижимым и отстраненным, как обещанная в видениях награда, как солнце, встающее на востоке. Теперь она лежала перед ним — пыльная, раскаленная, крикливая, осязаемая, со всеми ее торговцами, ослами, голубями, такими же, как полторы тысячи лет назад, во времена Христа.

Через несколько дней первый восторг немного приутих и Лойола начал замечать знаки упадка, который переживала Святая земля. Дело было даже не в турках. Еще до турецкого завоевания здесь орудовали мамлюки. Страдая от безвременья, город потускнел, словно заброшенный дом, лишившийся настоящих своих хозяев и попавший в недобрые, равнодушные руки. Не было больше великолепных процессий, христиане ходили по городу почти тайком, войти в храм Воскресения можно было, только заплатив немалую пошлину (при этом католики платили больше, чем греки, копты или армяне), а о том, чтобы пойти куда вздумается самому, не приходилось и мечтать. Для обновления мечети Омара султан распорядился изъять мраморный помост и колонны Вифлеемского храма, а стены Иерусалима

восстанавливали камнями из разрушенного замка рыцарей-госпитальеров.

Не обнаружил Иньиго и мира среди местного христианского населения. Христиане разных конфессий старались не столько по-братски помочь друг другу, сколько улестить султана и тем самым хоть сколько-нибудь возвыситься над конкурентами. Каждый уголок Иерусалима был поделен между разными церквями, суверенитет тщательнейшим образом охранялся. Католики, православные, армяне, греки, копты — Иньиго даже не пытался разобраться в этой путанице амбиций, притязаний, интересов и политических интриг. О христианской любви и братстве оставалось только мечтать.

Наш герой, как истинный рыцарь, почувствовал сильнейшее желание вмешаться и защитить Святую землю. Пусть время Крестовых походов закончилось, пусть ни один из государей Европы не решился вернуть завоеванное кровью наследие крестоносцев, но его, Лойолу, бывшего офицера, Господь привел сюда не случайно. И уж точно не для того, чтобы распевать псалмы в иерусалимских дворах.

Он, Лойола, должен был выйти на ниву Господню и жать для Него непросвещенные души, отнимая их у Сатаны. И если он пренебрежет этой святой обязанностью, то окажется в глазах всех людей трусливым воином, а главное, будет всю жизнь презирать себя. В «Духовных упражнениях» он сам требовал от гипотетического ученика «...увидеть, как прекрасный и благостный Христос, Господь наш, стоит на огромном ровном поле в окрестностях Иерусалима, как Го-

сподь вселенной избирает многих людей, апостолов, учеников и так далее и посылает их по всему миру сеять Его святое учение среди людей всех возрастов и всех состояний».

Иньиго вспомнил житие Франциска Ассизского. С этим святым он всегда ощущал особенную духовную близость. Действительно, в их жизненном пути можно обнаружить немало сходства. Так же как и Лойола, юный Франциск блистал в светском обществе, слыл гулякой и повесой. Так же мечтал стать идеальным рыцарем, что в XIII веке выглядело гораздо более гармонично, чем в XVI. Стремясь к военной славе и почестям, он вступил под знамена знаменитого кондотьера Вальтера, графа Бриенского, и отправился сражаться в междоусобной войне в Апулии. В это время ему приснился сон, в котором фигурировал богатый дворец, увешанный оружием. Франциск подумал, что его ждет блестящее рыцарское будущее. Но вскоре он заболел и увидел второй сон. Таинственный голос спросил его: «Кому хочешь служить, господину или рабу?» — «Господину», — ответил рыцарь, уверенный, что речь идет о графе Бриенском. «Так зачем же ты бросил господина ради слуги?» — спросил голос, и Франциск понял: он должен служить не человеку, но Господу.

Франциск Ассизский уж точно не сидел бы сложа руки, глядя на святых, окруженные сарацинами, как делали нынче его духовные дети, монахи-францисканцы! Он бы обязательно бросился отвоевывать их оружием проповеди. Именно так он и поступил в сентябре 1219 года, когда во время Пятого крестового похода крестоносцы

осадили египетский порт Дамьетту, дабы, завоевав, обменять его на Иерусалим. Святой из Ассизи в сопровождении лишь одного из братьев-иллюминатов* отправился во вражеский лагерь нести Слово Божие самому султану Египта Аль-Камилю.

Франциск шел на верную гибель, распевая по пути псалмы и втайне радуясь при мысли о мученическом венце. Об этом рассказывает современник Франциска, французский проповедник и летописец Пятого крестового похода Жак де Витри (*Jacques de Vitry*).

«Франциск, вооружившись щитом веры, бесстрашно направился к султану. На пути сарацины схватили его, и он сказал: “Я христианин, отведите меня к вашему господину”. Когда его к нему привели, то этот дикий зверь, султан, увидев его, проникся милостью к Божьему человеку и очень внимательно выслушал его проповеди, которые тот читал о Христе ему и его людям в течение нескольких дней. Но затем, испугавшись, что кто-либо из его армии под влиянием этих слов обратится к Христу и перейдет на сторону христиан, он велел его бережно, со всеми предосторожностями отвести обратно в наш лагерь, сказав на прощание: “Молись за меня, что-

* Иллюмина́ты (нем. *Illuminatenorden*, от лат. *illuminati*), или «просвещенные» (от лат. *illuminatus* — озаренный, просветленный, просвещенный), — в разное время название различных объединений (орденов, братств, сект, обществ) оккультно-философского толка и мистического характера, в разной степени дозволенных или секретных, зачастую бывших в оппозиции к политическим и религиозным (клерикальным) властям.

бы Господь открыл мне наиболее угодные Ему закон и веру”».

Францисканец Жан Элемозин утверждает: Франциск не просто проповедовал, но настоятельно требовал, чтобы султан крестился вместе со всей семьей. А если владыку не убедили проповеди, то пусть он проведет испытание огнем. Зажгут костер — и Франциск вместе с любым магометанским служителем войдет в огонь ради испытания истинности веры. На что султан возразил: «Брат, не верю я, что кто-либо из сарацинских священников пожелает вступить в огонь за веру свою».

По сведениям других хронистов, какой-то известный магометанский священник (святой старец) в этот момент находился подле владыки. Послушав Франциска, он поднялся и вышел.

Французский историк, востоковед, исламовед и арабист Луи Массиньон провел тщательное исследование и пришел к выводу: «старцем» почти наверняка был аскет и ученик мусульманского мистика Халладжа, Фахр ад-Дин Фанизи. И отказался он вовсе не из-за страха, а по причине отвращения ко всякого рода ордалиям*, кои полагал дикостью.

Может возникнуть вопрос: для чего столь подробно разбирать случай из биографии Франциска Ассизского в книге, посвященной Игнатию Лой-

* О р д а л и и (от англосакс. *ordol*, лат. *ordalium* — приговор, суд) — в широком смысле то же, что и Божий суд; в узком — суд путем испытания огнем и водой. Ордалии считаются одним из видов архаического права, впервые подобные испытания упоминаются еще в законах Хаммурапи.

оле? Но именно в подобных эпизодах видно нечто, объединяющее обоих святых. Это — та самая «народная», даже «детская» вера, которая очаровывает простых людей, но зачастую раздражает профессионалов от культа — священников и теологов. Им кажется, будто, вооружившись интеллектом и образованием, можно достичь глубин смысла, но порой вместо глубин они упираются в дно. Здесь нельзя не вспомнить Христово «будьте как дети» и конфликты Спасителя с первосвященниками и фарисеями. Общность эта неслучайна, ведь Франциск Ассизский ставил своей целью именно буквальное, наивное подражание Христу, а Лойола в начале своего пути пытался подражать Франциску.

Вероятно, святому из Ассизи, избалованному богатому наследнику торговца тканями, было намного проще развить в себе детское восприятие мира, чем Иньиго, тринадцатому ребенку, отданному на воспитание в чужой дом. Зато упорства и силы воли ему хватало. В итоге харизма и мистика этих двух святых имеют сходство, только один из них действовал более «по вдохновению», тогда как другой в какой-то степени «сделал себя сам».

Завершая эпизод Франциска с султаном Египта, отметим: хотя каждый остался при своем, Аль-Камиль не крестился, но отчаянный поступок «скомороха Господня» получил большой резонанс и, по-видимому, смягчил сердце султана, до того питавшего ненависть к христианам.

На прощание сарацинский владыка предлагал Франциску золото, серебро и любые сокровища. Его глубоко тронул человек, готовый

броситься в огонь, чтобы спасти чью-то душу. Разумеется, святой из Ассизи отказался от сокровищ. Тогда султан отпустил с миром его вместе с братом-иллюминатом и разрешил впредь беспрепятственно проходить по сарацинским землям.

Иньиго восхищался отважным итальянцем, одновременно чувствуя ревность. Он тоже хотел бы предстать перед султаном и потребовать испытания огнем. Ему, офицеру и рыцарю, хватило бы силы духа пойти на любые муки. Ведь выдержал же он истязания, которым подвергли его хирурги. Эх, если бы можно было оказаться тогда вместе с Франциском, на месте смиренного иллюмината! Как знать, может быть, султан все же уверовал бы? Правда, теперь, похоже, подобная миссия нужна еще больше, чем в XIII веке.

Лойола решил поговорить с францисканцами и попросить у них разрешения остаться в Святой земле навсегда.

Он пошел к гвардиану — так называли настоятеля монастыря, находящегося на горе Сион, старшего над всеми прочими настоятелями францисканских храмов. Показал рекомендательные письма, полученные от венецианского благодетеля, и высказал желание поселиться в Иерусалиме. Гвардиана такое рвение вовсе не обрадовало.

Францисканцы откровенно бедствовали, перебиваясь с хлеба на воду. Прокормить еще одного монаха община бы точно не смогла. Иньиго успокоил настоятеля: он не собирается отягощать собой монастырь. Он просит только духовной пищи — мессы, исповеди и причастия. А хлеб насущный будет добывать самостоятельно.

Услышав такое, гвардиан очень обрадовался, поскольку Лойола успел расположить его к себе и ему не хотелось расставаться с таким глубоко верующим человеком. Но официального разрешения на проживание в Святой земле он дать не мог. Такие вопросы решал только провинциал*. А отец Маркос де Салодио, занимавший этот важный пост, находился в отъезде и его ожидали со дня на день.

Иньиго посчитал дело решенным. Какая разница провинциалу, кто где живет? Ему-то уж в любом случае не придется кормить паломника. Значит, разрешение он точно даст.

На радостях Лойола написал подробное письмо к Инес Паскуаль, рассказывая обо всех своих переживаниях, вызванных встречами с мечтой и делясь планами о будущей миссионерской деятельности в Святой земле. Письмо это не сохранилось, хотя о нем упоминают многие источники, в том числе *El Padre maestro Ignacio: breve biografía ignaciana*, написанная отцом Кандидо де Далмасесом и считающаяся классической у иезуитов.

Исполненный радужных надежд, Иньиго провел в монастыре несколько дней. Затем его вызвали к прибывшему провинциалу. Рядом сидел уже знакомый гвардиан. Вот тут-то паломника постигло жестокое разочарование. Маркос де Салодио наотрез отказался давать разрешение. Лойола не верил своим ушам. Как же так? Разве он обременяет обитель хоть чем-то?

Провинциал объяснил. Оказывается, фана-

* Провинциал возглавляет отделение ордена в какой-либо стране.

тичный баск был далеко не единственным из тех, кто желал остаться в Святой земле. Люди поселились здесь, а потом попадали в плен к арабам или просто погибали, а францисканский орден нес большие убытки, тратясь на выкуп пленных и на похороны.

Такие перспективы устроили бы кого угодно, но только не Иньиго. Он начал с жаром убеждать Маркоса де Салодио в своей исключительной миссионерской полезности. Учитывая тогдашнюю полную безграмотность Лойолы в вопросах теологии, их разговор мог получиться весьма забавным.

Так и представляется маленький, хромой изможденный человек с горящими глазами, бешено жестикулирующий:

— Я прибыл сюда не для битья поклонов! Я собираюсь проповедовать. Язычникам, сарацинам и своим братьям, отошедшим от Христа. У меня есть дар убеждать. Вы можете увидеть сами!

На него утомленно смотрит немолодой умудренный священник. Второй нервно перебирает четки.

— Интересно. Я бы посмотрел, — говорит провинциал. — Кстати, вам известны обычаи и праздники, принятые у турок?

— Разумеется, нет. С чего бы мне интересоваться жизнью неверных?

— Жаль. Прежде чем нести людям мысль, неплохо бы узнать их получше. А еще проповеднику необходимо знание теологии.

— Теология? Это еще что такое? — удивляется Иньиго.

— Наука, имеющая своим предметом Бога,

Богооткровение, Божественное домостроительство, различные аспекты жизни Церкви. Все, кто проповедует, должны иметь теологическое образование.

— Вы считаете, вдохновение, ниспосланное Святым Духом, хуже?!

— Нет-нет, ни в коем случае, — провинциал говорит успокаивающим тоном, на всякий случай отодвигаясь подальше. — Но, скажите, вы помните заповеди? Например, как дословно звучит седьмая?

Разумеется, разговор мог вестись по-другому, тем более в «Рассказе паломника» отмечено, что провинциал обращался к нашему герою «учтиво и мягко». Но остается фактом: долгое время духовенство относилось к Лойоле пренебрежительно и подозрительно.

В «Автобиографии» подробно описан итог беседы Иньиго со священниками: «...паломник отвечал, что намерение его весьма твердо и что он ни в коем случае не предполагает отказаться от его воплощения на деле. Тем самым он честно дал понять, что, даже если это не будет угодно провинциалу, он не откажется от своего намерения, сколько бы его ни запугивали, если только не будет ничего, что заставляло бы его согрешить. На это провинциал сказал, что у них есть полномочие, данное Апостольским Престолом, в силу которого они могут заставить уйти отсюда или остаться здесь того, кого сочтут нужным, а также отлучить от Церкви тех, кто не захочет им повиноваться...»

Их преподобия даже хотели показать упряму соответствующие буллы, подтверждающие это полномочие, но разъяренный баск внезапно перестал спорить, уразумев, что принял очарование

мечты за голос Господа. Смиренно он согласился покинуть Святую землю.

Правда, перед самым отъездом наш герой немного набедокурил. Его внезапно охватило непреодолимое желание еще раз побывать на Елеонской горе. Находясь там в прошлый раз с группой, он не разглядел хорошо следы вознесшегося Спасителя, запечатлевшиеся на камне, и теперь не мог понять, как они располагались. Святыня охранялась турецкими стражниками, которые отказались пропустить неучтенного «туриста». Тогда Лойола прибег к даче взятки, подкупив стражей ножиком для разрезания бумаги.

С горы его стащил разъяренный послушник францисканского монастыря, вооруженный палкой. Все время, пока Лойола вели обратно, он видел над собою Христа и окончательно покорился неизбежности.

Зная дальнейшую биографию нашего героя, можно предположить, что вряд ли Общество Иисуса имело бы такой успех, окажись францисканский провинциал немного поговорчивее. Лойола точно не пошел бы учиться и так бы и остался местечковым проповедником, беседуя с турками о Пресвятой Деве и разъясняя погрязшим в грехе единоверцам всю мерзость их поведения.

Глава одиннадцатая

QUID AGENDUM? ЧТО ДЕЛАТЬ?

Обратный путь оказался очень трудным. Маршрут просчитали плохо, паломников в Рамле никто не ждал. В результате они провели ночь

в пути, а утром не получили никакой пищи. Но и дальше, в Яффу, их сразу не пустили. Губернатор потребовал с каждого пошлину — один дукат, и вдобавок к нему какой-нибудь предмет одежды. Как они все, а особенно Иньиго, отправившийся в паломничество без денег, решали эту проблему, мы не знаем. Но группа задержалась в Рамле на неделю, до 1 октября 1523 года. Все это время им пришлось терпеть немалые лишения из-за нездорового климата и острой нехватки питьевой воды. В результате на борт корабля в Яффе 3 октября паломники взошли полубольными.

Когда они плыли в Святую землю, судно не раз попадало в сильную бурю, и теперь все молились о хорошей погоде. Господь услышал пилигримов: как они только отошли на значительное расстояние от берега, наступил штиль. Путешествие растянулось на неопределенный срок, а припасов на корабле оказалось негусто. Полубольные заболели окончательно, один паломник даже умер. Берегов Кипра достигли только 14 октября. Тут же начались новые сложности и унижения.

С Кипра до Венеции отправлялось несколько кораблей: какое-то турецкое судно, крошечное суденышко, а также большой и красивый корабль «Малипьера», принадлежавший венецианцу Джеронимо Контарини и оборудованный по последнему слову тогдашней техники. Хозяин назначил высокую плату за проезд до Венеции — целых 15 дукатов. Он наотрез отказался везти Лойолу бесплатно. Когда другие паломники просили за своего нищего товарища, капитан лишь засмеялся: раз уж он у вас такой святой, пусть до-

бирается, как святой Иаков. Это была довольно злая шутка. После мученической смерти апостола Иакова в Святой земле ученики положили его обезглавленное тело в лодку — и углое суденышко чудесным образом достигло берегов Испании, где святой когда-то проповедовал. Его выбросило на берег в устье реки Улья, на месте будущего возникновения города Сантьяго-де-Компостела.

К счастью, капитан маленького кораблика оказался более благочестив — и разрешил Иньиго взойти на борт. Мы не знаем названия этого судна, но оно единственное из всех достигло Венеции. Словно в наказание за кощунственные речи капитана, мощный корабль Контарини затонул, едва покинув Кипр. Турецкое судно тоже погибло в шторме, никто даже не знал точного места его крушения. Спасись, скорее всего, там не удалось никому.

Когда Иньиго, наконец, достиг Италии, уже стояла зима, заканчивался декабрь.

Дул ледяной ветер, шел снег, а одежда нищего паломника совсем не соответствовала сезону. Судя по «Автобиографии», он не имел «...другой одежды, кроме штанов из грубой ткани до колен, оставлявших икры голыми, башмаков, хубона* из черной ткани со множеством разрезов на спине

* Хубон (исп. *jubón*) — род куртки, колет, в 1520-х годах имеет черты сходства с итальянским джуббоне, но также и отличается от него. Стоячий воротник, лиф облегает фигуру, разрезов нет, застежка потайная, юбка заложена в складки. Имел кроме узких рукавов еще и фальшивые откидные рукава. Рукава можно было менять, так как они соединялись с хубоном шнуровкой, проймы вокруг них обшивали эполетами-козырьками.

да короткой ропилы*, толку от которой было мало».

Кораблик причалил не в Венеции, а в Апулии. Дальше пришлось добираться самостоятельно — примерно 765 километров. Можно представить, с каким огромным трудом Иньиго проделал этот тяжелейший переход. Кроме того, теперь перед ним стоял крайне важный вопрос: что делать дальше? Неужели о проповедях среди язычников придется забыть?

Лойола был не единственным святым, чьи благочестивые планы обрушились из-за непреодолимых препятствий. Святой Антоний Падуанский тоже мечтал о миссионерстве и даже достиг берегов Африки. Но жестокая болезнь оказалась сильнее мечтаний. Ему пришлось возвращаться в Европу, практически не приступая к проповедям. Святой Доминик тоже всю жизнь желал отправиться за море, дабы нести свет Христовой веры непросвещенным душам. Но заботы об ордене и многочисленные обязанности не позволили ему осуществить задуманное. Отказавшись от мечты, и Антоний, и Доминик пришли к одной и той же мысли: твоя нива там, где ты очутился. В самом деле, кто сказал, что в проповеди и наставлении нуждаются лишь язычники и неверные?

Иньиго шел сквозь холод и снег, постепенно проникаясь уверенностью, что Господь сохранил ему жизнь не напрасно и вывел из Святой

* Р о п и л ь я — верхняя одежда наподобие хубона, но более длинная, с фальшивыми рукавами.

земли вовсе не потому, что Лойола был недостоин Иерусалима. Обращение язычников — безусловный подвиг. Но сколько единоверцев блуждает во тьме греха! Он вспомнил распутных матросов с «Негроны», чьи нравы он бесстрашно обличал, рискуя оказаться за бортом. Эти люди ведь все формально принадлежали к Христовой церкви. А сам он во дни юности? В монастыре на горе Монсеррат ему пришлось в течение трех дней описывать свои грехи, так много их накопилось.

Если францисканский провинциал отказал ему в просвещении язычников, он будет учить крещеных, но позабывших Господа европейцев. Чудом не замерзнув в пути и не заболев, он уже не сомневался в своей миссии: наставлять заблудших словом и делом, служа им живым примером. Вот только с чего начать?

Венеция была на этот раз не очень-то гостеприимна. Богатый испанец, устроивший паломнику встречу с дожем, не забыл о нем и снова помог деньгами, но помощь оказалась чисто номинальной. Суммы в 15 или 16 юлиев точно бы не хватило на обратную дорогу в Испанию. Юлий — старинная итальянская монета — равнялся одной десятой дуката, а как мы помним, проезд на корабле Контарини только от Яффы до Апулии стоил 15 дукатов. Также венецианский благодетель подарил Иньиго кусок ткани, который тот «многократно сложил и поместил себе на живот из-за стоявших тогда сильных холодов».

По размеру этой милостыни можно предположить, что венецианский соплеменник разоча-

ровался в «божьем человеке». Вероятно, он был неприятно удивлен, снова увидев его в Венеции. Ведь несколько месяцев назад нищий баск покорила его именно своей безудержной яркостью — и нельзя было не поверить, что он станет звездой среди миссионеров Святой земли. Кто бы отказался помочь герою, возможно, будущему святому мученику? Теперь же, после иерусалимских унижений, Иньиго предстал перед своим благодетелем без ореола грядущей славы, как обыкновенный нищий неудачник. Именно сейчас паломник нуждался в поддержке гораздо больше, чем перед путешествием. Но таковы люди: Иньиго, потерпев поражение в Святой земле, очень многое утратил в глазах своих прежних доброхотов.

Что же произошло дальше? Отец Кандидо де Далмасес пишет: «Поскольку он (Лойола) не видел причин далее задерживаться в городе лагун, он отправился в Геную, чтобы сесть на корабль до Барселоны».

В «Автобиографии» можно прочитать примерно то же самое: «После того как означенный паломник понял, что воля Божия была в том, чтобы он не остался в Иерусалиме, он всегда ходил, размышляя о том, *quid agendum* (что делать — лат.), и в конце концов склонился к тому, что некоторое время ему нужно поучиться, дабы он мог оказывать помощь душам, и решил идти в Барселону. Поэтому он отправился из Венеции в Геную».

А вот вариант из книги Александра Быкова, изданной в дореволюционной России в серии «Жизнь замечательных людей», осуществлен-

ной Ф. Ф. Павленковым*: «В нескольких диспутах, на которых он (Лойола) смело выступил, его унизили, осмеяли и опозорили, доказав целым рядом доводов и цитат, что он круглый невежда, которому нужно не проповедовать Слово Божие, а сесть за букварь. У сконфуженного рыцаря Святой Девы открылись, наконец, глаза...» И там же: «Неуспех его посланничества происходил от двух причин: он был вполне необразованный человек и действовал до сих пор один; следовательно, ему необходимо получить научное образование и создать духовное братство, воинствующее во славу Божию.

Таким образом, в Венеции пришла Лопецу** впервые мысль об ордене иезуитов, а не в пещере подле Манресы, как уверяет не в меру усердствующий биограф Лопеца, иезуит Рибаденейра, старавшийся доказать, что чуть ли не со дня рождения предназначение великого человека было ясно до очевидности».

По тону книги видно несколько отрицательное отношение автора к иезуитам. К тому же в тексте допущены ошибки, например, чуть далее процитированного отрывка Быков утверждает, что Лойола «...нашел необходимым возвратиться в Испанию, а именно в Барселону, в которую не

* *Флорентий Федорович Павленков* (1839—1900) — русский книгоиздатель и просветитель. Издавал в основном книги, рассчитанные на массовую аудиторию: сочинения русских классиков, иллюстрированные библиотеки русской и западноевропейской литературы для детей, научную переводную литературу, научно-популярные библиотеки.

** Так Быков транскрибирует часть фамилии святого Игнатия — *Ignacio (Íñigo) López de Loyola*.

мог попасть по причине чумы два года тому назад, то есть при бегстве из замка Лойола». При этом существуют документы с процесса беатификации святого Игнатия, доказывающие его присутствие в Барселоне в данный период.

Тем не менее мы склонны согласиться с версией Быкова о крайне неудачном участии Лойолы в богословских диспутах в Венеции в начале 1524 года. Эта версия очень логично сочетается и с характером нашего героя, и с бесспорными фактами его биографии.

«Народная», «детская» вера, которую ощутил в себе Иньиго сразу после своего обращения, очень плохо уживается с менталитетом образованного книжника. Лойола никогда и не являлся книжником, несмотря на свою любовь к чтению. Романтически настроенный на подвиг, да еще и узревший только что целую серию видений, — в таком состоянии человек редко бывает готов согласиться с собственной необразованностью. И не просто согласиться, а смиренно сесть за школьную скамью рядом с детьми, как сделал наш герой чуть позже. Значит, что-то или кто-то очень сильно повлиял на него. Наверяд ли это был Маркос де Салодио, францисканский провинциал. Одного человека не хватило бы на такого упрянца, как Иньиго. Имеется еще одно неявное указание на эту версию. «Рассказ паломника», в котором так подробно описывается ход мыслей главного героя, стыдливо молчит, не объясняя, отчего духовидец и собеседник высших сил спешно бросился восполнять пробелы в образовании. Просто так вот: ходил взад-вперед по Венеции «...и в конце концов склонился к тому, что

некоторое время ему нужно поучиться, дабы он мог оказывать помощь душам».

До сего момента поступки Иньиго были продиктованы логикой, пусть иногда и не вполне здоровой, на наш современный взгляд. Здесь же ее нет. Понятно, что раз Господь не благословил паломника проповедовать в Святой земле, надо возвращаться и приниматься за просвещение заблудших грешников в Европе, как он уже делал в Барселоне и на губернаторском корабле. Но при чем тут образование?

Почти наверняка возвратившийся из паломничества Лойола в Венеции был сильно опозорен. Конечно, он не мог участвовать в профессиональных диспутах, как утверждал Быков, — ведь они велись на латыни, которой он не знал. Поэтому на его долю, вероятнее всего, выпали просто умные разговоры о вере с образованными людьми. И горячность вкупе с излишней убедительностью на этот раз сослужила ему дурную службу. Тогда, на «Негроне», он имел дело с матросами — людьми простыми и грубыми. Филиппики Лойолы довели их до белого каления, и они чуть было не ссадили его с корабля, поскольку других способов унять ретивого зануду у них не было. Но когда он осмелился обличать венецианских интеллектуалов, ситуация оказалась совершенно иной. Проповеднику никто не угрожал, с ним расправились его же собственным оружием. С ним вступили в полемику — и, разумеется, тут же выяснилось, что обличитель грешников имеет самое смутное представление о том, как ведутся диспуты. Не может аргументировать ни одного своего положения, да и в Писании нетверд, потому

что не знает вещей, известных каждому школяру. Побывал в Святой земле (на венецианских кораблях и за счет Венеции), усердно молится и постится — вот и все его заслуги. В богословии же он не более чем неуч и дилетант. А как можно воспринимать всерьез слова невежды?

Лойолу здесь постиг куда больший конфуз, чем даже у францисканцев. Если Маркос де Салодио говорил с Иньиго келейно, практически с глазу на глаз, то в Венеции позор получился публичным. После такого поражения оставалось только спешно уйти, ведь ни на уважение, ни на милость, ни даже на помощь горожан теперь рассчитывать не приходилось.

Но в эти горькие часы, возможно, горчайшие в его жизни, Иньиго в очередной раз доказал себе и миру: голос Господа для него важнее собственных обид и воспаленного самолюбия. Другой бы на его месте махнул на все рукой и вернулся в родовой замок, а может, и стал бы поручиком герцога Нахеры. Ведь по большому счету он не совершил ничего предосудительного и не сжег за собой никаких мостов. Подумаешь, ушел в лохмотьях в паломничество! Тогда это воспринималось гораздо более привычно, чем сейчас. Что может быть естественнее, чем трудным путешествием к святыне поблагодарить Бога за чудесное исцеление? Вернись он сейчас к обычной жизни после путешествия ко Гробу Господню — и в родном краю его бы зауважали еще больше!

Но Лойола не привык сдаваться. Очень верно сказал о нем в XIX веке уже упомянутый Александр Быков: «С упрямством и настойчивостью горца-васкона он соединял страшную силу

воли и изумительное терпение». Характер Иньиго хорошо передает итальянская поговорка: «Если у испанца под рукой нет молотка, то он вобьет гвоздь в стену своей головой».

К тому же, как бывший военачальник, Лойола хорошо знал: для победы нужно учиться военному делу, лихим наскоком много не возьмешь. Он собрался воевать в отряде Христа, где сражаются словом, — и не овладел этим искусством в должной мере.

Значит, проблема в образовании, и он будет учиться. А для этого надо вернуться на родину. На поддержку семьи Иньиго вовсе не рассчитывал. Просто нигде, кроме Испании, он не мог в данный момент начать обучение из-за незнания языков.

Глава двенадцатая

В ШКОЛУ ПО ФРОНТОВЫМ ДОРОГАМ

Итак, наш герой отправился обратно в Испанию. На этот раз его ожидали еще большие трудности. Эпидемия чумы закончилась, зато активизировались военные действия — как раз в тех районах, по которым собирался пройти Лойола.

Собственно, военный конфликт, вошедший в историю под названием Итальянской, или Четырехлетней войны, начался еще в 1521 году, после поражения де Фуа, с которым Лойолу сводила судьба при осаде Памплоны. Одной из причин ее послужила взаимная ненависть двух правителей — испанского короля Карла V, ставшего императором большей части Европы, и фран-

цузского монарха Франциска I, неудачно претендовавшего на императорскую корону. Дело сильно осложнялось позицией Святого престола. В 1516 году папа Лев X подписал конкордат с королем Франции, который давал французскому двору право назначения почти на все аббатства и епископства. «Христианнейшему» монарху позволялось даже назначать светских лиц на церковные должности. Договор действовал во Франции более двух с половиной веков, до самой революции 1789 года.

И вот после подписания такого глубоко дружественного документа римский понтифик начал искать союза с заклятым врагом французского монарха, Карлом V. Папу вынудила на этот поступок активность Мартина Лютера, под влиянием которого в германских землях развилось небывалое брожение умов. Против политики Рима и индульгенций гуманисты выступали и раньше, но Лютер покусился на один из католических устоев — на самого папу римского. В своем обращении «К христианскому дворянству немецкой нации», сделанном в Виттенбергском университете в 1520 году, он ясно провозгласил: борьба с папским засильем является делом всей немецкой нации.

При таких масштабах опасности Лев X уже не мог церемониться. Он попросил у Карла V поддержки против ереси. Но ведь никак нельзя не отблагодарить императора. В качестве ответной услуги понтифик пообещал помочь изгнать французов из Ломбардии. Вскоре Лев X умер (в возрасте 45 лет), так внезапно, что его не успели соборовать, а император Карл протащил на Святой престол своего человека — фламандца Адри-

ана VI. В итоге к лету 1523 года за французского короля в Италии официально воевала только Венецианская республика, да и та долго не продержалась в союзниках.

В начале лета к власти в Венеции пришел Андреа Гритти, ветеран войны Камбрейской лиги, тот самый дож, который согласился помочь Лойоле. Война показалась ему делом невыгодным. Он начал переговоры с императором и 29 июля подписал Вормсский договор, после которого в Венецианской республике воцарился мир.

Еще одно глубокое разочарование Франциску I доставил его бывший коннетабль, герцог Карл де Бурбон III, пользовавшийся большой популярностью и влиянием при предыдущем короле Франции, Людовике XII. Бурбон имел выдающийся талант полководца, но при дворе Франциска ему не нашлось достойного места. У него отняли титул коннетабля, а также все права и владения. Говорили, будто Бурбон пострадал потому, что отверг любовь королевы-вдовы.

Как бы там ни было, гордый и прославленный герцог не собирался довольствоваться жалким прозябанием в провинции. Он изменил королю, предавшему его, и заручился поддержкой злейших врагов Франциска — Карла V и Генриха VIII Английского, предложив им, соответственно, свою помощь.

Королю Франции пришлось несладко. Император Карл вторгся в его страну с юга, через Пиренеи. Французы отчаянно сопротивлялись, но на помощь имперским войскам уже двигалась огромная английская армия под предводительством герцога Суффолка.

Тогда Франциск I, лично встав во главе сорокатысячного войска, двинулся в Италию. Ему удалось вступить в Милан и назначить там своего губернатора, генерала Луи де ла Тремуйля. Далее он двинулся к Павии, но в декабре 1523 года в Генуе уже высадились испанские войска, и в Италии началась страшная неразбериха, поскольку политически активное население металось между профранцузской и прогабсбургской фракциями.

В такой обстановке Лойола возвращался на родину. Он шел в Геную. Путь его несколько раз пересекал линию фронта. Кругом попадались разоренные сгоревшие дома и многочисленные патрули, видевшие шпиона в каждом прохожем.

Деньги, подаренные венецианским благодетелем, Иньиго потратил почти сразу, и вовсе не на путевые расходы. Проходя через Феррару, он посетил церковь. И когда совершал «благоговейное поклонение, один нищий попросил у него милостыню».

После этого нищего к Лойоле выстроилась целая очередь нуждающихся. Его одежда уж точно не могла ассоциироваться с богатством. Вероятно, людей привлек свет в глазах паломника, на который обратила внимание Исабель Росер, а возможно, видя, как легко незнакомец расстаётся с деньгами, все побирušки округи поспешили урвать свою долю удачи. Так и видится странная картина: под церковными сводами один оборванец раздаёт деньги другим. Когда кончилась мелочь, в ход пошли деньги покрупнее — а нищие все подходили и подходили, пока не забрали все до последней монеты. Неизвестно, что в этот мо-

мент чувствовал Иньиго. Вспоминая его прежние метания, описанные в «Автобиографии», можно предположить: он снова пытался вылечиться от недостатка веры и лишит себя последней, совсем небольшой, материальной опоры, дабы полностью оказаться в руках Божиих.

Так и произошло. Лойола добрался до Испании практически чудом.

После Феррары он направился в Геную, одну из горячих точек военного конфликта. По пути ему посчастливилось встретить испанских солдат. Они обрадовались соотечественнику и накормили его. Удивлению их не было предела, когда они поняли, каким путем он следовал. А шел он столбовой дорогой, пролегающей как раз по линии фронта между французскими и императорскими войсками. Пройти там не смог бы никто.

Иньиго же этот факт вовсе не поразил. И когда испанцы настоятельно посоветовали ему перейти на другую, более кружную и более безопасную дорогу, он не внял их просьбам.

Так же спокойно, будто в самом деле имел шапку-невидимку, он двинулся дальше и не встретил никого в течение дня. К вечеру скитальцу захотелось есть, но деревня, до которой он дошел, оказалась сожженной. Тогда он пошел искать людей и уже на закате достиг еще одного села, занятого императорскими войсками. Тут уж принадлежность к Испании ему не помогла, его схватили как шпиона, раздели и тщательно обыскали. Лойола же, вместо того чтобы пытаться спастись, начал представлять себе взятие Иисуса под стражу — сюжет из Страстей Господних, о которых он много размышлял в последнее

время. На все вопросы он отвечал только «ничего не знаю», чем довел солдат до бешенства. Они потащили пленника к своему капитану.

На этом месте бесстрашный баск наконец забеспокоился и подумал: неплохо бы включить свой проверенный дар убеждения и как-нибудь повлиять на этого военачальника, а то, чего доброго, еще начнут пытаться. Нужно хотя бы выказать капитану особенное почтение. Но, немного подумав, Иньиго счел подобный план искушением. Нет уж. Святые не могут хитрить и изворачиваться. Он не должен пытаться самостоятельно выбраться из переделки, а только лишь продолжать уповать на Господа.

Лойола так и сделал. Он даже не снял перед капитаном шапки и не назвал его ни «ваша милость», ни как-нибудь еще, а разговаривал так грубо, как никогда и ни с кем другим. По всем приметам, после такого хамства его должны были немедленно убить, но наглеца отпустили на все четыре стороны.

Довольно трудно представить себе офицера, кротко снесшего оскорбительное обращение от какого-то непонятого бродяги. Что же удержало капитана от расправы? Наверное, Господь и вправду хранил вверившегося Ему рыцаря, но случай этот имеет и другое, более реалистичное объяснение. Иньиго посещали видения страстей Христовых, когда он находился под стражей. Вероятно, созерцание их отобразилось на лице пленника. К тому же, будучи занят внутренними переживаниями, Лойола отвечал на вопросы с большими паузами, чем закрепил впечатление о себе как о душевнобольном.

Упрямому паломнику продолжало везти и дальше. Не успел он выйти из-под ареста, как тут же познакомился с испанцем, жившим неподалеку. Соотечественник накормил его и пустил переночевать в свой дом.

Наутро скиталец продолжил путь к знаниям. Он шел весь день, а на закате снова набрел на военный лагерь. На этот раз — французский. Тут ему снова повезло. В императорских войсках его, незнакомого испанца, подозревали в шпионаже в пользу французов. В лагере армии Франциска I не требовалось и подозрений. Иньиго говорил по-испански, стало быть, почти наверняка был врагом.

Однако все снова сложилось для нашего героя наилучшим образом. Французский капитан поинтересовался, откуда Лойола родом. Услышав о Гипускоа, вражеский офицер проникся к паломнику симпатией, поскольку сам происходил из окрестностей Байонны, что не так уж далеко от Страны Басков. В результате вместо допросов и пыток Иньиго получил превосходный ужин.

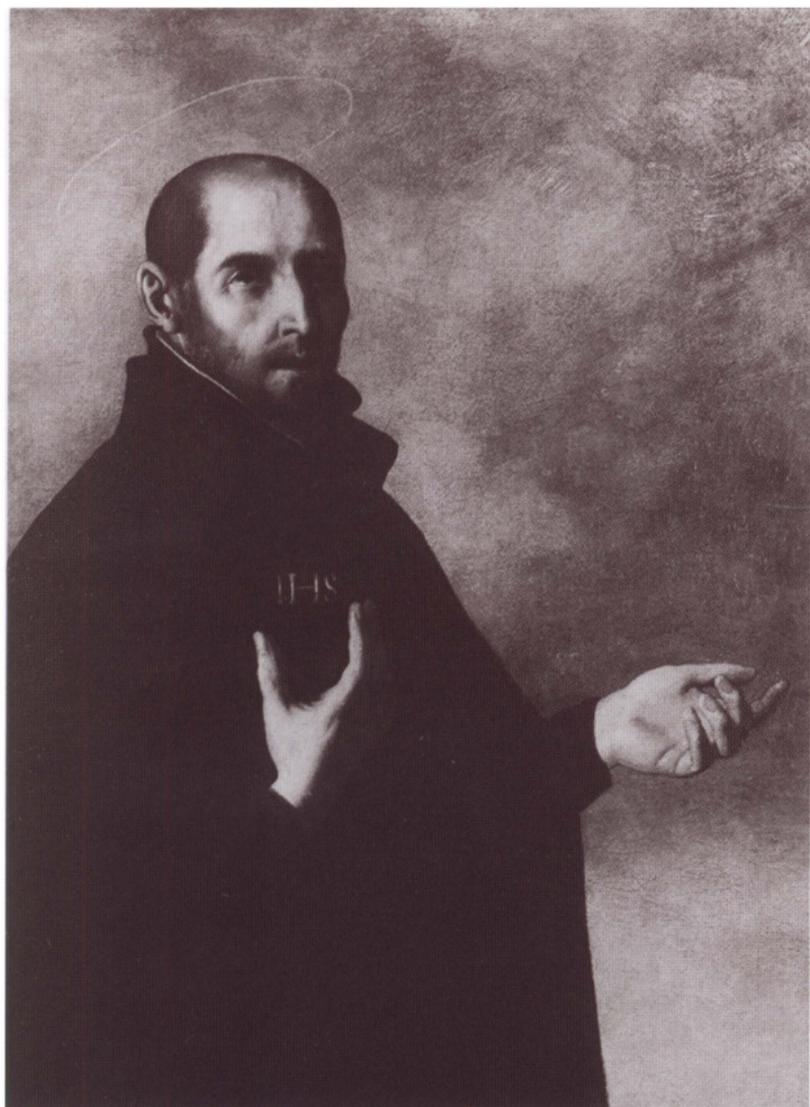
Апогея его везение достигло в Генуе, где среди военной неразберихи он встретил генерала Родриго Портуондо, с которым когда-то вместе служил при кастильском дворе. Давний знакомец в Генуе занимался как раз тем, что и требовалось Лойоле, — испанскими кораблями, а точнее, их охраной. Он легко устроил бывшему сослуживцу бесплатный проезд до Барселоны.

Казалось, ничто уже не могло помешать возвращению беспокойного паломника на родину, но на пути к знаниям неожиданно встал леген-

дарный Андреа Дориа, начавший преследовать корабль, на котором плыл Лойола. Адмирал, кондотьер* и одна из славнейших фигур в истории Генуэзской республики, стяжавший титул *Liberator et Pater Patriae* (Освободитель и отец Отечества), он с 1522 по 1525 год служил французскому королю. В период Итальянских войн Генуя постоянно переходила из рук в руки, а ее военные часто вербовались в армию к тому или иному государю по контракту. Дориа поступил на службу к Франциску I в 1522 году, как раз когда Генуэзские земли вошли в состав Священной Римской империи. Этот факт никого не смущал. Кондотьер храбро сражался с императорскими войсками, освободив от них Марсель, а несколькими годами позднее, когда закончился срок французского контракта, — перешел на службу к своему бывшему врагу — императору Карлу.

Андреа Дориа начинал свою военную карьеру на суше, а в море вышел, когда его возраст уже приближался к сорока годам. Водное про-

* Кондотьер (от ит. *condotta* — договор о найме на военную службу). Кондотьерами в Италии XIV—XVI веков называли военачальников, заключивших контракт с городом-коммуной или с монархом. Кондотьер сам набирал себе отряд и заключал договоры (кондотты) на проведение военных операций. Потом получал деньги и расплачивался со своими наемниками. Плата по-итальянски *soldo*, отсюда (а также от латинского варианта *soldus, solidus*) произошло слово «солдат». Будучи людьми отчаянными, кондотьеры нередко превышали свои полномочия, захватывая власть в городах. После получения платы, особенно если она оказывалась недостаточной, наемники часто переходили на сторону противника и шантажировали бывших работодателей.

Ignacio

Герб рода Лойола,
размещенный
над входом
в отчий дом
Игнатия

Рождение
Игнатия Лойолы
в 1491 году.
Гравюра П. Рубенса

Дом, в котором родился И. Лойола

Дом Энпаран и монастырь францисканцев в Аспейтии

Игнатий Лойола
в доспехах

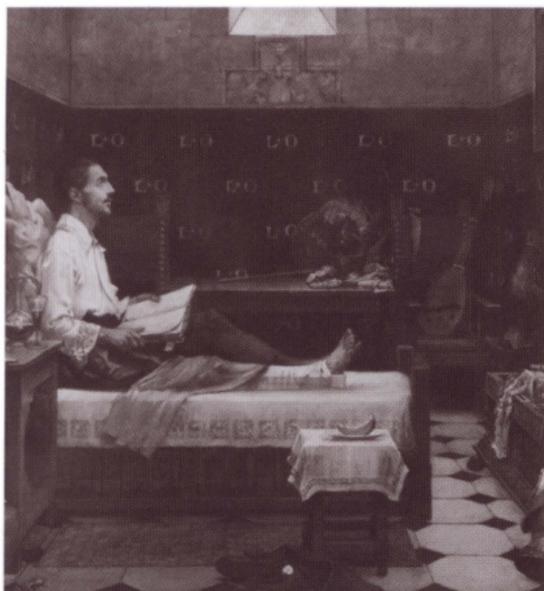
Крепостные стены
Памплоны

Ранение Игнатия
в битве
при Памплоне
20 мая 1521 года.
Гравюра П. Рубенса

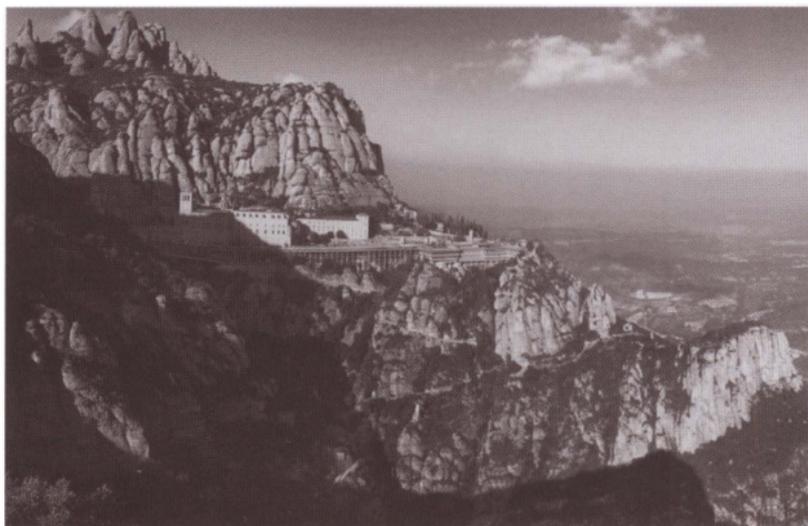

Выздоровливающий
Игнатий
за чтением духовной
литературы.
А. Ш. Тайлер. 1904 г.

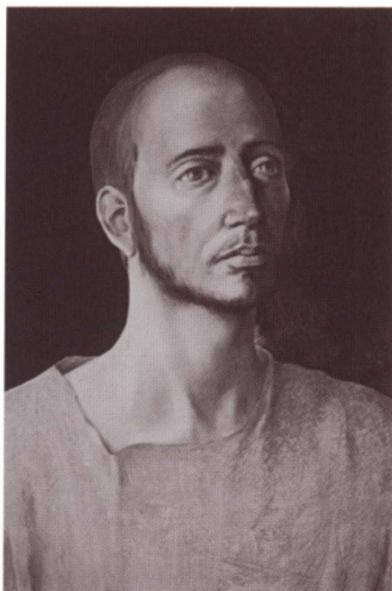
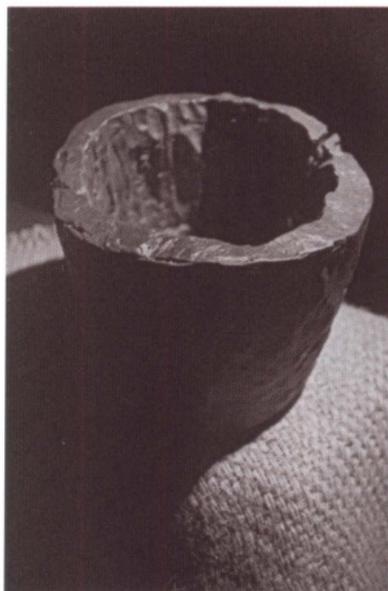

Статуя
Черной Мадонны
в Монсеррате,
у подножия
которой Лойола
оставил свой меч

Вид на гору
Монсеррат

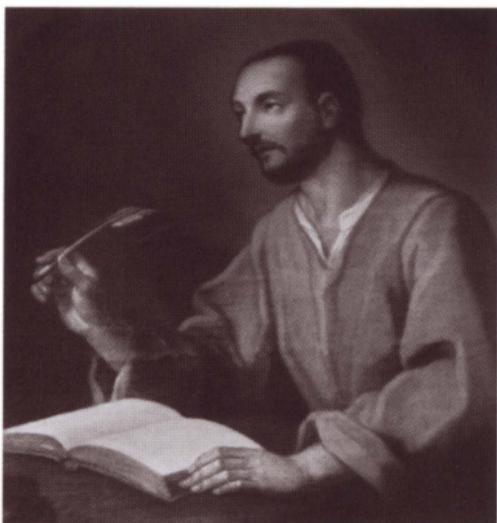

Сосуд для еды,
который использовал
Игнатий.
*Музей иезуитов
в Манресе*

Игнатий в Манресе.
М. Гудьол. 1991 г.

Часовня в пещере,
где Лойола провел
около года. *Манреса*

Игнатий записывает
«Духовные
упражнения»
в Манресе

Иерусалим.
Гравюра С. Мюнстера.
1550 г.

Римский папа
Адриан VI

Беседы Игнатия Лойолы в Алькале в 1526 году. *Барельеф*

Здание университета в Алькале

Игнатий Лойола беседует в Саламанке с монахами-доминиканцами о «Духовных упражнениях». *Барельеф*

Уголок XVI века в Старой Саламанке

Игнатий Лойола
и Франциск Ксаверий
в Парижском
университете

Собрание докторов
Парижского
университета. XV в.

Диего Лайнес

Альфонс Сальмерон

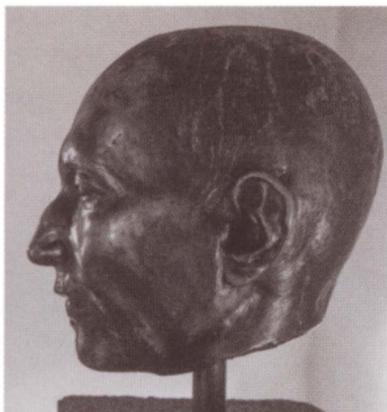
Пьер Фавр

Игнатий Лойола
вручает папе Павлу III
устав ордена иезуитов

Алтарь, посвященный
святому Игнатию,
где хранится меч,
который он оставил
у подножия статуи
Черной Мадонны.
Барселона.
Церковь Святейшего
Сердца Иисуса

Обувь
святого Игнатия.
Рим.
Церковь Иль-Джезу

Бронзовая отливка
головой святого
Игнатия, сделанная
на основе его
посмертной маски

Статуя
святого Игнатия.
Рим.
Церковь Иль-Джезу

Святой Игнатий и его сподвижники.
Х. Мартинес Монтаньес. 1620 г.

странство неожиданно оказалось его стихией, и к нему быстро пришла слава военно-морского командующего — талантливого, дерзкого и удачливого. Большинство задуманных им операций увенчалось успехом. Поэтому пассажиры испанского корабля, который он начал преследовать, наверное, попрощались с жизнью и свободой не один раз. В «Автобиографии» Лойолы отображен ужас перед непобедимым кондотьером.

«... <паломник> подвергся страшной опасности, ибо их чуть не захватил Андреа Дориа, который гнался за ними, будучи тогда на стороне французов».

Но необычайное везение, а скорее всего, и вправду Промысел Божий сохранил Лойолу и здесь. Отчаянный паломник вернулся к родным берегам.

Глава тринадцатая

ПОЖИЛОЙ ПЕРВОКЛАССНИК

Итак, опасности счастливо избегнуты, наш герой побывал в Святой земле. Как он сам расценивал свое паломничество? Как ступень к достижению цели или как ошибку, отбросившую его к началу пути?

Конечно же, второй вариант не мог прийти ему в голову: посещение Гроба Господня уже само по себе являло для верующего великую ценность. Тем более что на протяжении всего путешествия он полностью вверял себя в руки Божии. Стало быть, все шло сообразно его планам, оста-

валось только преодолеть недостаток образования. Вот только где это лучше сделать?

Мысли о монастыре посещали Лойолу еще в родовом замке. Лежа с ногами, закрепленными на растяжках, он думал о том, чтобы поступить в картезианскую обитель Санта-Мария-де-лас-Куэвас. Однако идея стать монахом оказалась отвергнутой. Мы не знаем, что больше испугало тогда Иньиго. Может быть, неготовность к послушанию — ведь он стремился совершать покаяние своим личным способом, а церковное начальство, скорее всего, не одобрило бы подобной самостоятельности. Или же его страшила вероятность раскрыть свое инкогнито. В этом случае Лойолу, как представителя одного из самых влиятельных в той местности кланов, наверняка бы окружили повышенным вниманием, а он знал за собой грех тщеславия и боялся не справиться с ним. По поводу борьбы с тщеславием в «Автобиографии» есть еще фрагмент, относящийся к манресскому периоду: «...и тут ему в голову пришла мысль, внушавшая ему, что он — праведник. <Эта мысль> так донимала его, что он был занят лишь одним: отгонял ее и выявлял свои грехи. Она терзала его пуще <самой> лихорадки, но одолеть ее он не мог, как сильно ни старался. Однако, несколько оправившись от лихорадки и уже не будучи при последнем издыхании, он, обращаясь к неким сеньорам, пришедшим навестить его, попросил, чтобы ради любви к Богу в следующий раз, когда они увидят его на пороге смерти, они закричали во весь голос, называя его грешником, дабы вспомнились оскорбления, нанесенные им Богу».

Правда, после паломничества Лойола гораздо меньше занимался самокопанием, переключившись более на практическую деятельность. Поэтому монастырское затворничество снова показалось ему неправильным решением.

Орденские исследователи полагают, что именно тогда он впервые ощутил ясный призыв к священству. Это был единственно верный шаг в достижении цели. Священник — не монах, он должен общаться с миром. А если бы Лойола вовсе не примкнул к духовенству, то он мог бы претендовать в лучшем случае на пожизненную роль городского сумасшедшего. В худшем — его обвинили бы в ереси и начали преследовать.

С этим внутренним посылом Иньиго направился в Барселону. Он намеревался воспользоваться плодами своей повышенной общительности. Как мы помним, в прошлый свой визит Лойола завязал в этом городе множество полезных связей. Барселонские друзья вспомнили паломника и с радостью согласились помочь ему. А ему действительно требовались деньги. Как бы ни желал он сам оставаться смиренным нищим ради Христа, учеба в школе плохо совмещалась с подобным образом жизни. Мало кто из родителей согласился бы, чтобы их дети занимались вместе с грязным оборванцем, пусть даже и святым. Да и время следовало тратить не на сбор подаяния, а на штурм золотой латыни. На помощь пришли богатые дамы. Исабель Росер предложила взять на себя все расходы за время обучения, а Инес Паскуаль, испытанный друг, открыла страннику двери своего дома.

Нашелся и достойный учитель — бакалавр

Херонимо Ардёволь. Следует отметить, поначалу Иньиго колебался, учиться ли ему в Барселоне или отправиться в Манресу, где на него снизошло божественное озарение. К тому же за время пребывания в городке на реке Карденер он успел подружиться с одним из монахов монастыря Святого Павла. Лойола очень ценил своего манресского друга и рассчитывал на его познания и педагогический талант. В самом деле, индивидуальная работа с глазу на глаз принесла бы больше пользы, да, наверное, пошла бы быстрее и безболезненнее для самолюбия, чем занятия в одном классе с подростками. Но увы, за время странствий Иньиго его друг-монах умер. Пришлось возвращаться в Барселону, принимать помощь от сеньор, упомянутых выше, и становиться учеником Ардёволя.

Бакалавр искусств Херонимо Ардёволь приехал в Барселону из маленького городка Ла-Фатарелья в провинции Таррагона и преподавал латынь в барселонских высших школах (*escuelas mayores*). Эти учебные заведения возникли путем слияния городских и соборных школ. В Барселоне не было университета, хотя имелось разрешение на его открытие от короля и папы, датированное аж 1450 годом. Университет открыть не получилось, но несмотря на это, в городе тщательно следили за образованием, причем упор делался на новые гуманистические тенденции. Специальными постановлениями определялось, по каким учебникам должна преподаваться латынь и какие конкретно тексты прочитают дети под строгим руководством учителей. Подробно разбирались произведения античных авторов:

«Энеида» Вергилия, «Притчи» Сенеки, антология *Disticha moralia* Дионисия Катона и многие другие.

Почтенный средневековый учебник Александра из Вильдьё (*Doctrinale Puerorum*), по которому уже три века осваивали грамматическую премудрость школяры остальной Европы, барселонцы дополнили гораздо более подробным «Введением в латинскую грамматику» Антонио Небрихи, изданным в местной типографии.

Преподаватель Лойолы считался весьма сведущим латинистом и высоко ценился среди своих коллег. В 1525/26 учебном году он возглавлял кафедру латыни и получал очень неплохое жалованье в 40 каталонских фунтов. Иньиго снова крупно повезло: ему достался один из лучших педагогов города. Оставалось только соответствовать этому везению, что оказалось совсем непросто.

Разумеется, Лойола не являлся круглым невеждой. Он умел читать и писать, имел превосходный почерк, но вот грамотностью совсем не отличался. Даже гораздо более поздние документы, вышедшие из-под пера святого Игнатия, отличаются специфическими оборотами речи, пропусками артиклей, длинными цепочками инфинитивов. Встречаются и прочие нелады с грамматикой.

Не стоит забывать: Иньиго родился баском, в доме его говорили на баскском языке, с детства его воспитывала баскская кормилица. Служа пажом при особе старшего казначея, Хуана Веласкеса де Куэльяра, он превосходно научился говорить по-кастильски и держать себя в самом

высоком обществе, но в школьной премудрости остался совершенным новичком. Поэтому первые уроки бакалавра Ардёволя превратились для него в сущее наказание. При этом никаких побряжек себе он не желал. Он просил, даже требовал от своего учителя, чтобы тот обращался со своим великовозрастным учеником так же, как с любимым другом. То есть если тот проявит рассеянность, будет лениться или нарушит школьную дисциплину, пусть бакалавр Херонимо Ардёволь его примерно высечет, не смущаясь положением нового воспитанника.

Собственно, сечь было за что. При всем своем фанатичном рвении Иньиго не особенно хорошо учился. Когда требовалось сконцентрироваться на выполнении заданий или запоминании правил и новых слов, на него находило «духовное просветление». Думать он в подобные моменты мог о чем угодно, о вещах самых возвышенных и глубоких, только не об учебе. Вспомнив свой манресский опыт различения духов, Лойола пришел к выводу: «просветления» эти не могут исходить от Бога, ведь Господь явно показал Иньиго важность учебы. Стало быть, имеет место искушение.

Зная, как трудно бороться с бесами в одиночку, новоиспеченный школяр пошел за помощью к своему учителю. Тот жил совсем рядом с церковью Санта-Мария-дель-Мар. Туда Лойола и пригласил его для беседы. Объяснив проблему, он прямо на церковной скамье, перед распятием, дал торжественное обещание никогда больше не отвлекаться, «...слушая Вас, все эти два года, куда в Барселоне у меня есть хлеб и вода, которыми я могу обойтись».

Средство оказалось достаточно сильным. Иньиго перестал страдать несвоевременными «просветлениями».

Правда, другие школьные трудности оставались. Малолетние одноклассники относились к странному взрослому человеку за партой без всякого уважения, да и самому Иньиго было сложно, а порою и обидно, когда обычные мальчишки справлялись с переводами лучше его.

Мы не можем сказать точно, занимался ли Лойола с учителем индивидуально — или только в рамках учебного дня. Известно одно: программу он усвоил, несмотря на возраст, и смог подготовиться к поступлению в университет.

Возможно, именно тогда Иньиго, глядя на Ардёволя и его коллег, осознал, какую огромную роль играет школьный учитель в жизни подростка. И задумался об ином применении этой роли. Уча детей латыни и математике, можно было незаметно преподать куда более важный урок их юным душам. Научить их благоговению перед Господом, Творцом всего сущего.

Думал ли в то время Лойола, что ему будет суждено встать во главе ордена, чьи коллежи* и школы прославятся на весь мир?

* Слово «коллеж» восходит к латинскому слову *collegium*, коллегия. Современный принятый в русском языке вариант «колледж» представляет собой английское заимствование из латыни. Название исторически применяется к некоторым учреждениям, не являющимся средней школой (например, Коллеж де Франс). В Средние века университеты делились на коллегии, а также существовали «полные» (дававшие образование, близкое к университетскому) и «малые» коллегии, всего их было порядка трехсот.

В Барселоне Иньиго чувствовал себя много лучше, чем прежде: унялись желудочные боли, наконец восстановилось здоровье. Он больше не страдал от холода и голода, не было и речи о том, чтобы носить грубую одежду из мешковины и ходить босиком — школяру, ученику Ардёволя, полагалось выглядеть прилично и опрятно. Кроме того, взрослый человек за школьной партией — это уже было достаточно маргинально, так что перегибать палку ни в коем случае не стоило.

Через некоторое время Лойоле показалось, что жизнь его чрезмерно комфортна. Он захотел снова заняться аскезой. Вот только как сделать это незаметно, не нарушив правил приличия и запретов врачей? Предприимчивый баск нашел выход. Он проковырял подошву башмака и ходил с образовавшейся дырой, хоть немного, но босиком. Затем, осмелев, поступил так же с другим башмаком. К зиме подошвы совсем развалились и отпали. Фактически то, что носил Лойола, уже не являлось обувью. Но сверху эти несчастные башмаки все еще производили некоторое впечатление, и наш герой продолжал ходить в них в школу, которую посещал с прежним усердием.

За воротами учебного заведения Иньиго тоже не терял времени напрасно. Он продолжал заниматься делами милосердия. Навещал больных в госпитале, помогал, насколько мог, нищим и обездоленным. Пробовал он себя и в главном деле — просвещении душ. Именно в Барселоне Иньиго впервые опробовал на избранной публике свои духовные упражнения. Результат превзо-

шел все ожидания: те, кто лишь поверхностно интересовался занятым подвижником, вскоре стали его горячими приверженцами.

Лойола превратился в весьма популярную фигуру, у него появился круг поклонников, особенно поклонниц. Благородные дамы, цвет каталонской знати, живо интересовались святым проповедником, охотно слушали его пояснения и проповеди, активно занимались благотворительностью под его руководством и с его подачи. Прекрасная репутация, строгость жизни, твердость принципов, а также пережитый трудный поход в Святую землю создавали ореол притягательности. Вокруг невысокого, немолодого по меркам XVI века и не особенно красивого мужчины собиралось самое изысканное женское общество. Среди них были жена старшего командора ордена Святого Иакова и воспитателя короля Филиппа II; дочь старшего казначея Каталонии Мигеля Хуана Гральи; племянница архидиакона Луиса Деспла. Да и сама Исабель Феррер, по мужу Росер, спонсирующая образование Иньиго, состояла в родстве с двумя представителями королевского двора — Хуаном Феррером и Мигелем Маем.

Впоследствии, уже став священником и приняв имя Игнатий, он продолжал переписываться с некоторыми из барселонских дам.

Но не только женские сердца покорились проповеднику. В Барселоне Иньиго нашел своих первых последователей: Каликсто де Са, Хуана де Артеагу и Лопе де Касереса. По словам его секретаря Поланко, «...там он впервые почувствовал желание объединиться с другими людьми, чтобы воплощать возникший у него тогда замысел ис-

правлять изъяны в служении Богу, которые он замечал, и стать провозвестниками Иисуса Христа». Именно тогда Иньиго задумался об ордене.

Мысли эти кажутся весьма неожиданными для Лойолы, ведь еще совсем недавно он наотрез отказался от спутника, собираясь в любых ситуациях уповать лишь на волю Господа. Вероятно, тогда он нуждался в полном одиночестве для лучшего осознания себя и своего выбора. Но будучи не созерцателем, а практиком, к тому же весьма энергичным, Иньиго довольно скоро ощутил нужду в помощниках.

Ведь и святые, которым он подражал, — Франциск и Доминик — тоже пришли к основанию монашеских орденов, разделив труд между братьями. К тому же самому призывал и Христос словами Евангелия: «Вот жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою».

Поняв, что Бог проявляется в людях, Иньиго решил довериться другим. Каликсто, Хуан и Лопе пришли к Лойоле как делатели жатвы. Не случайные помощники на трудном пути пилигрима, не далекий друг, возносящий за тебя молитвы и ожидающий твоих писем, но сотрудники, единомышленники, солдаты из его отряда — вот кем они стали, пусть на короткий срок. Вместе с ним они ухаживали за больными в госпитале, вместе с ним молились и вели душеспасительные беседы, просвещая горожан.

Так продолжалось около двух лет. По истечении этого времени Ардёволь, уже ставший магистром, объявил ученику об окончании курса. Он счел Лойолу готовым к поступлению в универ-

ситет и посоветовал ему отправиться в Алькалу, чтобы там заняться свободными искусствами и философией. Дотошного Иньиго похвалы учителя не удовлетворили, он потребовал провести настоящий экзамен с привлечением независимых экспертов. Позвали доктора теологии, который подтвердил мнение Херонимо Ардёволя и согласился с его советом насчет Алькалы. Тогда Лойола с чистым сердцем отправился завершать свое образование в Алькальском университете. Ему пришлось уходить тайком, иначе бы за ним увязались многочисленные поклонники и поклонницы. Трех верных последователей он тоже решил пока не брать с собой, хотя связь с ними у него осталась. В июле 1526 года* «бедный паломник», как он сам себя называл в письмах к Инес Паскуаль, покинул гостеприимную Барселону.

Глава четырнадцатая

АИСТЫ, СВЯТЫЕ ДЕТИ И СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Барселону и Алькалу разделяет 478 километров. Иньиго преодолел их пешком. На этот раз долгий путь не показался ему невыносимо утомительным. Во-первых, он шел летом, в достаточно неплохих погодных условиях. Во-вторых,

* По поводу сроков пребывания Лойолы в Алькале имеются разночтения. По словам Кандидо де Далмасеса, «возможно, он прибыл в Алькала-де-Энарес в марте 1526 г. и оставался там, самое позднее, до июня 1527 г. Но вполне возможно и то, что его пребывание там было двумя-тремя месяцами короче».

живя в Барселоне, «бедный паломник» приобрел хорошую физическую форму. Желудочная хворь на время оставила его в покое, он ежедневно помногу ходил, посещая монастыри, многочисленных друзей и знакомых, а также ухаживая за больными. Да и настроение он имел куда более оптимистичное, чем двумя годами раньше. Еще бы! Его рекомендовали в один из самых прославленных университетов Испании — в Алькала-де-Энарес.

На этом месте люди жили с незапамятных времен. Археологам удалось обнаружить следы человеческой деятельности времен неолита и более поздние кельтские поселения. В I веке до Рождества Христова сюда пришли римляне, основавшие город под названием Комплутум. После падения Римской империи латинское слово прижилось в уменьшительном «народном» названии Алькалы — Комплутенция.

Город славился огромным количеством аистов и необычными святыми покровителями. Его охраняли в небесах два маленьких мальчика — святые Пастор и Хусто, в честь которых построили собор Святых детей — главную церковь Алькалы. Когда-то, более тысячи лет назад, в 306 году, их замучили на этом месте за исповедание христианства. Сей жестокий поступок был совершен по приказу безбожного императора Диоклетиана.

Во времена Лойолы алькальскую церковь Святых детей знали во всей Испании. В ее часовне крестили инфанту Каталину, позже английскую королеву, которую когда-то юный Иньиго называл дамой сердца (по крайней мере вполне

мог называть). Город получил имя Алькала со времен мавританского завоевания, когда мавры возвели высокую башню (*al-qalat*) на холме рядом со старинным Комплутумом. Произошла Реконкиста, мусульманских завоевателей разбили и земли вернули, но название прижилось. А поскольку в Испании к тому времени башен было выстроено множество и при каждой пятой из них был свой городок по имени Алькала (город-башня), то место гибели святых детей именовали Алькала-де-Энарес, по названию протекающей там реки.

Славу Алькала-де-Энарес принесли вовсе не церковь и не инфанта Каталина, а мощный научный центр. Там проживали прославленные ученые мужи, туда сходилась цвет испанского юношества, желающего посвятить себя наукам. Мудрый и неутомимый кардинал Франсиско Хименес де Сиснерос, украшение и оплот испанской церкви, самолично повелел устроить в Алькале университет и немало поспособствовал тому, чтобы в город съехались достойнейшие из достойных профессоров. Сам Антонио Небриха, по чьему учебнику учился Лойола, также работал в Алькале. И наконец, именно здесь вышло в свет первое издание Библии в виде полиглотты — знаменитая Комплютенская Полиглотта (*Biblia Polyglotta Complutense*)*. Произошло это истори-

* Полиглотта (от греч. πολύ — много и γλώττα — язык) — издание Библии, включающее в себя текст на основном языке и его параллельный перевод на несколько языков. Рукописные полиглотты существовали с первых веков христианства. С появлением книгопечатания их начали издавать в виде огромных томов с тек-

ческое событие при поддержке того же кардинала Хименеса. Церковный иерарх лично следил за работой составителей, вникая в тонкости. К сожалению, ему не довелось увидеть плоды своих трудов. Кардинал умер в 1517 году, за пять лет до издания книги. Комплютенская Полиглотта стала крупным научным событием своего времени. Она соединила в себе важнейшие для Священного Писания языки — еврейский, арамейский, греческий и латынь. Книгу также снабдили словарями — греко-латинским, еврейским, арамейским — и еврейской грамматикой; на полях еврейского и арамейского текстов были помещены корни слов. Латинский текст Ветхого Завета напечатали в центре, а по бокам — греческий и еврейский, подобно разбойникам, распятым по правую и левую руку Христа. Для того чтобы наилучшим образом отредактировать греческие тексты, был приглашен грек-филолог с Кипра.

Фундаментальный научный труд вышел в шести томах количеством 600 экземпляров — тираж для начала XVI века весьма изрядный. Большую часть отправили в Италию, дабы разослать по монастырям с учебной целью. Решение оказалось неудачным — корабль потерпел крушение, книги погибли. Несмотря на потери, оставшегося количества хватило на то, чтобы Комплютенская Полиглотта стала образцом для последующих многоязычных библейских изданий. До

стами на десяти—двенадцати языках, справочным аппаратом, словарями и списком разночтений. В наши дни полиглотты также издаются библейскими обществами для учебных целей или для сохранения малых и исчезающих языков.

наших дней дошло 97 экземпляров этого примечательного труда.

Маленький городок близ Мадрида Алькала-де-Энарес оказался причастным и к другим историческим и культурным событиям, например к открытию Америки. В начале 1486 года именно здесь произошла встреча Христофора Колумба с царственной четой — Изабеллой и Фердинандом, завершившаяся поддержкой его экспедиции. В Алькальском университете учились Лопе де Вега, Кеведо, Кальдерон и Тирсо де Молина. Из этого города родом и самый известный испанский писатель — Мигель де Сервантес Сааведра. По легенде, наш герой послужил прообразом его знаменитого Дон Кихота.

Версия эта не лишена правдоподобия. Лойола, учившийся в Алькале за 20 лет до рождения Сервантеса, оставил о себе яркие и противоречивые воспоминания. Будучи ребенком, великий писатель наверняка слышал множество баек о будущем святом (Игнатия канонизировали лишь в 1622 году, уже после смерти Сервантеса). Образ пылкого и чудаковатого рыцаря Господня, каким являлся тогда Лойола, вполне созвучен «хитроумному идальго».

Но до создания знаменитого романа, а тем более до канонизации Лойолы было еще очень далеко. А пока никому не известный «бедный паломник», прихрамывая, брел по алькальским улочкам, оглядываясь на бесчисленные гнезда аистов, свитые буквально на каждой крыше. В городе чувствовался студенческий дух. Коллегии стояли чуть ли не на каждой улице, повсюду встречались продавцы книг, типографы, кли-

рики. Спорящие юноши, горящие взоры, пиво и, конечно, латынь — язык науки. Теперь Лойола тоже понимал его без труда.

Несмотря на рекомендации магистра Ардёволя, нашего героя в Алькале никто не ждал. Первые дни по прибытии он спал где придется и жил милостыней. У него имелись деньги от Исабель Росер, но они предназначались строго на учебу.

На десятый или двенадцатый день, как написано в «Автобиографии», судьба опять пошла ему навстречу. Некий клирик и с ним его друзья при виде здорового сильного мужчины, который тянет руку за подаванием, стали жестоко издеваться над ним. Лойола уже давно научился безропотно терпеть обидные выходки в свой адрес, но один житель Алькалы, на глазах которого разгорелась травля, не выдержал. От досады на позорное поведение сограждан по отношению к безобидному пришельцу или из человеколюбия, но он подозвал бродягу и увел его с собой.

Иньиго и опомниться не успел, как все его проблемы решились наилучшим образом: благородный житель Алькалы оказался управляющим госпиталем Милосердия Богородицы или, как еще называли это заведение, «новым» госпиталем Антесаны. Аристократы из рода Антесана пожертвовали свой дом на богоугодное дело. Их стараниями в 1483 году на главной улице города, называемой Майор, открылись странноприимный дом и больница. Небольшое двухэтажное строение старинного «нового» госпиталя сохранилось до наших дней, туда водят экскурсии.

На некоторое время госпиталь Антесаны стал домом для Иньиго, и он, от всей души обрадо-

вавшись такому обороту дела, с охотой трудился там в качестве медбрата, а если требовалось, не гнушался работой на кухне. Приступив к университетским занятиям, Лойола быстро нашел себе друзей среди студенчества и священства. Через некоторое время к нему приехали прежние соратники из Барселоны. Он тут же поселил их у одного из новых своих знакомых, священника дона Диего де Эгия. Этот святой отец стал алькальским духовником Лойолы. Если точнее, то трое молодых барселонцев нашли приют не у донна Диего, а у его брата, Мигеля. Помимо своей доброты, Мигель де Эгия был замечателен и тем, что принадлежал к числу славных и уважаемых печатников. Именно в его типографии издали известный труд Эразма Роттердамского «Оружие христианского воина» в переводе на испанский язык.

Следует упомянуть об общем умонастроении образованной части Европы тех лет. Практически во всех ученых кружках говорили о назревшей реформе Церкви, о возрождении благочестия и моральном облике духовенства. Еще не забылись великосветские развлечения папы Льва X, более подобающие земному властителю, чем главе Святого престола. А главное, повсюду поднимались ростки протестантизма, угрожая снести старый привычный миропорядок.

В студенческих кругах эти актуальные темы обсуждались особенно остро, и наибольшим авторитетом студенчества пользовался Дезидерий Эразм Роттердамский, философ, блестяще образованный гуманист, собеседник королей и самый свободный человек того времени.

Переписываться с ним почитали за высокую честь для себя самые знатные фамилии Европы, а папа Юлий II лично разрешил ему вести образ жизни и одеваться в такую одежду, какие приняты в странах, где Эразм будет пребывать, несмотря на то что Эразм был монахом. Ни один ученый муж до Эразма при жизни не пользовался такой удивительной популярностью и почтением. Его богословские трактаты, сатирические памфлеты и ученые штудии вызывали живейший интерес, их обсуждали в самых разных городах, переводили на национальные языки. Обожали его труды и в доме Исабель Росер, благодетельницы Лойолы.

По словам свидетелей, еще в Барселоне друзья весьма рекомендовали Иньиго «Оружие христианского воина», решив, что по духу оно окажется близким суровому проповеднику. В самом деле, многие положения этой книги как будто повторяли слова и мысли Лойолы, но на ином, более глубоком уровне. Это как раз неудивительно: слишком велика разница между профессором богословия Кембриджского университета и бывшим солдатом, едва освоившим латынь, а всю свою богословскую мудрость почерпнувшим из опыта паломнической жизни, откровений и нескольких прочитанных житий. Интересно другое: едва начав читать книгу Эразма, Иньиго быстро и решительно отложил ее. Объяснил он свое отторжение просто: этот опус охлаждает его набожность. То есть при своей тогдашней необразованности Лойола смог различить враждебную ему гуманистическую философию с первых строк, несмотря на некоторую общность свою с

Эразмом. Это поступок наглядно показывает его характер, самобытный и крайне упрямый. Поставить своей целью восполнение пробелов в образовании — и отказаться прочитать текст того, к кому самые передовые люди относились с большим воодушевлением! Даже архиепископ Толедо, дон Альфонсо де Фонсека, в те годы считался открытым сторонником гуманистического движения.

Да, Лойола имел взгляды, далекие от тогдашней «актуальности». Со своими рыцарскими идеалами он выглядел в университетской среде по меньшей мере странно, и тем не менее именно среди студентов он находил самых верных последователей.

Университеты в Европе начала XVI века были совершенно уникальным местом. С самого начала своего существования они пользовались небывалой свободой, например правом на издание собственных законов, касавшихся распорядка и проведения экзаменов, приема новых членов, оплаты профессуры. Существовала и особая юрисдикция: студенты Парижского университета, например, не подлежали обычному городскому суду, а только суду ректора или прево (королевского наместника). Впрочем, студиозуса Вийона это не спасло от виселицы.

Выборность властей приводила к руководству только заведомо авторитетных людей. Обычно ученые мужи зарабатывали себе имя на диспутах, которые служили превосходной научной школой. Диспутировали открыто, любой желающий мог стать слушателем, а то и оппонентом, если, конечно, на это хватало сил и знаний. Да и пре-

подавание по большей части сводилось к диспутированию. В постоянных диспутах сходились и студенты, и преподаватели. Спорили, подкрепляя свое мнение убедительно подобранными цитатами из авторитетных источников. Культуре ведения диалога студентов обучали еще на первой ступени: частенько для тренировки целую группу заставляли аргументированно доказать некое положение, а потом полностью его оспорить. Авторитет авторитетом — но каждую высказанную мысль полагалось доказать. Согласитесь, такая картина довольно плохо вяжется с нашими представлениями о мрачном, авторитарном и косном Средневековье.

Первая ступень университетского образования составляла тривиум — грамматику, логику и риторику, включавшую в себя основы юриспруденции и делопроизводство. После освоения этого начального курса переходили к более серьезным наукам, составлявшим квадривиум, — арифметике, геометрии (включающей географию и космографию), астрономии и музыке. Последнюю изучали не как прикладное искусство владения тем или иным музыкальным инструментом, но как точную науку о гармонии звуковысотных рядов. Особо привилегированные университеты имели право добавить к тривиуму и квадривиуму изучение теологии и медицины.

С годами разные университеты приобретали собственную специализацию: Парижский университет славился кафедрой теологии, в Саламанке углубленно изучали медицину, в Оксфорде — естественные науки. Студенты сами решали,

какого лектора они будут слушать, какие занятия посещать. Если какой-нибудь известный и почитаемый профессор по тем или иным причинам менял университет, за ним перемещались и его ученики.

Университетский менталитет причудливым образом сплетался с монастырским, что неудивительно: уже много веков монастыри оставались центром культуры. Фривольные песенки любвеобильных вагантов мирно соседствовали с традицией целибата для профессуры и студенчества. Только к XVI веку обет безбрачия в ученых кругах начал отходить в прошлое.

Преподавание велось на церковном языке — латыни, поэтому студенты из самых разных стран не чувствовали никакого языкового барьера. Это создавало у молодых людей чувство особой избранности и единства.

Между тем всеобщее братство студентов, куда на тридцать шестом году своей жизни вступил Иньиго Лойола, вовсе не было собранием беззаботных молодых баловней судьбы. Студент, начинавший учиться, обрекал себя на долгие годы полунищенского существования, ведь книги и все, что необходимо для обучения, стоили довольно дорого, а учение занимало практически весь день. До окончания университета и получения вождеденной ученой степени доходили далеко не все, но тот, кто справлялся со всеми трудностями, мог больше не беспокоиться касательно своей судьбы: он обретал почет в обществе, доходную должность и право преподавания в любой католической стране.

При всем при этом роль университетов не

сводилась к утилитарной функции подготовки специалистов. Это были центры научной мысли, где активно занимались наукой (вспомним хотя бы издание Комплютенской Полиглотты), а также особые плавильные котлы культуры, где образовывались люди совершенно особого типа: грамотные, свободные, способные к самостоятельной интеллектуальной жизни.

Погрузился ли Лойола в заманчивый мир интеллектуалов? Вовсе нет. Хотя он сам отмечает, что изучал «Термины» Сото (то есть «Суммулы», или «Логикку» Доминго Сото), «Физику» Альберта (*Physicorum libri octo* Альберта Великого), а также Магистра сентенций (*Sententiarum libri IV* Петра Ломбардского), но, как показали свидетели на инквизиторских расследованиях, хромым баск и его товарищи вовсе не посещали занятий в университете. Они обучались в частном порядке под руководством преподавателя.

Как же так? Пройти пешком полтысячи километров ради тех же занятий с репетитором, что и в Барселоне? Дело в совершенно определенной конкретной задаче, которую Иньиго с самого начала ставил перед собой. Пребывание в университете было ему нужно лишь «для корочки», чтобы после окончания стать лицензированным специалистом-богословом. Занятия наукой его не интересовали, да и времени на них он не имел. С утра до вечера «бедный паломник» работал в госпитале или проповедовал на улицах.

Как он сам потом вспоминал в «Рассказе паломника о своей жизни», «...находясь в Алькале, он занимался преподаванием духовных упражнений и разъяснением христианского вероучения,

принеся тем самым <добрый> плод во славу Божию». Как же это происходило практически?

Благодаря своей харизме Лойола собирал вокруг себя толпу людей, а потом начинал доверительно говорить с ними о их духовной жизни. У каждого находились вопросы к босому человеку (Иньиго снова взялся за старое) с просветленным лицом. Логично, убедительно и деловито «бедный паломник» объяснял горожанам разницу между верой и суеверием, между озарением и искушением. Он основывался на своем опыте, делясь им с народом, и делал это по-военному четко. А главное, не только определял проблему, но и указывал путь ее решения с помощью своего «авторского курса» — «Духовных упражнений». По сравнению с «официальной» церковной проповедью, часто звучащей либо слишком назидательно, либо чрезмерно отстраненно, его беседы были глотком свежего воздуха.

Реакция людей на эти «религиозные тренинги» оказывалась самой разной. Кто-то отправлялся домой размышлять над Священным Писанием. Но многие, особенно женщины, жаждали немедленного экстаза. Лойола внимательно разбирал каждый случай в отдельности, объясняя экзальтированным особам опасность религиозного фанатизма. В «Автобиографии» упоминается одна дама, которая «захотела подвергнуть себя бичеванию, но не смогла этого сделать, словно кто-то взял ее за руку».

Занялся Иньиго и еще одним заметным видом деятельности — постоянной помощью нищим. Он находил для них, как бы сказали сейчас, богатых спонсоров. Как он сам вспоминает,

те, кто «...имел достаточно средств к существованию... помогали <паломнику> подающими, чтобы содержать нищих». Иногда пожертвования оказывались неожиданными. Например, духовник Иньиго, дон Диего, в ответ на просьбу о деньгах открыл сундук и выдал Лойоле «разноцветные покрывала, несколько подсвечников и другие подобные вещи». Все это «бедный паломник» завернул в простыню, закинул узел на спину и ушел делать добро.

Дела милосердия Лойола совершал не в одиночку. Ему помогали Каликсто де Са, Хуан де Артеага и Лопе де Касерес — те самые молодые люди, последовавшие за ним из Барселоны. В Алькале к их маленькому кружку присоединился молодой француз Хуан Рейнольд, паж вице-короля Наварры. Рейнольд познакомился с Иньиго в госпитале, куда попал после дуэли. Немного поговорив с этим странным медбратом, придворный проникся его идеями и был готов идти за ним хоть на край света.

Скоро о их обществе заговорил весь город. Популярность пришла к ним не только благодаря безусловным талантам и харизме Иньиго, но также из-за необычного внешнего вида, которого они придерживались, как униформы. Молодые люди (хотя Лойоле на те поры уже исполнилось 35 лет) носили серые доходящие до пят одеяния из самой дешевой ткани, а некоторые, по примеру руководителя, ходили босиком.

Это сейчас мы привыкли к полной свободе нашего внешнего вида и ко всякого рода флеш-модам. Да и то одежда несет в себе некий культурный код, говоря о статусе, профессии или

темпераменте человека. А тогда, в средневековом испанском городке, костюмы регламентировались крайне строго. Определенным образом одевались аристократы, по-другому — крестьяне. Монахи каждого ордена имели свою разновидность хабита. И вот появляется группа из пятерых мужчин в одинаковых серых балахонах из очень дешевой, но достаточно новой ткани. Они не похожи на нищих — те носят старое и разное — что смогли найти. Не похожи и ни на один из известных монашеских орденов. Живут апостольской жизнью, учат Священному Писанию и вере всех желающих. Кто же они?

Постепенно эмоции, кипящие вокруг Лойолы и его последователей, дошли до рискованных пределов. Сам Иньиго, очевидно, не видел в том ничего плохого. Но подобное положение дел не могло кончиться добром. Вскоре группой Лойолы заинтересовалась инквизиция.

Глава пятнадцатая

КОСТРЫ МРАЧНОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Итак, вот он, главный кошмар Средневековья — страшная и неумолимая испанская инквизиция.

Здесь мы сталкиваемся с так называемой «черной легендой». В России инквизиторскую тему привыкли воспринимать именно через эту призму. Средневековая Испания в глазах средне-статистического россиянина чаще всего ассоциируется с мракобесием, кострами, на которых заживо горят сотни тысяч человек, и тюрьмами, где

садисты в рясах денно и ночью пытаются все живое. С легкой руки Достоевского словосочетание «великий инквизитор» стало практически идиомой, символом предельного цинизма, жестокости и чуть ли не сатанинского разгула. Даже Лойола, к которому в России относятся не намного лучше, чем к инквизиторам, в одном из популярных русскоязычных текстов предстает несчастной жертвой этого ведомства: «Инквизиция схватила Лойолу и бросила его в подвал! Сначала его навел палач с большими клещами... С калек содрали одежду, нагишом запихнули в бочку с двумя отверстиями: через одно кормили, через другое он отправлял надобности»*. На самом деле инквизиторы обращались с нашим героем куда более цивилизованно.

У нас нет никакого желания подменять «черную легенду» «розовой», но все же необходимо заметить, что размах инквизиторских зверств в Испании был несколько преувеличен. В наши дни большая часть культурных и грамотных людей, содрогаясь от омерзения при слове «инквизитор», на самом деле не имеет ни малейшего понятия о том, чем конкретно занималась и что собой представляла эта структура.

Итак, кто становился жертвами кровожадных охотников за еретиками?

Нередко это были просветленные романтики, озабоченные спасением прогнившего от грехов мира. Наш герой был далеко не первым, кто решился пойти «в народ» с душеспасительными разъяснениями Священного Писания. И до него

* Роман В. Пикуля «Псы Господни».

многие люди внезапно получали твердое уверение в своей избранности и пытались учить окружающих, как очистить душу и прийти к Господу. Разумеется, этим они сеяли смуту, разрушая у людей доверие к официальной церкви и существующему миропорядку.

В 1511 году крестьянская дочь, уроженка Саламанки, известная под именем ла Беата ди Пьедрахита, уверяла, что сам Иисус Христос и Дева Мария часто беседуют с ней. Крестьянка вела святую жизнь, жила подаянием, учила окружающих — и постепенно слава о ней начала расти. В скором времени на нее донесли, и Пьедрахита предстала перед самым кардиналом Сиснеросом, тем самым иерархом, курировавшим издание Комплютенской Полиглотты. Но Сиснерос, побеседовав с женщиной и удостоверившись в чистоте ее помыслов, не принял против нее никаких мер. Более того, дело Пьедрахиты поступило на рассмотрение Римской курии, и папа Юлий II поручил нунцию вместе с епископом Бургоса провести расследование с приказом принять самые строгие меры для прекращения скандала, если всему виной окажется «женское легкомыслие». Но, очевидно, Пьедрахита сумела убедить в своей правоте даже нунция.

Тем не менее случаи бывали разные. Так, некоему мистически настроенному взыскателю истины открылось, что от него родится сын и это будет величайший пророк, который спасет человечество. По условию пророк должен был родиться от святой женщины, и мистик не задумываясь написал известной благочестием даме Хуане де ла Крус, не сомневаясь, что та будет рада

выполнить Божию волю. Монах Антонио де Пастрана, арестовавший мистика, принужден был просить у Сиснероса совета, как ему поступить с этим одержимым.

А история Джордано Бруно? Правда, он пал жертвой не испанской инквизиции, а римской, но какая разница? Его всегда вспоминают в связи с «мрачным» Средневековьем. Тут уж не подкопаться, действительно, знаменитого итальянца бесчеловечно сожгли на костре, еще и цинично обозвав это изуверство «наказанием без пролития крови».

Джордано Бруно стал символом борьбы науки с церковным мракобесием. Но вот незадача: к ученым-то он вовсе не принадлежал. Зато был поэтом, философом и, скорее всего, занимался эзотерикой. Во всяком случае, в доносах на Бруно есть много интересной информации о его воззрениях. Например, что Христос принадлежал к магам; что возмездия за грехи не существует; что души, сотворенные природой, переходят из одного живого существа в другое, а монахи позорят мир.

Навряд ли его оклеветали. Свои, мягко говоря, нехристианские идеи Джордано Бруно активно и открыто распространял, буквально проповедовал в университетах всей Европы. За что, собственно, и поплатился. Но даже такого явного врага церкви инквизиция не стремилась непременно замучить и сжечь. Поэт находился в инквизиторских тюрьмах восемь (!) лет. Все это время его убеждали отречься от еретических взглядов. При невыносимых условиях с каждодневными пытками и сырыми подвалами он бы

точно не вынес так долго. В итоге Джордано Бруно передали в руки светской власти, которая-то и совершила казнь.

Собственно, инквизиция носила функцию духовной полиции, защищая церковный правопорядок как от единоличных еретиков, так и от появления преступных группировок, то есть сект. Разумеется, ее сильно не любили в народе. А мы так ли уж любим своих полицейских?

Теперь второй вопрос: из кого состояло леденящее душу средневековое ведомство?

Как правило, инквизиторы вовсе не являлись поголовно фанатичными священниками-мракобесами. Большая их часть принадлежала к знатокам права, юристам, получившим превосходное образование. Собственно, и современные полицейские, как правило, имеют юридическое образование. И происходившие в Средние века церковные следственные процессы вовсе не превращались в разгул душегубства, а оставались в рамках права, пусть и канонического.

Документы опровергают и особо бесчеловечные условия содержания заключенных, особенно по сравнению с «бездуховными», «уголовными» преступниками. Попытки в те времена повсеместно относились к легитимным способам ведения следствия, но именно инквизиция установила жесткий регламент, кого, как и в каком случае можно было пытаться. При этом в камере обязан был находиться врач, прекращавший пытку в случае нанесения серьезного вреда здоровью допрашиваемого.

Разумеется, случались перегибы, садисты ведь встречаются во все времена, особенно во

властных структурах. К тому же средневековое общество отличалось от нашего в вопросах ценности земной человеческой жизни. Но превышение полномочий не одобрялось и всегда вызывало внутренние церковные расследования. Более того, многие подсудимые, чьи дела разбирали светский суд, нарочно возводили на себя напраслину и выкрикивали богохульства, чтобы перейти в тюрьмы инквизиции, откуда, кстати, довольно часто люди выходили на свободу. Собственно, тот же Иньиго Лойола, попав в юности в руки светского суда за озорство и хулиганство, назвал себя монахом, лишь бы оказаться в епископской тюрьме. Его сразу же разоблачили, но сам факт примечателен.

Оправдательные приговоры случались нередко, да и среди наказаний костер применялся не так уж часто. На протяжении XVI века в Испании, по документам, сожгли за ересь около пятидесяти человек. А незадокументированное тайное аутодафе представить трудно. Каждый «акт веры» всегда происходил как показательное мероприятие общегородского масштаба.

Известна история профессора Саламанкского университета Луиса де Леона (1527—1591), который попал под инквизиторский суд за самопальный перевод библейской «Песни Песней». На процессе он защищал себя сам — и сумел оправдаться! Ученый провел в застенках целых пять лет, а потом как ни в чем не бывало поднялся на университетскую кафедру со словами: «В прошлый раз мы остановились на том...»

И еще вопрос: насколько длинные руки имела испанская инквизиция? Действовала она по

преимуществу в городах, при этом четверо из пяти испанцев проживало в сельской местности. А крестьянину, как правило, мало дела до богословских умствований, он для этого слишком занят. Кроме того, зимой дороги становились малопроезжими, да и летом ни асфальта, ни автомобилей не наблюдалось. Инквизиторам ради своих путешествий приходилось прощаться с относительным комфортом города, и они всеми силами старались делать это пореже. Кроме того, настоятели деревенских приходов не очень-то жаловали городские проверки и заранее предупреждали паству, как себя вести, чтобы незваные гости поскорее убрались восвояси.

В общем, реальная работа инквизиторов мало походила на образцы из «черной легенды». Что касается дикости, то ею отличалось тогда все общество. И самой большой напастью Средневековья уж точно была не инквизиция, а отвратительная медицина и несовершенство во всем, начиная с состояния дорог и заканчивая правовой системой. Тем не менее подозрение в ереси не сулило ничего хорошего. Когда в Алькалу нагрянула проверка, народ сильно забеспокоился. И было о чем.

Всего годом раньше инквизиция занималась известной мистической сектой, называемой «алумбрадос» («озаренные» или «просветленные»). У истоков ее стояла простая женщина, белошвейка Исабель де ла Крус. Она происходила из семьи крещеных евреев, по свидетельству современников, «была как ребенок» и пережила мистический опыт наподобие святой Терезы Авильской. Ее поддерживал Педро Руис да

Алкарас, счетовод маркиза де Приего, также еврейского происхождения.

Алумбрадос играли с огнем, поскольку ставили под вопрос необходимость Церкви. Они считали человеческую душу способной достичь высочайшей степени просветления и совершенства, которая позволила бы человеку созерцать сущность Господа и постичь тайну Троицы уже на земле. Разумеется, достигшие такого уровня не нуждались в церковных таинствах, поскольку пребывали вне греха в вечном блаженном созерцании. Поступки таких людей считались, по мнению алумбрадос, заведомо безгрешными, ведь в состоянии единения с Господом грех невозможен. Таким образом, пребывая в просветленной безупречности, такие люди могли реализовывать свои любые желания, в том числе сексуальные.

Даже странно, что за такое явное кощунство их не сожгли сразу, хотя впоследствии алумбрадос все же достаточно пострадали от инквизиции, а наивная визионерка Исабель де ла Крус получила пожизненное заключение. Но вначале инквизиторы тщательно изучили их учение и составили список из сорока восьми высказываний, признанных прямой ересью, притом после каждого пункта приводился комментарий, на каком основании было вынесено то или иное суждение.

Если честно, со многими положениями алумбрадос трудно согласиться, даже не будучи христианином. Так, они объявили смертным грехом чтение книги с целью утешения. Инквизиторы-богословы сочли это высказывание «безумным, ошибочным и даже еретическим». Один из «озаренных», наблюдая, как некая горожанка внезапно

но, без видимой причины перебежала улицу, сурово заметил, что та согрешила, потому что явно выполняла свою волю, а не Божию, действуя по прихоти. Комментарий инквизиции призывает признать высказывание еретическим, поскольку «ересью было бы утверждать, что греховны все действия, которые происходят по свободной воле человека».

Именно с «озаренными» и отождествили Лойолу жители Алькалы, когда он вместе с товарищами «вышел в народ».

Как раз в это самое время два инквизитора — Мигель Карраско, каноник капитулярной церкви Сан-Хусто в этом городе, и Алонсо Мехиа, каноник собора в Толедо, должны были объехать ряд городов и выслушать показания свидетелей, которые могли бы предоставить какие-либо новые сведения в деле о еретической секте.

В середине ноября, после полугодовой командировки, охотники за алумбрадос добрались до Алькалы и сразу же заинтересовались людьми в одинаковых серых одеждах, которые сильно выделялись среди жителей Алькалы. Они проповедовали без какого бы то ни было разрешения или права, к тому же вели подчеркнуто апостольский образ жизни. Их принадлежность к студенчеству только усиливала подозрения, поскольку студенты — народ неблагонадежный. Правда, алумбрадос не занимались активной благотворительностью и не были особенно ревностны в посещении церкви, а эта группа, наоборот, часто причащалась. С точки зрения некоторых священников, даже подозрительно часто.

Инквизиторы действовали осторожно. Они

не стали отлавливать Иньиго с товарищами, а допросили управляющего госпиталем Милосердия, его жену Марию и ряд других сотрудников госпиталя, близко знающих Лойолу.

Составив себе некоторое представление о происходящем, «церковная полиция» уехала, передав дальнейшее расследование в руки епископского викария Толедо в Алькале Хуана Родригеса де Фигероа.

Фигероа вызвал к себе «бедного паломника» и сообщил: образ жизни его друзей заинтересовал инквизиторов, но расследование не обнаружило в делах молодых людей никаких ошибок, и они могут не волноваться.

Вместо того чтобы вздохнуть с облегчением, Иньиго возмущился:

«Не знаю, — говорится в «Автобиографии», — какой толк в этих расследованиях? Давеча священник не захотел преподать одному человеку Таинство, поскольку тот причащается каждые восемь дней. Теперь вот мне устроили затруднения... Мы хотим знать, учинили ли мы какую-нибудь ересь?» — «Нет, — говорит Фигероа, — ведь, если вы ее учините, вас сожгут». — «Вас тоже сожгут, — говорит паломник, — если вы учините ересь».

Фигероа настоятельно порекомендовал группе не ходить в одинаковой одежде, и это тоже не понравилось Лойоле. Можно представить себе дальнейший диалог:

— Вы можете продолжать беспрепятственно ваши встречи и разговоры. Только измените свой внешний вид.

— В каком смысле “изменить”? — не понял

Иньиго. — Ваше преподобие имеет в виду парики или, может, накладные бороды?

— Вы не являетесь монашествующими, — заметил Фигероа, — а носите одинаковую одежду. Смените ее, если не трудно.

— Хм. Если не трудно! Это трудно, я даже сказал бы, невозможно. Мы — бедные студенты, питаемся милостыней. Кто нам купит новую одежду? Может, ваше преподобие?

Викарий задумался, оглядывая их.

— А вы не покупайте. Покрасьте то, что есть. Вы и вот этот ваш Артеага, например, в черный цвет, те двое (он указал на Каликсто и Касереса) — в коричневый, а мальчик (речь шла о Хуанито, паже вице-короля Наварры) пусть останется, как есть.

С этим Лойола согласился, и вся компания отправилась красить одежду. Немного времени спустя Фигероа снова позвал Иньиго, не рекомендуя ему так демонстративно ходить босым зимой. И в этом случае «бедный паломник» предпочел повиноваться.

Гроза прошла стороной. Недоучившиеся студенты снова занялись просвещением населения Алькалы.

Теперь Иньиго не ограничивался одной лишь благотворительностью и уличными проповедями. В небольшую комнатку госпиталя приходило множество народа, часто даже группами по 12—15 человек. Из них большую часть составляли женщины. Возникали разные домыслы и подозрения, тем более что одна из постоянных посетительниц, знатная замужняя дама, всегда приходила на рассвете, завернувшись в накид-

ку, чтобы ее не узнали. В самом же госпитале она снимала плащ и сразу же следовала в комнату к Лойоле. Очевидно, ей и в голову не приходило, что она может серьезно скомпрометировать своего духовного руководителя.

Церковное начальство обеспокоилось возросшей активностью «бедного паломника» и снова вызвало следователей. Те начали допрашивать сотрудников госпиталя повторно на предмет выявления подозрительного. Такого вокруг Лойолы обнаружилось с избытком. За дверями его комнаты часто раздавались истерические крики, люди падали в обморок, с ними случались странные «духовные прозрения». Да и сама публика, толпой стекающаяся к духовному учителю, не вызывала доверия. Среди женщин попадались не только аристократки, но и особы непонятного происхождения, мягко говоря, далекие от праведности.

Из показаний одной из его учениц, Марии де ла Флор, становится ясно, что Лойола пробовал на своих посетителях духовные упражнения, устраивая людям довольно жесткий тренинг.

«Иньиго сказал, что он должен непрерывно говорить с ней в течение месяца и что в продолжение этого времени она должна исповедоваться и принимать Святое Таинство каждые восемь дней; и что сначала она будет очень радостной, не зная, откуда эта радость приходит, а всю следующую неделю она будет очень грустной, но он надеется в Господе, что она много преуспеет за эту неделю. Он сказал ей, что расскажет о трех способностях души, как он их объясняет, и о великих заслугах, которые можно приобрести во вре-

мя искушения, и о простительном грехе, и о том, как он становится смертным, и о пяти чувствах, и обо всем, что с этим связано».

Лойола свято верил в свой метод очищения души, открывшийся ему через мистический опыт в манресской пещере. Теперь, помимо педантичной схемы испытания совести, там присутствовали правила различения духов, выстраданные им на собственном опыте. Силой его веры многим, даже откровенно асоциальным личностям, действительно удавалось изменить свою жизнь к лучшему.

Все эти интересные факты инквизиторы выяснили и задокументировали. Но на этот раз никаких санкций в отношении Лойолы и его друзей не последовало. Правда, внимание «церковной полиции» сыграло свою роль. Иньиго пришлось покинуть госпиталь и поселиться в одном из частных домов Алькалы.

А вскоре — в апреле все того же 1527 года — к нему пожаловал альгвасил и предложил «пройтись ненадолго». Они прогулялись напрямиком в тюрьму. Страж порядка завел Лойолу внутрь и оставил со словами: «Не выходите отсюда, пока вам не будет другого приказа».

Будто специально, взятие под стражу произошло как раз на Страстной неделе, в самые горькие и скорбные дни года, когда Христос был заключен в темницу и потом распят. Очевидно, надзирали за «бедным паломником» не особенно строго, поскольку многочисленные ученики и ученицы стекались к нему прямо в камеру, продолжая курс духовных упражнений. Пришел и один из университетских преподавателей. По-

наблюдав за апостольской деятельностью своего достаточно нерадивого студента, профессор крайне впечатлился и потом говорил всем: «Я увидел Павла в узах!»

Среди многочисленных поклонников Лойолы нашлись такие, кто без особого труда мог бы помочь ему выйти на свободу. Например, знатная дама донья Тереса Энрикес, жена Гутьерре де Карденаса, которую называли «безумной от Таинства» (*la loca del Sacramento*) за стремление причащаться как можно чаще, «много раз предлагала ему вызволить его оттуда». Но «бедный паломник» всегда отказывался, говоря: «Тот, ради любви к Которому я сюда попал, вызволит меня, если пожелает».

Навестил арестанта и Фигероа. Он спросил у Лойолы, соблюдает ли тот день субботний. Для Иньиго это было нешуточным оскорблением. Его род испокон веков славился чистотой веры. Заподозрить его, чистокровного баска, дворянина, в том, что он крещеный еврей, втайне вернувшийся к иудаизму! Намек викария так глубоко уязвил его, что через много лет Игнатий не преминул рассказать об этом в «Автобиографии». Но приход Фигероа принес пользу. Благодаря ему наконец выяснилась причина ареста.

Оказывается, две знатные женщины, мать и дочь, преданные поклонницы Иньиго, тайно покинули Алькалу, уйдя пешком в сопровождении одной лишь служанки. Женщины предприняли паломничество, дабы поклониться плату святой Вероники и посетить святилище Пресвятой Девы Гваделупской практически на границе с Португалией.

Фигероа был уверен: отчаянные женщины отправились в безумное путешествие по наущению «бедного паломника». Лойола, однако, опроверг это предположение. Он, наоборот, отговаривал дам от излишне экстремальных решений. Мать и дочь еще раньше намеревались отправиться по дорогам Испании, посвятив жизнь попечению о нищих и больных. Иньиго резонно замечал им, что нищих и больных с лихвой хватает и в Алькале, далеко для этого ходить не надо, и у Святых Даров можно помолиться в каждой алькальской церкви. Он не без основания опасался, что для наивных слабых женщин эти походы кончились бы совсем неблагочестивым образом, особенно для юной восторженной девицы.

Викарию не оставалось ничего другого, как удовлетвориться этими логичными объяснениями. Нотариус тщательно задокументировал допрос, после чего Фигероа удалился. Тем не менее до возвращения неосмотрительных паломниц Иньиго велели оставаться в тюрьме. Друзья весьма беспокоились о нем, а преданный Каликсто де Са даже вернулся из Сеговии, где восстанавливал силы после тяжелой болезни, и пожелал разделить с ним заключение. Его пустили к наставнику. Любопытно было бы представить подобную ситуацию в наши дни! Как, впрочем, и причину ареста: подозрение в нехорошем совете, якобы данном совершенно взрослой женщине.

Между тем дамы вернулись. Правда, отсутствовали они целых 42 дня, не подозревая, какую медвежью услугу оказали своему любимому наставнику. Разумеется, обе они сразу же подтвердили: никуда он их не сманивал, ушли они по

собственному почину. Лойола вышел на свободу, но судебное решение по его делу вынесли лишь 1 июня 1527 года. Оно состояло из двух частей.

В первой развивалось предыдущее постановление, согласно которому членов кружка Иньиго обязали перекрасить свои одежды. На сей раз им вменялось вообще отказаться от балахонов, а ходить в обычной одежде, как одеваются все прочие студенты.

Ознакомившись с решением суда, Лойола заявил: это невозможно, у него и его друзей нет денег на покупку нового платья. Тогда сам Фигероа лично снабдил их требуемой одеждой и головными уборами.

Вторая часть оказалась существенно серьезнее. На протяжении четырех лет, то есть до окончания курса, Иньиго и его группе запрещалось говорить о вопросах веры. С таким логичным утверждением спорить трудно, действительно, прежде чем учить других, стоит выучиться самому. Лойола и сам признавал скудость своих знаний, а товарищи его знали и того меньше. Тем не менее он упрямо не желал признать постановление Фигероа справедливым.

«Бедный паломник» чувствовал себя ужасно. Только у него начало по-настоящему получаться «спасать заблудшие души», как ему запретили всю деятельность, связанную с этим. Особенно раздражал Лойолу совет поучиться. Он ведь уже стоял на пороге сорокалетия. В XVI веке такой человек считался почти стариком. И снова ждать, теряя целых четыре года?

Викария тоже можно понять: человек с характером, убежденностью и харизмой Лойолы, при

этом полузнайка, профан в вопросах теологии, — такой коктейль мог в любую секунду стать взрывной смесью. Пока что в действиях и речах этого новоявленного Павла не было никакой ереси, но кто мог поручиться, что следующее откровение не окажется фатальным? Иньиго вполне подходил на роль крупного ересиарха, тем более что процесс над алумбрадос еще не завершился.

Оспорить решение викария не представлялось возможным, но упрямый баск не сдался. Он подал апелляцию архиепископу Толедо, непосредственному начальнику Фигероа. Толедский архиепископ Алонсо де Фонсека находился в это время в Вальядолиде, за 173 километра от Алькалы. Иньиго незамедлительно отправился к нему с жалобой на самоуправство его викария. Сразу же с порога «бедный паломник» пообещал повиноваться любому решению почтенного архиепископа, по доброй воле и вполне чистосердечно, лишь бы иерарх выслушал его.

Архиепископ принял Лойолу весьма радушно и долго беседовал с ним. Горячая и глубокая вера самодеятельного проповедника понравилась прелату, и он стал раздумывать, как бы помочь Иньиго, не отменяя решения Фигероа. Когда Лойола сказал, что если и будет продолжать образование, то уж точно не в Алькале, а хотя бы в Саламанкском университете, архиепископ ухватился за эту мысль. Оказывается, преподобный Алонсо де Фонсека основал там коллегия, носящую теперь его имя. Также в Саламанке у архиепископа имелось много друзей, и он предложил Лойоле обратиться к ним. На прощание иерарх даже выдал престарелому студенту четыре эскудо

на дорогу в знак своего расположения. Для нищего — вполне существенная сумма, а любезное обещание помощи от такого человека, как архиепископ, стоило еще дороже. Иньиго поблагодарил и отправился в Саламанку.

Глава шестнадцатая

САЛАМАНКА

Если Алькальский университет весьма ценится в научном мире, то Саламанкский можно было без преувеличения назвать храмом науки. Самый древний в Испании, он входил в четверку старейших высших учебных заведений Европы наряду с Болонским, Оксфордским университетами и знаменитой Сорбонной. При этом самым первым университетом, открывшимся в Испании, он не стал. Эта честь досталась учебному заведению Паленсии, открытому четыремя годами ранее. К сожалению, оно просуществовало недолго, чуть более тридцати лет.

Саламанкский университет, основанный королем Альфонсо X в 1254 году и признанный Святым престолом, как и другие старые университеты, произошел от обычной церковно-приходской школы. Правда, она издавна славилась качественным образованием. Уже в 1130 году ее упоминали в кастильских документах, а в 1218 году король Леона, Альфонсо IX, наградил учреждение титулом *Studium Generale*, что указывало на многообразие учебной программы. Действительно, в «церковно-приходской» школе к этому времени имелись кафедры канонического и граж-

данского права, медицины, логики, грамматики и музыки.

Через неполных 40 лет школа превратилась в университет, и даже с первой в Европе собственной публичной библиотекой. Папа римский Александр IV удостоил новое учреждение правом собственной печати. Вот только собственного здания Саламанкскому университету пришлось ждать почти два столетия, а до того — ютиться в городских соборах. Зато когда в Саламанку отправился Лойола, там уже строились роскошные корпуса в модном стиле платереско*, и даже существовало общежитие для малоимущих студентов, открытое на средства монашеских орденов. В Саламанке преподавали лучшие профессора, а выпускники получали настоящую путевку в жизнь.

Может быть, этот студенческий рай произвел впечатление на нашего героя и он наконец-то воспылал жадой знаний? Как бы не так!

Иньиго, не успев осмотреться в незнакомом городе, тут же взялся за старое. Его соратники успели прийти раньше, и какая-то женщина (опять женщины!) разыскала его и рассказала, как их найти. Воссоединившись, друзья немедленно продолжили работу с населением. Они не

* Платереско — архитектурный стиль, занимающий господствующее положение в испанской культуре XVI века. Иногда происхождение этого термина связывают с понятием «плоский» (ср.: *плато* — плоскогорье), но, видимо, более правильно объяснить его испанским *platero* — ювелирный (от исп. *plata* — серебро). Здесь подразумевается тонкое, подобно ювелирному, украшение зданий. Стиль прошел в своем развитии две стадии. Является испанским вариантом Ренессанса.

успели вызвать ничего особенного — ни самобичеваний среди грешников, ни великих дамских исходов и побегов из дома. Однако на двенадцатый день пребывания Лойолы в Саламанке он снова угодил на допрос.

Вначале ничего не предвещало беды. Правда, «бедный паломник» зачем-то выбрал себе в духовники монаха-доминиканца. А ведь именно братья из ордена святого Доминика чаще всего занимались инквизиторскими расследованиями. Можно сказать, Иньиго сам полез в пасть к дракону. Исповедник не схватывал Лойолу на улице и не врвался к нему в общежитие. Он просто пригласил его на воскресную трапезу в обитель, пообедать и побеседовать с отцами. Впрочем, честно предупредил: разговор пойдет о многом.

Лойола согласился и пришел к назначенному сроку, взяв с собой преданного Каликсто де Са. Во время обеда отцы говорили о всяких пустяках. Когда трапеза окончилась, к гостям подошел заместитель настоятеля, субприор Николас де Санто-Томас. С очень серьезным видом он отвел Иньиго в часовню, куда также проследовали вышеуказанный исповедник и еще один монах.

Сначала субприор говорил крайне приветливо. Он поведал о добрых вестях, которые дошли до его братьев о деятельности кружка Лойолы. Как это хорошо, когда молодые люди вместо сидения в таверне пытаются подражать апостолам. Но для того чтобы учить других, нужно самому иметь образование. А где они учились, никто не знает. Зато на улицах цитируют их проповеди. Что же происходит?

Вот тут уже обстановка начала накаляться.

Мы не знаем, нарушал ли духовник Лойолы тайну исповеди. Возможно, этого и не потребовалось: «бедный паломник» никогда не действовал скрытно. Во всяком случае, отцы оказались ознакомлены с образом жизни Иньиго во всех подробностях. И требовали ответов на многочисленные вопросы.

В «Автобиографии» есть описание этой сцены, но в изложении Кандидо де Далмасеса она получилась более выразительной, поэтому процитируем ее оттуда:

Монах: «Ну, дальше: что же вы проповедуете?»

Иньиго: «Мы не проповедуем; мы всего лишь по-дружески беседуем кое с кем о вещах Божественных: например, после обеда с некоторыми людьми, которые нас позовут».

Монах: «Но о каких же вещах Божественных вы беседуете? Ведь именно это мы и хотим знать».

Иньиго: «Мы беседуем то об одной добродетели, то о другой, и хвалим ее; то об одном пороке, то о другом, и порицаем его».

Монах: «Вы не учены, а беседуете о добродетелях и о пороках! А ведь об этом беседовать не может никто, кроме как двумя способами: или от учености, или от Святого Духа. Не от учености; значит, от Святого Духа?»

«Тут паломник несколько насторожился, поскольку ему не слишком-то пришлось по душе такая манера рассуждать. Помолчав немного, он сказал, что не нужно больше говорить об этих предметах».

Но монах настаивал: «Ведь сегодня столько заблуждений, Эразма и стольких других, обма-

нувших целый мир, — а вы не хотите объяснить, о чем говорите?*

Имелся в виду Эразм Роттердамский, о колоссальном влиянии которого на общество того времени уже упоминалось. Как раз примерно в эти дни в Вальядолиде проходила богословская конференция с участием генерального инквизитора Испании, архиепископа Алонсо Манрике, посвященная Эразму, а точнее — опасности для Церкви, исходившей от него. Как мы помним, Иньиго еще в Барселоне отказался читать Эразма, опасаясь за свою набожность. Однако в разговоре с доминиканцами он вовсе не торопился выказывать свое отрицательное отношение к трудам великого гуманиста.

Вместо этого «бедный паломник» напомнил доминиканцам, что он не находится под их юрисдикцией. «Отец, я не скажу больше того, что уже сказал, если не окажусь перед своими настоятелями, которые могут обязать меня к этому» — так он объяснил отцам, после чего вообще перестал отвечать на вопросы.

Субприор еще некоторое время пытался разговаривать строптивного баска, но ничего не добился. Тогда монахи ушли, оставив Иньиго и Каликсто запертыми в часовне. Николас де Санто-Томас немедленно обратился к суду инквизиции. Пока вопрос решался, два друга оставались в плену у доминиканцев. Их выпускали из часовни в трапезную, где они ели вместе с монахами. В этом вопросе руководство явно допустило ошибку. Лойола, оказавшись в одном помещении с бра-

* Пер. В. Басмовой.

тией, немедленно начал свои проповеди. Некоторые из монахов тут же прониклись его учением, другие вознегодовали. Эмоции вновь стали зашкаливать, и доминиканский монастырь оказался на грани раскола.

К счастью для субприора, через три дня явился нотариус и объявил решение инквизиторов: обоих друзей следовало посадить в тюрьму. Арестованных тут же повели туда и поместили почему-то отдельно от всех заключенных, на совершенно необжитом чердаке. Их даже посадили на цепь, причем на одну сразу двоих. Ужасное зрелище! Но имелся также интересный факт, опять-таки говорящий против «черной легенды» инквизиции. К осужденным в неограниченном количестве допускались посетители. Каким-то образом, несмотря на отсутствие СМИ и Интернета, об аресте Лойолы узнал весь город и на тюремный чердак выстроилась длинная очередь. Люди несли с собой еду и прочие необходимые вещи. Иньиго тут же организовал из приношений помощь нищим, а на сердобольных горожан стал испытывать свои духовные упражнения. Собственно, продолжил заниматься тем, за что его лишили свободы.

Через некоторое время на чердак пожаловал следователь — бакалавр Санчо Гомес де Фриас. Он допросил каждого из двоих отдельно. По воспоминаниям самого Лойолы, «паломник отдал ему все свои бумаги, на которых были упражнения, чтобы их рассмотрели». Бакалавр очень интересовался, есть ли у них товарищи. Лойола с Каликсто сказали правду, и два других искателя истины — Лопе де Касерес и Хуан де Артеага —

оказались за решеткой, правда, не в цепях и не на чердаке, а этажом ниже, с обычными ворами. Пятого члена духовной группировки, бывшего пажа вице-короля Наварры, оставили в покое.

Четыре дня спустя Иньиго, уже одного, вызвали на суд. Судей оказалось четверо, одним из них был бакалавр Фриас. Все они достаточно хорошо изучили конспект «Духовных упражнений», изъятый у арестанта. Начался жесткий перекрестный допрос. Лойоле задавали тонкие и коварные богословские вопросы, например о сути Пресвятой Троицы, которая считается самым непостижимым христианским постулатом. По словам Кандидо де Далмасеса, «паломник отвечал так, что судьям было не к чему придраться. Бакалавр Фриас, который активнее всех участвовал в допросе, поставил перед ним вопрос из канонического права. Паломник ответил, как ему показалось, наилучшим [образом], но прежде заметил, что мнение докторов по этому вопросу ему неизвестно. Затем они затронули вопрос, к которому он был хорошо подготовлен. Как он разъясняет первую заповедь? Он отвечал настолько пространно, что у судей уже пропала охота слушать дальше».

Не найдя, как уличить его, они перешли к разбору «Духовных упражнений». Бакалавр нашел место, где Лойола рассуждал о различиях между смертным грехом и простительным. Остальные судьи опять оживились. Как же человек, не имея богословского диплома, решает рассуждать о таких тонких вещах? «Бедный паломник» невозмутимо предложил им самим, как профессионалам в области богословия, прямо здесь и сейчас определить,

правильны ли его утверждения, или же, наоборот, осудить их, если он в чем-то ошибся.

Теологи тут же смутились и начали мямлить, не решаясь высказать свое мнение. Так ничего и не добившись, они вернули Иньиго на чердак, куда уже ломились посетители. Правда, на цепь «бедного паломника» уже больше не сажали.

Снова началась неопределенность. Лойолу это не слишком беспокоило — он чувствовал себя при деле, продолжая беседы с горожанами, которых становилось все больше. Однажды пришли неожиданные гости — священник дон Франсиско де Мендоса, ставший позднее кардиналом в Бургосе, и... все тот же бакалавр Фриас, неутомимый следователь. Вот уж к кому можно было применить термин «иезуитство»! Согласно «Автобиографии», Фриас «по-дружески» спросил <паломника>, как тот чувствует себя в тюрьме и удручает ли его то, что он находится в заключении, и тот ответил: «Я отвечу то, что ответил сегодня одной сеньоре, которая говорила слова сочувствия, видя меня в заключении. Я сказал ей: “Тем самым вы показываете, что не хотите попасть за решетку ради любви к Богу. Неужели тюрьма кажется вам такой уж бедой? А я говорю вам, что не сыщутся в Саламанке такие кандалы и такие цепи, которых я не желал бы ради любви к Богу”».

Буквально через несколько дней у Лойолы появилась возможность подтвердить свои слова делом. В одну из ночей узники совершили массовый побег. Неизвестно, убили ли они ночную стражу или подкупили, но когда поутру явилось тюрем-

ное начальство, оно обнаружило распахнутые настежь двери и Лойолу с товарищами, честно продолжающими сидеть в опустевшей тюрьме. Тут уж они стали настоящими героями города и их наградили, правда, весьма специфическим образом. Согласно «Автобиографии», «им тут же отвели под тюрьму целый особняк, стоявший поблизости».

В общей сложности в заключении вся компания провела почти месяц. Наконец суд вынес долгожданное решение. Инквизиция не обнаружила ошибок ни в жизни, ни в учении Лойолы и сотоварищей. Более того, им даже разрешили проповедовать и беседовать с людьми о Божественных вещах. За одним небольшим исключением: им запретили классифицировать грехи до получения богословского диплома. Пусть сначала доучатся, а потом определяют, какой грех смертный, а какой простительный.

Казалось бы, о таком приговоре можно было только мечтать. Да и судьи всячески выказывали Иньиго свое уважение и расположение, будто это вовсе не они только что сажали его на цепь. Они буквально заискивали перед ним, будто желая одобрения приговора. Однако Лойола держался сурово. «Паломник сказал, что он сделает все, что предписывает это решение, — говорится в «Автобиографии», — но не одобрит его, поскольку, не осудив его ровно ни в чем, ему заткнули рот, лишив его возможности помогать ближним тем, чем может».

Напрасно бакалавр Фриас, проникшийся симпатией к необычному человеку, пытался убедить его в справедливости и правильности приговора. Иньиго пообещал подчиняться выне-

сенному решению, лишь пока находится под юрисдикцией Саламанки, но не дольше.

После разговора четверо бывших арестантов вышли на волю, где их уже заждался пятый член братства — Хуан Рейнольд, которого все привыкли звать просто Хуанито.

Глава семнадцатая

ВЕРТЕЛ ДЛЯ ИСПАНЦЕВ И ФРАНЦУЗСКАЯ «УКСУСНАЯ АКАДЕМИЯ»

Судьи отнеслись к Иньиго, в общем-то, по-человечески, ереси в его высказываниях не нашли, и ничто не мешало продолжать учебу в Саламанке, но он чувствовал, что в Испании оставаться больше не может. Запрет на толкование Писания до получения диплома и опасность в любую секунду снова угодить «под опеку» инквизиции заставили Иньиго всерьез задуматься о переезде в другую страну. В самом деле, не успел он прийти в Саламанку, как тут же повторилась история с Алькалой.

Его маленькое братство тоже порядком измучилось. Молодые люди, подпав под харизму старшего товарища, честно намеревались жить святой жизнью, выполняя волю Христа, но получили только усиленное внимание со стороны властей, скандалы и испорченную репутацию. Один раз оказаться в тюрьме из-за странных взглядов своего лидера — еще куда ни шло, но получать клеймо неблагонадежного на всю жизнь никто из них не торопился. Идея их вождя переехать в другую страну, дабы продолжать прежний образ жизни, не вызвала у них воодушевления. Они

беспокоились о собственном будущем, кроме того, переезд требовал серьезных расходов, которых они не могли себе позволить. В конце концов друзья договорились о следующем: Иньиго отправится в Париж и постарается найти для них возможность приехать. При благоприятном исходе братство воссоединится во Франции, а пока что Каликсто, Хуанито, Артеага и Касерес останутся студентами в Саламанке.

Кстати, жить в Париже, как раньше, Лойола, скорее всего, не планировал. Выйдя из тюрьмы, он постепенно смирился с необходимостью обучения и трезво оценил свои более чем скромные студенческие достижения. А вместе с тем был вынужден признать: университетская жизнь, неутомительное посещение лекций и ученые студии невозможно совмещать с активной апостольской деятельностью, как показала его жизнь в Алькале и Саламанке.

Многие артисты и музыканты сравнивают сцену с наркотиком. Кто однажды имел публичный успех, как правило, стремится испытать подобное чувство вновь. Сценическое пространство дает человеку мощный выброс адреналина и может даже стать обезболивающим при серьезной травме. Наверняка проповеди приносили Лойоле похожие ощущения. Во всяком случае, он сильно «подсел» на свою душеспасительную деятельность и, решив заняться учебой всерьез, опасался, что не сможет отказаться от работы с народом. Еще один плюс в пользу переезда во Францию. Иньиго не знал французского, а значит, при всем желании не смог бы проповедовать на улице, как в испанских городах.

Кроме того, накануне эмиграции он решительно пересмотрел взгляды на свою будущую аудиторию. Если в Испании среди восторженных его почитателей и послушников преобладали женщины, то во Франции он намеревался обращаться в основном к мужчинам. «Бедный паломник» устал от проблем, возникающих из-за неуправляемой экзальтации и чрезмерной отзывчивости дам на его проповеди и упражнения.

Прежде Парижа Лойола отправился обратно в Барселону к своим верным друзьям и благодетелям. Он очень рассчитывал на их материальную поддержку, уже ставшую для него привычной. В середине сентября 1527 года, спустя 15—20 дней после освобождения из тюрьмы, с минимальным багажом, имея с собой лишь несколько книг, Иньиго на ослике тронулся в путь.

В Барселоне его ожидало разочарование. Друзья приняли известие о переезде в Париж более чем прохладно. Во-первых, они не были готовы к такой масштабной финансовой помощи, во-вторых, их крайне насторожила сама идея. Испания и Франция находились в состоянии хронической войны, то обострявшейся, то затихавшей, но отношения между этими странами оставались крайне напряженными. По слухам, во Франции к испанцам относились чрезвычайно враждебно и кого-то чуть даже не насадили на вертел. Иньиго не придавал этим слухам ни малейшего значения, поскольку уже все обдумал и решил. Денег ему все же дали, правда, немного.

Впереди лежал долгий путь: из Барселоны в Прованс, а уже оттуда, практически через всю Францию, — в Париж. Расстояние чуть больше

тысячи километров сейчас преодолевается на машине за девять часов. Иньиго добирался не один месяц. Он покинул Барселону осенью 1527 года и пешком (осла он, видимо, продал) добрался до Парижа 2 февраля 1528 года, о чем и уведомил в письме Инес Паскуаль. На сей раз он шел с твердым намерением получить ученую степень.

Впоследствии, разрабатывая конституцию иезуитов, Игнатий Лойола укажет обязательное получение образования для новичиев, желающих подняться в ордене на более высокую ступень. Гимназический и университетский курс для иезуитов-схоластов необходимо было проходить в одной из орденских школ на протяжении семи лет. При этом, как указывал Лойола, ничто не должно отвлекать кандидата от занятий, поскольку они «в некотором смысле требуют всего человека целиком». Понимание этой истины святой Игнатий обрел слишком дорогой ценой.

Неизвестно, что случилось с ним за время долгого путешествия, о чем он передумал по пути в Париж, кого встретил. В «Автобиографии» Лойолы эти три месяца странствий никак не отражены. Дальнейшее известно: в Париже студент Лойола и в самом деле взялся за ум. Бурная жизнь в Алькале и Саламанке фактически не оставляла ему времени для регулярных занятий, в связи с этим Иньиго принял решение повторить курс — и вынужден был сесть на скамью вместе с совсем юными школярами. Есть и другая версия объяснения этого факта. Французы не слишком ценили испанское образование, оттого и заставили испанца проходить все дисциплины с самого начала.

Иньиго выбрал для занятий знаменитую в то время коллегию Монтегю.

Это учебное заведение славилось качеством теологического образования, но еще больше — крайне аскетичными нравами, царившими под его крышей.

Жан Стандонк, восстановивший коллегию в конце XV века и руководивший ею, проявлял особое внимание к внутреннему миру своих студентов. Его относят к первым реформаторам, возникшим еще до расцвета Реформации как таковой. Разделяя убеждения Братства общей жизни*, Стандонк превратил жизнь пансионеров коллегии в суровую школу выживания. С первого дня учащихся приучали к непрерывному труду от зари до темноты и беспрекословному подчинению, к тому же плохо кормили и часто наказывали. По мнению Стандонка, только строгие правила могли взрастить настоящую духовность. Подобным образом ректор воспитал и педагогический коллектив. Одним из его преемников, Пьера Тампета (1514—1528), даже прозвали Страшная Буря (*Hornda Tempestas*) за соответствующую манеру общения с подчиненными. Как раз при Тампете наш герой и попал в коллегию, однако познакомиться с грозным ректором не успел: тот умер спустя три дня после прибытия Иньиго, и руководство перешло к Жану Эгону.

* Братство общей жизни — одно из течений движения Нового благочестия, распространившегося в Нидерландах и Германии в первой трети XV века. Его участники отказывались от имущества в пользу своей общины и утверждали идеалы раннего христианства, критикуя моральный упадок современного духовенства.

Эразм Роттердамский, учившийся в Монтегю в 1495—1496 годах, впоследствии весьма едко характеризовал альма-матер в своих сатирических «Разговорах запросто» (диалог между Мясником и Рыбником), вылив немало яда и на своего наставника Стандонка, и на саму коллегию. Великий гуманист обозвал ее «уксусной коллегией» из-за созвучия латинского названия коллегии — *Collegium Montis acuti* и слова «уксус» — *acetum* и подробно описал нравы, царящие в ее стенах:

«Там самой холодной порою зимы хлеба дают в обрез, а пить велят из колодца с дурною водой; впрочем, и одного утреннего холода было бы довольно, чтобы ее отравить. Я знаю многих, которые так расстроили там свое здоровье, что не могут оправиться и поныне. Было несколько спален с земляным полом и трухлявой штукатуркой, в смрадном соседстве с уборной. Кто бы в них ни жил, следствием непременно бывала либо смерть, либо очень опасная болезнь. Я уж не стану говорить о зверских истязаниях, которые выпадали даже ни в чем не повинным. Говорят, что розги — лекарство от разнузданности; разнузданностью эти люди зовут благородные дарования, которые они усердно сламывают, чтобы сделать их пригодными для монастыря. Сколько тухлых яиц там поглощалось, сколько выпивалось дрянного, прокисшего вина!»

Упоминает коллегию и Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле» — вши игриво называются у него «ястребами Монтегю».

Разумеется, с таким настроением руководства новомодные веяния в Монтегю не слишком приветствовались. Учебный план, принятый в 1509 году,

не изменился к приходу Лойолы. Преподавание велось по старой схоластической системе: лекции, диспуты, комментирование текстов. В Барселоне Иньиго изучал латынь по новейшему учебнику Антонио Небрихи, а в Монтегю ему вручили учебник Александра из Вильдьё, написанный в XIII веке.

И тем не менее, несмотря на свою «фирменную» архаичность, коллегия считалась одной из наиболее авторитетных корпораций факультета теологии и как нельзя лучше подходила для сурового ригориста Лойолы. Стоит отметить, что несколькими годами ранее в той же самой коллегии учился, и притом отличался особенными успехами, юноша по имени Жан Кальвин, один из будущих лидеров протестантизма, соответственно — идейный противник нашего героя. Они проходили одну и ту же программу, учились у одних и тех же профессоров. Существует предание, что Кальвина как одного из самых примерных учеников, занимавшегося с отстающими, те прозвали *Accusativus* («Винительный падеж»). История не знает сослагательного наклонения, но было бы забавно представить себе, как Кальвин наставлял Лойолу в школярской премудрости.

Иньиго не входил в число полных пансионеров коллегии. Он, принятый «экстерном», должен был сам заботиться о своем жилье и пропитании и не мог проверить справедливость насмешек Эразма. По банковским распискам, выданным ему барселонскими друзьями, он смог получить сумму, вполне достаточную для съема жилья недалеко от выбранного места учебы. На остаток он мог бы вполне безбедно прожить не-

которое время, но, к несчастью, доверил деньги на сохранение знакомому земляку, а тот не отличался особенной щепетильностью — и с легкостью их растратил.

В результате к апрелю 1528 года Иньиго опять остался без средств и переселился из съемной комнаты в госпиталь. Слово «госпиталь» в те времена обозначало не только больницу. Чаще под этим названием подразумевали приют для пилигримов. Заведение, где поселился наш герой, носило имя апостола Иакова и предназначалось для паломников, идущих в Сантьяго-де-Компостелу*. Плату за постой там просили самую минимальную, иногда разрешали ночевать и вовсе бесплатно. Разумеется, и удобств особых ждать не приходилось. На восходе солнца двери госпиталя открывались, а вечером, после того как отзвонят «Ангел Господень», богоугодное заведение запирали до утра. Чтобы успеть до закрытия, Иньиго приходилось иной раз пропускать вечерние занятия. К тому же госпиталь располагался на значительном расстоянии от Монтегю, и при отсутствии освещения на улицах, грязи, мусоре и зловонии даже сравни-

* Сантьяго-де-Компостела — крупнейший центр христианского паломничества, к нему ведет Путь Святого Иакова, *Эль Камíно де Сантьяго* (исп. *El Camino de Santiago*) — знаменитая паломническая дорога к могиле апостола Иакова в испанском городе Сантьяго-де-Компостела, главная часть которой пролегает в Северной Испании. Благодаря своей популярности и разветвленности этот маршрут оказал большое влияние на распространение культурных достижений в эпоху Средневековья. Входит в число памятников всемирного наследия ЮНЕСКО.

тельно небольшое по нашим меркам расстояние превращалось в довольно утомительный путь.

Чтобы поддержать свое существование, Лойоле опять пришлось собирать милостыню. Здесь это оказалось намного тяжелее, чем во всех местах, где ему приходилось просить раньше. Сдержанные и надменные парижане сильно отличались от взбалмошных, но дружелюбных испанцев и итальянцев. К тому же Париж наводнили профессиональные побирušки, тягаться с которыми Иньиго не мог. С одной стороны, он был немолод и не особенно хорош собою, с другой — его увечье не сильно бросалось в глаза и не давало особых поводов взывать к жалости прохожих.

О, если бы парижане могли предугадать будущую канонизацию Лойолы! К нему выстроилась бы очередь в полгорода. В то время люди очень ценили молитвенное сопровождение своей жизни, поэтому щедро жертвовали монахам. Но Иньиго не принадлежал ни к одному из орденов.

Парижские попрошайки неплохо наживались на богатых похоронах, крестинах или свадьбах. Бедняки узнавали о них от специальных осведомителей и чуть ли не с утра стекались к воротам нужного дома. Но во-первых, такие мероприятия случались не каждый день, а во-вторых, чаще всего раздача происходила в то время, когда студент Лойола слушал лекции в аудиториях коллегии.

Нерегулярное, скудное питание, недостаточный сон, изматывающая ходьба по чужому городу, постоянное беспокойство и хроническая усталость опять начинали сказываться на учебе. Лойола искренне старался не отвлекаться от занятий, но силы организма оказались не беспре-

дельными. Опять начались мучительные боли в желудке, не говоря уж о покалеченных ногах. Надо было как-то изменить свою жизнь, только как? Иньиго посоветовали способ: поступить в услужение к одному из преподавателей, тогда бы ему достались и стол, и кров, и доступ к науке!

Задача показалась Лойоле вовсе не трудной. Он уже заранее предвкушал, каким послушным, почтительным и ловким помощником станет для своего будущего наставника и работодателя, как будет относиться к нему словно к Христу, а других учеников почитать за братьев-апостолов. Наш герой ведь старался каждую минуту жизни сделать полезной для достижения своей цели. Но увы, несмотря на все старания, у него не получилось отыскать среди магистров человека, пожелавшего бы воспользоваться его услугами.

Помогли земляки. Точнее, один знакомый монах-испанец. Он посоветовал бедолаге отправиться во Фландрию: там-де живут богатые испанские купцы, все они добрые католики, уважают ученых людей и, конечно, помогут соотечественнику. А на их подаяние бережливый студент сможет прожить в Париже целый год, до нового курса.

Глава восемнадцатая

РЕЦИДИВИСТ ПОЛУЧАЕТ ЗАСЛУЖЕННОЕ НАКАЗАНИЕ

В 1529 году, во время Великого поста Лойола, которому было нечего терять, и в самом деле отправился во Фландрию. Тем более что идти туда

было всего ничего: втрое ближе, чем от Барселоны до Алькалы. Поход оказался успешным. Лойола и вправду раздобыл денег, но, что еще важнее, в дороге он снова мог быть собой, стать прежним неукротимым Иньиго-проповедником, харизматичным, страстным, увлекающим людей.

Во Фландрии он познакомился с Хуаном Луисом Вивесом, уроженцем Валенсии, бывшим парижским студентом, а ныне — уважаемым профессором в Брюгге. Вивес много странствовал, имел кафедру в Оксфорде, был другом Томаса Мора и Эразма Роттердамского, служил Екатерине Арагонской, несчастной жене Генриха VIII, и даже посвятил ей один из своих ученых трудов. Педагог и тонкий психолог, имеющий весьма прогрессивные и оригинальные взгляды на вопросы образования и воспитания детей, он заинтересовался нищим проповедником и пригласил его к себе отобедать. Между ними произошел интересный разговор.

Ввиду Великого поста стол накрыли без мясных блюд. А Фландрия славилась морепродуктами, и готовили их здесь на редкость вкусно. Вивес, имевший гуманистические взгляды, относился к Церкви с изрядной долей скепсиса. И вот, отправляя в рот очередной аппетитный кусок рыбы, он заметил: попы угодили мимо цели, призывая воздерживаться от мяса ради покаяния. Иньиго тут же напомнил гуманисту о недостижимости кулинарных изысков для большей части населения, питающегося в основном черным хлебом с солониной да кашей. Несмотря на довольно резкое замечание, Вивес остался доволен беседой. Впоследствии он отозвался о Лойоле та-

кими словами: «Этот человек святой, и он станет основателем монашеского ордена».

Помимо Вивеса Иньиго свел другие полезные знакомства и смог-таки добыть себе средства к существованию. Забегая вперед, следует отметить: голодный студент еще дважды отправлялся в «зарубежные походы», а в 1531 году добрался даже до Лондона. В этот свой вояж Лойоле удалось собрать невероятно много денег — и для себя, и для щедрой помощи нищим друзьям-студентам. Вероятно, он был бы не прочь посетить Туманный Альбион еще раз, но судьба распорядилась по-другому.

Буквально через год Генрих VIII изгнал свою жену, Екатерину Арагонскую, объявил их дочь, принцессу Марию, незаконнорожденной и открыто обвенчался с Анной Болейн. Английский монарх разорвал отношения с Римским престолом и сам встал во главе Церкви своей страны. Еще через три года он прикажет отрубить голову своему бывшему лучшему другу, лорд-канцлеру Томасу Мору, и епископу Джону Фишеру за их отказ признать законным новый брак короля — власть дома Тюдоров превыше «любого из князей церкви». Англия станет полностью протестантской, а католичество — почти синонимом государственной измены. Уже после смерти Лойолы, в 1581 году, в Лондоне после пыток примет мученическую смерть святой Эдмунд Кампион, иезуит.

Но вернемся в 1529 год. Получив небольшое материальное подспорье, Лойола поправил здоровье и снова взялся за старое. С удвоенной энергией он погрузился в свои духовные

упражнения. Незнание французского языка во все не оградило его от вербовки новых последователей. Оказалось, их прекрасно можно найти среди студентов-соотечественников. Лойола начал проводить занятия сразу с троими: Хуаном де Кастро, Педро де Перальтой и Амадором де Эльдуайеном.

Все трое жили в Париже существенно дольше Лойолы, с 1525 года, и, очевидно, были на хорошем счету. Кастро учился в Сорбонне и уже успел стать бакалавром, Перальте оставался год до магистратуры, Амадор был студентом коллегии Святой Варвары. «Духовные упражнения» повлияли на них столь сильно, что молодые люди раздали все свое имущество, даже книги, и предпочли жить, питаясь подаянием, в том самом госпитале Святого Иакова, откуда сам Иньиго съехал, став чуточку богаче. Такая перемена в их поведении не прошла незамеченной. Особенно обеспокоился ректор коллегии Святой Варвары, Диего де Гувейя. Он обвинял Лойолу, что тот «сделал из его студента дурака».

Иньиго оставил раздражение ректора без внимания. У него появились другие заботы. В сентябре 1529 года пришло письмо от того самого испанца, который так нескромно обошелся с его деньгами. Легкомысленный юноша отправился было в Испанию, но по пути заболел и теперь находился в городе Руане, в 140 километрах от Парижа. Очевидно, положение его было самое отчаянное, если он счел возможным обратиться за помощью к человеку, которого так сильно «подставлял».

Лойола поступил как настоящий христианин:

он отправился на помощь больному. Отыскав бедолагу в Руане, он утешил его, помог сесть на корабль, идущий до Испании, а кроме того, попросил передать письма для своих старых друзей Артеаги и Касереса.

Иньиго не забыл о своих товарищах. Он очень желал видеть их рядом с собой и всячески пытался изыскать возможность привести их в Париж, но дело не состоялось. Его друзья, так мужественно разделившие с ним заключение в доминиканской тюрьме, не захотели бороться дальше. Даже верный Каликсто, который, будучи португальским подданным, мог рассчитывать в Сорбонне на специальную королевскую стипендию, предпочел не услышать зова своего бывшего вожака. Правда, они никогда не забывали о своем великом руководителе, как и все, с кем Иньиго сводила судьба. Двое из них, Артеага и Хуанито Рейнольд, впоследствии все-таки связали свою жизнь с церковью: Хуанито ушел в монастырь к францисканцам, а Артеага даже стал епископом в Мексике. Но вместе их пятерка больше не собиралась никогда.

В одиночестве Лойола возвратился в Париж. А там уже кипели нешуточные страсти, поскольку три его новых ученика вели себя слишком странно и непонятно. Они забросили учебу и, с общей точки зрения, опустились. Действительно, с их прежним образом жизни не вязались ни сбор милостыни на улицах, ни переселение в госпиталь, практически в ночлежку. Дошло до открытого конфликта: друзья и родственники молодых людей пришли к госпиталю с оружием в руках, но не добились ничего, кроме обещания

подождать с экстремистскими выходками до получения диплома.

Во всем винили Лойолу. Ему угрожали расправой, считая соблазнителем юношества. Кроме того, нашим героем опять заинтересовалась инквизиция, на сей раз французская. Главный инквизитор Парижа, которому, разумеется, рассказали массу интересного про немолодого нищего испанца, вообразившего себя духовным учителем и совращающего приличных студентов с пути истинного, уже собирал досье на Иньиго.

Все это крайне раздосадовало нашего героя, не находящего в своих действиях ничего предосудительного. Внимание инквизиции, и без того неприятное, еще и оказалось очень не ко времени. Иньиго намеревался завершить латинские штудии в Монтегю и поступать на факультет искусств, иначе называемый философским. Уже два раза он терял шанс получить диплом из-за разборок с «духовной полицией». И вот снова пристальное внимание инквизиции грозило отсрочить, а то и вовсе отменить его университетские планы.

Любой другой в такой ситуации свернул бы свою деятельность, что называется, «лег на дно». Но не Лойола. Он поступил, как настоящий солдат: не желая ждать, когда его вызовут, сам пошел на грозу. Он явился к инквизитору и спросил, имеются ли к нему претензии и нельзя ли разобраться и закончить дело поскорее, до начала учебного года.

Брат Матео Ори, доминиканец, признал, что жалобы на Иньиго действительно есть, но при внимательном рассмотрении он не нашел ничего

страшного в словах и действиях студента Лойолы и наказывать или преследовать его никак не собирается.

Поладив с парижской инквизицией, Иньиго благополучно поступил... в ту самую коллегия Святой Варвары, ректор которой с таким предубеждением относился к нему. На этот раз Лойола оказался в статусе полного пансионера, то есть жил, как бы мы сказали сейчас, в общежитии при выбранном учебном заведении. Его магистр, Хуан Пенья, происходил родом из Кастилии. Они смогли неплохо понять друг друга, тем более что жить им предстояло в одной комнате. Там же проживали еще два студента с того же курса: савояр Пьер Фавр и наваррец Франсиско де Хавьер (в латинском варианте Франциск Ксаверий).

Наваррцы во Франции всегда имели ту же репутацию, что и баски в Испании, — это и в самом деле практически один народ. Удивительно, как Иньиго и Франсиско, настолько схожие по своему взрывному темпераменту, умудрились не только поладить друг с другом, но и крепко подружиться. Пьер Фавр, уроженец деревни Вилларет в Альпах, по натуре более флегматичный, уравновешивал их компанию.

Именно Фавра магистр Пенья попросил позаниматься с Иньиго и повторить с ним курс, уже прочитанный группе до прихода новичка.

Надо сказать, Фавр, крестьянин по происхождению, обладал изрядными познаниями. Например, он знал греческий настолько хорошо, что магистр Пенья обращался к нему в сложных или спорных случаях за советом.

После поступления в коллегия Святой Вар-

вары жизнь студента Лойолы стала налаживаться. Появилась возможность регулярно посещать занятия, встретились люди, на которых он мог рассчитывать, ужасная нищета тоже, казалось бы, отступила. Несмотря на проблемы со здоровьем (опять вернулись мучительные желудочные боли), все шло хорошо.

Но наш герой не мог успокоиться. Едва познакомившись со своими новыми друзьями чуть ближе, Иньиго осторожно принялся склонять их в интересную ему сторону. Вскоре они уже практиковали духовные упражнения. Деятельностью маленькой группки заинтересовались и другие студенты. Лойола начал собирать интересующихся для совместных размышлений, медитаций и бесед. Местом встречи выбрали картезианский монастырь, временем — утренние часы воскресенья. Группа обсуждала духовные вопросы, потом все шли на мессу. Завершались упражнения общей молитвой и причастием.

Казалось бы, обвинения в развращении юношества, как и любые другие претензии, остались позади. Все происходило открыто при довольно большом скоплении народа и подкреплялось мессой. Беда, как это часто бывает, подкралась неожиданно. Утренние часы собраний группы Иньиго совпали с расписанием диспутов, которые занимали в жизни студентов довольно значимое место. Когда часть студентов внезапно перестала посещать важные занятия, магистр Пенья сделал Иньиго замечание. Но группа снова позволила себе не явиться на диспут, и Пенья, вынужденный принимать меры, пошел к ректору де Гувейе. А у того имелись к «бедному паломни-

ку» новые претензии. Один из обращенных Лойолой испанских студентов оказался родственником ректора. Придя в полную ярость, де Гувейя решительно настоял на порке.

Вот тут Иньиго сильно обеспокоился. Но все не о предстоящей боли или позоре, как можно было бы предположить. Розги, даже самые жестокие, не могли сравниться с пилением кости, которое он перенес после памплонского ранения. Его крайне испугала вероятность мученического ореола, которым его могли бы окружить после наказания. А это стало бы для его крайне амбициозной натуры слишком большим искушением. Обдумав все серьезно, он решил пойти на прием к ректору и поделиться с ним своими опасениями.

Разговор, состоявшийся между ними, не сохранился в «Автобиографии», но, зная манеру общения нашего героя, можно попробовать реконструировать их беседу:

— А-а, это вы. Ну-ну! — встретил его де Гувейя. — И что же вы скажете в свое оправдание?

— Да какое оправдание... — вздохнул Лойола, — я пришел посоветоваться с вами, как с мудрым человеком.

Тот возмутился:

— Подлизываетесь? Надо было раньше заботиться о своих делах.

— Ничуть, — возразил Иньиго. — Следую логике. Глупый человек навряд ли занял бы такой высокий пост.

— Ну и о чем вы собрались со мной советоваться? — ректор смотрел крайне не доброжелательно.

— Об этой вашей порке. Я серьезно озабочен и даже расстроен. Иметь мученический венец во все не входит в мои планы... да и вам, как мне кажется, не нужен студент-мученик...

— Вот как! — надменное выражение лица де Гувейи сменилось любопытством. Он немного помолчал, размышляя о чем-то, и закончил: — Идите. Завтра будьте добры явиться в назначенное время.

Лойола понял, что порки ему не избежать. Но теперь совесть его была чиста. Если бы ему и вправду достался терновый венец мученичества, он уже принял бы его как подобает, со смирением.

Наказание, к которому приговорил нашего героя ректор, называлось «зал»: приговоренного раздевали до пояса и нещадно секли в главном зале коллегии. Кроме жестокой боли и долгого процесса выздоровления эта порка была еще и грандиозным позором, поскольку присутствовать при ней обязывали всех студентов. Поддерживаемый напутствиями перепуганных товарищей по комнате, Иньиго пришел на место экзекуции и снял рубаху. Появился де Гувейя. Он молча медленно прошел через зал и встал перед провинившимся студентом. Потом, к величайшему удивлению всех присутствующих, ректор пал перед Лойолой на колени и попросил у него прощения. Но это было еще не все. Грозный де Гувейя распорядился перенести схоластические диспуты на другое время, дабы не мешать проведению духовных упражнений. Так Божественное провидение снова вмешалось в жизнь нашего героя, решив его проблемы.

СЛАДКИЕ ПЛОДЫ УЧЕНИЯ

Наладив отношения с ректором, Лойола привел свою жизнь в некое подобие равновесия. Он внутренне обязался продержаться в рамках три года — ровно столько длился курс философии, после которого студенты получали ученую степень. Что делать потом — принять постриг в одном из монашеских орденов, стать ли священником, Иньиго пока не загадывал. Настраивал он себя крайне серьезно и на этот раз преуспел, несмотря на очередные искушения в виде чудных видений. Как только бесы стали вновь смущать его и отвлекать от учебы, Иньиго повторил тот же маневр, что и несколько лет назад в Барселоне: клятвенно пообещал своему магистру Пенье, что никакая сила не отвлечет его от занятий, пока у него есть хотя бы хлеб и вода.

Благодаря щедрой милостыне во Фландрии кое-какие запасы у него имелись, и больше он уже не рисковал доверять свои сбережения кому попало. Преследовать его пока перестали, ибо не находили причины. На улицах он по-прежнему не проповедовал, а со студентами занимался теперь почти официально, под прикрытием ректора. Доктор Фраго из Арагона, профессор Священного Писания в Сорбонне, знавший нашего героя, как-то раз даже выразил удивление, что скандального баска теперь «никто не донимает». Иньиго объяснил, почему до него никому нет дела: сейчас он не говорит с людьми о вещах Божественных. Но вот когда ученая степень будет получена...

Несмотря на временный уход в тень, Лойола, конечно, оставался собой, все тем же пылким и великодушным сумасбродом, который очаровывал людей и в то же время невыносимо раздражал их.

Показателен случай, о котором сам отец Игнатий вспоминал в «Автобиографии». В Париже внезапно появилась чума. До крупной эпидемии дело не дошло, но заболевшие имелись. Доктору Фраго пришлось спешно приискывать себе новое жилище: там, где он жил, уже умерло несколько человек. Лойола отправился с доктором, чтобы помочь в поисках, но чума оказалась быстрее. В доме, куда они пришли, чтобы снять доктору комнату, лежал больной. Посетители поспешили было покинуть опасное место, но тут Иньиго охватило сострадание к страждущему. Он вернулся, начал утешать несчастного — и случайно коснулся его язв. Испугавшись, он выскочил на улицу, поминутно оглядывая руку. Чрезвычайно развитое воображение сделало свое дело: вскоре рука сильно разболелась. Лойола уже почти считал себя мертвецом, но, зная за собой особую впечатлительность, все же надеялся на благоприятный исход. Наконец он разозлился на себя и свое недоверие к Богу и, чтобы прекратить все это малодушие, сунул руку в рот, сказав себе при этом: «Если у тебя чума на руке, то вот она и во рту». В ту же минуту боли в руке утихли.

Продолжение истории закономерно: узнав, что Лойола был в чумном доме и даже притрагивался к зачумленному, товарищи не пустили его в комнату и выгнали из коллегии. Несколько дней искателю приключений пришлось ски-

таться по ночлежкам. Студентов можно понять: в условиях скученности и постоянного контакта всех со всеми эпидемия вспыхивала практически мгновенно. Непонятно, на что рассчитывал Лойола, позволив себе неосторожно дотронуться до заразного больного, но в этом был весь он. Не священник, не врач, просто христианин, сочувствующий страданию другого человека... и тем самым подвергающий нешуточной опасности не только себя, но и своих товарищей по коллегии и по комнате. Кстати, чумой он так и не заболел.

Несмотря на систематические и упорные занятия в течение трех лет, Лойоле не удалось достичь блестящих результатов. Удивительный факт: будучи основателем самого «интеллектуального» католического ордена, Лойола имел очень скромные интеллектуальные способности. Как это могло совмещаться с сильнейшей интуитивной пронизательностью и способностью к интроспекции?

Скорее всего, его бесспорная гениальность, признаваемая даже врагами, состояла в гармоничном союзе двух начал: крайней чувствительности и педантичной скрупулезности. Он мог начать рыдать от избытка чувств, увидев звездное небо или цветущий луг, а потом классифицировать разновидности своих состояний. В его записях есть отчеты о разных видах слез, пролитых во время мессы.

Какой же интеллектуальный багаж удалось в итоге приобрести нашему герою в Парижском университете? Изучая логику и практикуясь в долгих, иногда продолжающихся целый день диспутах, Иньиго научился формулировать свою

мысль с исчерпывающей точностью и полнотой, а также грамотно подбирать необходимые аргументы в ее защиту. Теперь он мог подкрепить свои озарения нужным количеством авторитетных цитат. Его кругозор существенно расширился, к природной харизме и убедительности наконец прибавилась ученость.

На первом курсе магистр Пенья читал и разбирал со своими учениками «Органон» — корпус философских текстов Аристотеля. Второй курс предполагал изучение аристотелевской же «Логики». Иньиго, как и прочие студиязусы, постигал эту науку, сидя на полу аудитории. В те времена скамей для слушателей почти нигде не ставили. Пол просто засыпали соломой — приходи да садись.

В конце второго года обучения студенты сдавали экзамены на степень бакалавра. И тут Лойола вдруг сильно засомневался, стоит ли ее получать. Как же так? Разве не за ученой степенью гонялся он столько лет по разным городам?

В «Рассказе паломника» приведено подробное, но довольно туманное объяснение этому факту: «В Париже есть такой обычай: те, кто изучает <свободные> искусства, на третий год, чтобы сделаться бакалавром, “берут камень”, как <там> говорят. И, поскольку при этом тратят один эскудо, некоторые очень бедные <студенты> не могут этого сделать. Паломник стал сомневаться, стоит ли ему “брать камень”. И вот, поскольку он никак не мог разрешить это сильное сомнение, в котором находился, он решил поведать об этом своему магистру. Тот посоветовал ему “взять камень”, и он его “взял”».

Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению по поводу смысла выражения «брать камень» — *pigliare la pietra* по-итальянски. Сведений о таком обычае не существует. Их не обнаружил даже французский историк Жюль Этьен Жозеф Кишра (1814—1882), написавший «Историю коллежа Святой Варвары». Кишра окончил то же учебное заведение, что и наш герой, и в благодарность своей альма-матер написал фундаментальный трехтомный труд.

Некоторые ученые считают, будто бакалавры сдавали экзамен, сидя на камне. Так действительно делалось в университете португальского города Коимбра. Экзаменующихся сажали на камень с непокрытой головой, ради смирения. Только подобная процедура навряд ли смутила бы Лойолу. Гораздо вероятнее другая версия. Выражение «взять камень» означало «проставиться», то есть оплатить пирушку преподавателям и соученикам. В таком случае сомнения полунищего Иньиго обоснованы. Тем не менее наш герой последовал совету ради пользы дела не пренебрегать традицией — и в 1532 году стал бакалавром.

После, на третьем курсе, к изучению предлагались «Физика», «Метафизика» и «Этика» отца наук Аристотеля. Изучив эти почтенные труды, а также закалившись в диспутах, студент допускался к экзамену, после которого ему выдавалась лицензия на право «обучать, диспутировать, определять». Далее новоиспеченный лицензиат мог отправляться куда глаза глядят, преподавать или устраивать свою жизнь как ему угодно: лицензия университета открывала перед молоды-

ми людьми широкую дорогу. Но если молодого человека все еще снедала жажда знаний, он мог продолжать образование.

Лойола, получив долгожданную лицензию в 1533 году, так и поступил. Он перешел на более «продвинутый» курс, начав изучать теологию. Еще раньше лицензиатами стали его друзья-соседи, Пьер Фавр и Франциск Ксаверий. Получение лицензии, традиционно обставленное с большой пышностью, снова ввело всю компанию в немалые расходы. Кроме уплаты необходимых взносов и пошлин полагалось опять благодарить хорошей пирушкой и соучеников, и учителей. А церемония посвящения в магистры ударила по кошельку больше стократ. Лойола, подсчитав имеющиеся средства, отложил магистрат на год. Пьер Фавр «взял тайм-аут» и того дольше — на шесть лет. В отличие от них Франциск Ксаверий, сын состоятельных родителей, не имел материальных проблем и стал магистром буквально через несколько дней после получения лицензии. Он прочитал традиционную «первую лекцию» и получил академическую шапочку-биретту из рук своего учителя как знак того, что отныне он принят в «академическое братство профессоров». Кроме биретты новому магистру полагался диплом на пергаменте с большой печатью. Отныне он мог быть преподавателем в любой коллегии Парижа.

Нашему же герою пришлось снова затянуть пояс потуже и копить денежки. Но своей цели он добился. 14 марта 1535 года Лойола получил заветный диплом, о чем свидетельствует запись

в реестре Парижского университета: *Dominus Ignatius de Loyola, dioecesis Pampilonensis* (магистр Игнатий Лойольский из Памплонского диоцеза).

С этого момента он начинает именовать себя Игнатусом в официальных бумагах. В частных же письмах имя Иньиго будет встречаться еще долго. Подводя итог, следует отметить еще одно удивительное достижение Лойолы, относящееся к годам студенчества. Ему удалось полностью преобразить свой характер. Преодолев холерический темперамент, из горячего баска, Дон Кихота, мгновенно готового на гнев, крик и необдуманные действия, он постепенно превратился в сдержанного и осмотрительного мудреца. Те, кто познакомился с Игнатием Лойолой в позднюю пору его жизни, никогда бы не подумали, что этот сдержанный, отстраненный и в то же время властный и разумный руководитель огромной организации в молодости был самым отчаянным сумасбродом.

Вот такую великую победу одержал над собой храбрый рыцарь, посвятивший себя Христу. Теперь безвестный мавр из Страны Басков, которого наш герой когда-то чуть было не зарубил мечом, встретившись с ним, наверное, поддался бы убедительной логике его проповеди и уверовал бы наконец в непорочность Богородицы. Но и этим не оканчивается список достижений Лойолы в парижский период. Последним, и самым весомым, стала компания его новых друзей, с которыми он познакомился в Париже. Именно из них в будущем Игнатий Лойола сформировал ядро нового ордена.

Глава двадцатая

МОНМАРТР. ДРУЗЬЯ. СНОВА ИНКВИЗИЦИЯ

Это было удивительное братство будущих святых. Началось оно с троицы студентов, случайно попавших в одну комнату общежития и подружившихся: Лойола, Пьер Фавр и Франсиско де Хавьер. Несколько лет они прожили бок о бок, а потом выяснилось, что и дальнейший жизненный путь им предстоит пройти вместе. Всех троих впоследствии канонизировали.

Пьер Фавр (или Петрус Фабер, как звали его студиязусы), одаренный сын простого крестьянина, имел блестящий интеллект, и это позволяло ему с легкостью преодолевать любые науки. Вот только сделать карьеру с такой же легкостью у него не получалось из-за крайней бедности.

Человек простой и чистый сердцем, он сразу отнесся к Лойоле с симпатией. Опекал его, как более опытный в студенческом житье-бытье, помогал в освоении университетской премудрости. При этом, когда они познакомились, Пьеру и Франсиско было по 23 года, а «новичку Иньиго» — уже почти сорок.

Получив звание лиценциата в 1530 году, Пьер оказался перед трудным выбором: что делать дальше? Благодаря своей учености и трудолюбию он мог стать адвокатом, врачом или преподавателем. При всей широте выбора бедность продолжала мешать реализации его планов. Но еще больше угнетали Пьера мучительные поиски себя. Безуспешно он пытался понять, какое поприще предназначено ему от Господа, и не на-

ходил ответа. Несомненно, все это время Иньиго поддерживал его беседами. Возможно, именно он и сбил Фавра с обычного пути педагога или лекаря. Хотя любопытный, живой ум Пьера мог в своих духовных поисках выбрать пасторскую стезю и самостоятельно.

Ненадолго покинув Париж, чтобы уладить свои дела на родине, Фавр вернулся в январе 1534 года. Сразу же по приезде друга Лойола провел с ним духовные упражнения. Все происходило крайне серьезно: целый месяц Пьер жил в полном одиночестве в предместье Сен-Жак. Только Игнатий приезжал к нему в пустой дом наблюдать за ходом процесса.

Дело было зимой, морозы в том году стояли неслыханные. Сена замерзла настолько, что по льду переправлялись груженные телеги. У Фавра имелись дрова, чтобы отапливать комнату, но в порыве религиозного фанатизма он предпочел спать на этих поленьях в одной рубахе, кроме того, шесть дней практически ничего не ел.

Непонятно, как товарищ Иньиго остался жив. Видимо, помогло крепкое крестьянское здоровье. Когда Лойола узнал об этом, он строго отчитал своего послушника, очевидно, вспомнив собственную неумеренность в Манресе.

Духовные упражнения излечили бывшего студента от избыточной рефлексии. Он понял две вещи: во-первых, он должен служить Господу; во-вторых, его судьба и судьба Лойолы отныне тесно связаны.

Решился и практический вопрос выбора профессии. Теперь Фавр не видел для себя иного пути, кроме рукоположения. Таинство священства

он принял в мае того же 1534 года и стал первым священником в их компании.

Если Фавр согласился разделить путь с Лойолой сам, или почти сам, то второго соседа — Франсиско де Хавьера (Франциска Ксаверия) пришлось завоевывать с боем. Амбициозный наваррец намеревался сделать блестящую карьеру. По правде говоря, он имел все задатки для этого.

Родился он в богатой аристократической семье. Его мать оказалась наследницей сразу двух известных наваррских родов. Отец не был родовитым, зато получил докторскую степень в области юриспруденции, а затем стал тайным советником и министром финансов при дворе короля Жана III д'Альбре.

Поначалу красивый и даровитый Франсиско вовсе не желал отказываться от почестей и благ этого мира. Став магистром в 1530 году, он преподавал философию Аристотеля в коллегии Бове, будущее рисовалось ему в самых ярких тонах. Тем не менее пламенные речи Иньиго и та особая аура, которая окружала этого человека, сделали свое дело. Когда Франциск Ксаверий наконец согласился пройти духовные упражнения, коллегия Бове потеряла своего многообещающего преподавателя, зато католическая церковь приобрела нового святого, «апостола Индии», признанного самым успешным из миссионеров за всю историю. Только уговоры друзей заставили наваррца довести хотя бы учебный год до конца. Позднее он тоже принял священство, и сделал это раньше, чем Лойола.

В 1532 году к небольшому обществу присоединились еще двое кастильцев: Альфонс Саль-

мерон и Диего Лайнес. Это оказалось огромной удачей для будущего ордена. Лайнес, происшедший из семьи крещеных евреев, был отличным теологом и очень тонким дипломатом. Он славился как беспощадный логик и звезда диспутов.

Молодые люди раньше учились в Алькалад-Энарес, а в Париж приехали продолжать обучение. В своем прежнем университете они много слышали о скандальном баскском студенте Иньиго, за которым охотилась инквизиция. Причем правда, как это часто бывает, обросла небылицами. Испанские сплетники утверждали, будто бы Лойолу даже заочно приговорили к сожжению, а может, и сожгли его изображение.

Приехав в Париж и узнав, что тот самый Лойола учится здесь, Сальмерон и Лайнес решили отыскать его. Как и соседи по комнате, они тоже быстро нашли с Иньиго общий язык. Через пару лет приятельство переросло в глубокие доверительные отношения и Лойола решил преподать им духовные упражнения. Это произошло весной 1534 года, а чуть позже число посвященных рыцарей Господних умножилось еще на двух человек: португальца Симона Родригиша и кастильца Николаса Алонсо, уроженца города Бобадилья-дель-Камино.

Николас, которого друзья звали Бобадильей, тоже когда-то учился в Алькале. Приехав в 1533 году в Париж, он узнал, что есть некий студент Лойола, который щедро помогает неимущим собратьям. Отчего же не посмотреть на такого чудака? Алонсо разыскал Лойолу и пришел к нему, рассчитывая на какую-нибудь благоотво-

рительность. А Иньиго, воспользовавшись связями, и в самом деле устроил ему место регента в одной из коллегий. Впрочем, регентом молодой Бобадилья пробыл недолго, поскольку в 1534 году, после курса духовных упражнений, прикипел к группе Лойолы душой и сердцем. Так их стало шестеро, и, как показало будущее, этот маленький отряд стоил армии. Сами себя они называли «Друзья во Господе».

Вероятно, Лойола боялся потерять их, памятуя предыдущий опыт. К тому же дело, к которому они готовились, требовало полного самоотречения. Собственно, они избрали монашеский путь, но не хотели вступать ни в один из существующих орденов. Сам Игнатий уже решил для себя эту проблему, когда в духе своих любимых рыцарских романов самостоятельно провел ритуал посвящения Пресвятой Деве у статуи Черной Мадонны на горе Монсеррат. И сейчас, несмотря на долгие годы теологических штудий, в душе он остался тем же дерзким рыцарем, свято верящим в свои личные отношения с Богом и считающим себя вправе спасать мир, в том числе и Церковь, своими силами.

Именно этот рыцарский менталитет оградил святого Игнатия от пути еретика или протестанта. При всей кардинальной новизне Общества Иисуса во главу угла там ставится не какое-то новое учение, а беспрекословное служение, но не Церкви, а Христу и Его наместнику на земле — римскому понтифику.

Желая скрепить свое братство вечными узами, Лойола подвел товарищей к мысли о необходимости принесения монашеских обетов. По

большому счету они имели право сделать это, не уходя ни в какой монастырь. Ведь монахи любого ордена приносят свои обеты Богу, а не настоятелю.

Оставалось только выбрать «место силы». И им стал знаменитый парижский холм — Монмартр.

Мы привыкли воспринимать его через призму парижской богемы эпохи модерна. Ренуар, Ван Гог, Тулуз-Лотрек, Аполлинер, Анри Руссо; чуть позже Пикассо, Модильяни — целая радуга ослепительных имен...

В романе «Жажда жизни» американского писателя Ирвинга Стоуна есть прекрасное описание «классического» Монмартра:

«Когда они взобрались на вершину, перед ними открылся весь Париж — море черных кровель и церковных шпилей, вырисовывавшихся в утренней дымке. Сена рассекала город пополам, сияя, словно извилистая лента чистого света. Дома сбегали по склонам Монмартра и уходили вниз, в долину реки, потом вновь поднимались на высоты Монпарнаса. Чуть пониже ярко горел, будто подоженный солнцем, Венсенский лес. На другом краю города сонно темнела не тронутая лучами зелень Булонского леса. Три главных ориентира столицы — Опера в центре, собор Парижской Богоматери на востоке и Триумфальная арка на западе — высились, мерцая в утреннем свете, подобно огромным курганам, выложенным разноцветными камнями...»

Но изначальная семантика Монмартра совсем иная. Его название происходит от словосочетания «гора мучеников». Речь идет о пре-

свитере Рустике, диаконе Елевферии и самом известном из них — святом Дионисии. Эти люди жили в III веке от Рождества Христова. Они ходили, проповедуя христианство от Рима до Германии и Испании. Когда они переместились в Галлию, Дионисий, согласно преданию, стал первым епископом Парижа; тогда еще называемого Лютецией. Языческие власти города, начав преследовать христиан, схватили Дионисия с товарищами и обезглавили их на вершине будущего Монмартра. И тут произошло чудо. Обезглавленный Дионисий взял свою голову (в некоторых версиях легенды — ее верхнюю часть) и пошел к римскому поселению Катулиак, примерно в девяти километрах от места казни. Он дошел туда и умер. Благочестивая женщина погребла его тело, а впоследствии на этом месте основали аббатство Сен-Дени.

Выглядел Монмартр во времена Лойолы тоже не так, как описано у Стоуна. Здесь только что посадили виноградники и начали строить ветряные мельницы для помола гипса. В целом холм оставался довольно пустынным. В склоне то здесь, то там зияли отверстия входов в старую каменоломню, помнившую еще первых христиан. Единственной значительной постройкой был бенедиктинский монастырь с церковью Сен-Пьер-де-Монмартр — одно из старейших священных мест Парижа. Ее построили в XII веке по приказу Людовика VI на месте бывшего языческого храма, посвященного богу Марсу. Капище это разрушили еще в первые века христианства.

15 августа 1534 года выдалось в Париже обычным, ничем особо не примечательным днем.

Никому из парижан не было дела до шестерых студентов и одного священника. Компания собралась в небольшой часовне Богородицы на холме Монмартр в этот праздничный день Ее Успения.

— Хорошо, что у нас есть Пьер, — сказал Лойола. — Есть камень, с которого начнем строить. Он отслужит мессу.

— Помните, как он боялся совершать упражнения? — сказал Франсиско де Хавьер. — А потом так увлекся, что чуть не заморозил себя на смерть.

Фавр осторожными движениями одергивал рясу. Он еще не привык к новому одеянию...

Чуть позже молодой священник отслужил праздничную мессу, а потом все собравшиеся, включая его самого, принесли торжественные обеты. В то время как отец Пьер держал Гостию над патеной, они обещали Господу посвятить свою жизнь благу ближнего, живя в строгой бедности и подражая Христу. Все они также намеревались отправиться миссионерами в Святую землю. Если же им не позволено будет там остаться или если в течение года отплыть будет невозможно, то тогда все они пойдут к папе, в Рим, и предадут себя в его полное распоряжение, поскольку именно папа римский есть викарий Христа на земле. После этого все приняли Святое причастие.

Так группа Лойолы стала чем-то большим, чем просто дружеский кружок. Обязательства, принятые на себя перед лицом Господа, пребывающего в Святых Дарах, уже никто не мог отменить. Соединяясь над Чашей в часовне Богороди-

цы, молодые люди окончательно и бесповоротно изменили свою жизнь, став друг другу «общниками», больше, чем братьями.

Давая обещания, они вовсе не собирались создавать новый монашеский орден. Они даже не решили, останутся ли вместе навсегда.

Но монмартрские обеты вошли в историю как первый камень будущего здания Общества Иисуса.

После этого события жизнь Лойолы внешне оставалась прежней. Ранним утром, практически на рассвете, он уходил в доминиканский монастырь — слушать лекции по теологии, которую читали для братьев. Занимались там по Библии и «Сентенциям» Петра Ломбардского — базовому учебнику католического богословия. Также Иньиго посещал лекции, читаемые францисканцами.

А ведь всего восемь лет назад, в Алькале, начинающий студент откровенно манкировал занятиями, считая, что дела милосердия, экстаз и медитация смогут возместить недостатки образования. Теперь Лойола существенно изменил свое мнение. Он убедился, что «для правильного суждения (*sentido*), которое мы должны иметь, находясь в Церкви», проповедник обязан «...восхвалять положительное и схоластическое богословие. Ибо учителям положительного богословия, например святому Иерониму, святому Августину, святому Григорию и другим, свойственно пробуждать в сердцах чувство любви к Богу, Господу нашему, и желание во всем служить Ему. Также схоластикам, как, например, святому Фоме, святому Бонавентуре и Петру

Ломбардскому и другим, свойственно определять и объявлять вещи, необходимые для вечного спасения, в соответствии с нашим временем и для лучшего опровержения и выявления всех заблуждений и всех обманов».

Это — строки из «Духовных упражнений». Исследователи относят их к парижскому периоду. Получив наконец хорошую базу знаний, бывший самоучка отредактировал и усовершенствовал плод своих озарений, снизошедших на него в манресской пещере. В этом отрывке видна не только хорошая богословская эрудиция, но и забота автора об актуальности своего труда. Во фразе «в соответствии с нашим временем» уже угадывается будущая тактика иезуитской гибкости и приспособления к меняющимся нуждам Церкви.

Теология стала для него языком, необходимым для разговора на равных с духовенством, как бы более высоким уровнем латыни. Теперь его самобытные мысли уже не вызывали у богословов недоверия. При этом харизма Лойолы никуда не исчезла. Просто сменилась публика. Вместо восторженных дам, которые ничего не решали, лишь в лучшем случае могли дать денег, появились восторженные святые отцы. А от них-то уже зависело в XVI веке довольно много. Кандидо Далмасес отмечает ораторский талант Лойолы, позволявший ему «...высказываться по богословским вопросам с таким знанием дела, что это привлекало внимание даже более ученых людей, чем он сам». Поланко, секретарь Лойолы, также писал о поклонниках своего начальника в среде известных богословов: «Нечто

любопытное произошло с доктором Марсиалем [Мазурье]. Когда Иньиго не был еще бакалавром искусств, доктор предложил сделать его доктором теологии, сказав, что, поскольку Иньиго учит его, доктора, было бы только справедливо присвоить ему ту же степень, и он думает, как бы сделать его доктором».

На самом деле степень доктора богословия никак не могла достаться Лойоле. Для ее получения требовалось погрузиться в науку с головой на целых 12 лет, а он не мог потратить столько времени на учебу, поскольку видел свою цель в другом. Конечно, пройдя такой длительный и трудный путь, Игнатий давно пересмотрел свою изначальную наивную мечту стать святым. Перед ним стояли куда более конкретные задачи — он видел критическое состояние Церкви и брожение умов современного ему общества. Да и Святая земля больше не представлялась раем, но лишь нивой, требующей возделывания. Оставалось лишь выяснить, куда именно Господь пошлет его и его общников.

Они планировали покинуть Париж и собраться в Венеции, ибо оттуда отходили корабли в Святую землю. Общники договорились ждать возможности отплытия не больше года. Если за это время паломничество так и не сложится, они примут это как знак от Бога и пойдут к его наместнику на земле — папе, предлагая себя для служения.

В 1535 году у Лойолы вновь обострились проблемы со здоровьем. Судя по «Автобиографии», «...каждые 15 дней его мучила боль в желудке, продолжавшаяся целыми часами, из-за которой у

него начиналась лихорадка. Однажды боль в желудке продолжалась у него 16 или 17 часов кряду». Беда усугублялась неустроенностью студенческого быта. Принимая во внимание характер болезни Иньиго, он нуждался в особом режиме питания, в полном спокойствии, да и гигиенические возможности общей клетушки общежития оставляли желать лучшего. Стало ясно: если все останется как есть, то желудочные колики сведут Лойолу в могилу. Друзья предложили своему руководителю сменить место жительства. Например съездить на родину.

Перед самым отъездом внезапно выяснилась неприятная вещь: инквизиция снова заинтересовалась неугомным баском. Поговаривали, будто Лойола переполнил чашу терпения ректоров, магистров и инквизиции, в открытую устроив какую-то секту, и теперь уж ему точно не отвертеться, ибо процесс против него уже открыт.

Инквизитор Парижа Валентен Льевен из ордена проповедников, как некогда его предшественник Матео Ори, действительно получил ряд жалоб. Правда, как и его предшественник, он не счел нужным реагировать. Лойола официально занимался теологией в доминиканском монастыре, выказывал «великое усердие», и его преподаватели вполне могли бы дать ему наилучшую характеристику. Кроме того, Льевен и без этих свидетельств знал Лойолу как страстного и убежденнейшего католика. Тот неоднократно приводил к нему людей, прежде склонявшихся к протестантизму, но потом под влиянием Лойолы и «друзей во Господе» изменивших свою точку зрения. Эти люди во множестве приходили к инкви-

зитору, чтобы официально покаяться и отречься от прежних еретических взглядов.

Учитывая вышесказанное, Валентен Льевен не торопился верить новым наветам, но Иньиго все равно волновался. Ведь, собираясь уезжать, он оставлял в Париже друзей и не хотел, чтобы их привлекли к ответу вместо него. Кроме того, слухи и сплетни вокруг его имени уже надоели. Парижане, не желая вникать в реальную историю взаимоотношений между Лойолой и инквизицией, продолжали раздувать из мухи слона и злословить.

Игнатий поступил по своему обыкновению. Он отправился к Валентену и прямо спросил, какие обвинения против него выдвигают и что намерен предпринять по этому поводу господин инквизитор. Тот признал: доносы действительно имеются. В последнее время довольно многие рассказывали, будто лицензиат Лойола совращает людей при помощи некоей книжечки, которую сам написал специально для подавления воли других. Доминиканец Льевен, принадлежавший к ордену, почитавшему ученость, весьма заинтересовался таинственной книжечкой и попросил ознакомить его с указанным опусом. Иньиго отдал доминиканцу экземпляр «Духовных упражнений» и отправился восвояси.

Брат Льевен, прочитав записи, «крепко их похвалил и попросил паломника оставить ему копию, что тот и сделал». Инквизиция официально вынесла одобрение «Духовным упражнениям», но Иньиго это не устроило. Ведь подобная история с подозрениями, судом и оправданиями уже случалась с ним, причем не один раз. Пускай

его всегда оправдывали, а свои тюремные заключения и страдания он посвящал Господу, но мазохистом-то Лойола точно не являлся. И тратить силы и время на постоянные разбирательства ему совершенно не хотелось.

Поэтому Иньиго потребовал у Валентена доведения процесса до логического конца. Если есть доносы, пусть состоится официальный суд и инквизиция официально же подтвердит, что в литературном труде магистра Игнатия Лойольского не обнаружено ничего ошибочного или еретического. Льевен, испугавшись большой мороки, отказался от такой идеи. Тогда упорный Лойола пришел к инквизитору вместе с нотариусом и настоял, чтобы слова Валентена Льевена об отсутствии претензий у святой инквизиции к магистру Лойольскому и его друзьям были тщательно запротоколированы и засвидетельствованы. Лишь после этого он успокоился и начал готовиться к отъезду. Стоит заметить, что услуги нотариуса, а тем более «выезд специалиста» стоили в Париже недешево, но Лойола решил, что этот шаг положительно необходим.

Глава двадцать первая

ПРОРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

Вернемся к здоровью нашего героя. Страшные желудочные боли мучили его всю жизнь, заставляя иногда проводить по многу дней в постели. К сожалению, диагностика в XVI веке оставляла желать лучшего, и определили болезнь святого Игнатия лишь после смерти, произведя

вскрытие. Всю жизнь он страдал вовсе не от желудка, а от холелитиаза — желчнокаменной болезни. Сейчас одной из причин ее возникновения считают резкое снижение массы тела. Это как раз подходит для случая Лойолы, который до своего обращения был аристократом и гедонистом, а потом принялся морить себя голодом с упорством, достойным лучшего применения.

Несмотря на тяжелую запущенную болезнь, Игнатию удалось прожить довольно долгую жизнь — более шестидесяти лет*, причем прожить крайне активно.

Но в 1535 году здоровье будущего святого находилось в глубоком кризисе. Врачи, отчаявшись вылечить его, поддержали советы друзей поехать на родину. Вдруг родной воздух поможет? Да и климат Парижа не считался особенно здоровым.

Вполне возможно, лекари просто решили сбавить безнадежного и нищего больного с глаз долой. А вот соратники Лойолы очень обрадовались этому решению. Сами они совершенно не собирались возвращаться в Испанию и попадать на глаза своим родственникам. Но кое-какие семейные дела нуждались в решении. Поэтому будущие иезуиты поручили их своему наставнику — в конце концов, он ведь нес ответственность за тех, кого обратил.

Одобрил решение врачей и сам Игнатий. Более того, он начал собираться в дорогу с огромным энтузиазмом, преодолевая боль, и она, словно испугавшись, немного отступила. Лойо-

* Дата рождения Игнатия Лойолы традиционно считается примерной, хотя есть доказательства ее подлинности.

ла нигде не упоминает причину, по которой он вдруг так сильно захотел увидеть родные места. Невозможно предположить, что его вдруг охватила ностальгия. Это шло бы вразрез с его собственным учением, в котором все чувства строго подчинялись общей идее служения Господу. Его секретарь Поланко высказывает предположение, очень похожее на истину: «Игнатий хотел провести какое-то время в Аспейтии, чтобы апостольскими делами исправить тот дурной пример, который подавал в юности»*.

В юном возрасте наш герой святостью не отличался и даже попал в тюрьму за какое-то «озорство», скорее всего за пьяную драку. Правда, нельзя сказать, что подобные «мужские забавы» сильно портили людям репутацию. Лойолу уважали на родине. Когда он собрался уйти из дома, старший брат просил «не оставлять народ, который на него надеется». Да и прекрасное отношение герцога Нахеры, готового взять почти калекку на хорошую должность поручика, не подлежит сомнению.

В общем, репутация Иньиго Лойолы на родине вовсе не считалась запятнанной, несмотря на грехи юности. Только она не вписывалась в биографию Игнатия, будущего святого, которую он сам создавал столь же непреклонно, как когда-то отстаивал Памплонскую крепость. Поэтому он так спешил появиться на родине в новом обличье.

Будущие иезуиты договорились встретиться в Венеции. Лойола должен был приехать туда после посещения родных мест, а его товарищи со-

* *Cándido de Dalmases*. El Padre maestro Ignacio: breve biografía ignaciana / Пер. В. Басмовой.

бирались еще немного позаниматься теологией в Париже. Они планировали покинуть Францию в День обращения святого Павла, 25 января 1537 года. Однако давние противники — Франциск I и император Карл V — снова начали воевать, и оставшимся пришлось уехать раньше — в середине ноября 1536 года.

Вернемся к «каникулам» святого Игнатия.

В начале апреля 1535 года наш герой выехал из Парижа верхом на лошади, купленной почитателями. Едва парижские стены скрылись за горизонтом, как мучительные боли начали утихать и на подъезде к Байонне, городу возле гипускоанской границы, исчезли совсем.

В Байонне жил французский капитан, который когда-то накормил Лойолу ужином, вместо того чтобы пытаться, как шпиона. Но узнал будущего святого не он, а торговец мясом Хуан де Эгитар, который остановился на том же постоялом дворе в Итурриосе. Этот дом сохранился до наших дней.

Первой обратила внимание на необычного постояльца жена хозяина гостиницы, а после уже мясник*, снedaемый любопытством, заглянул в дверную щель и увидел Игнатия, истово молящегося на коленях. Он тут же поехал в Аспейтию и сообщил сеньору родового замка Лойола, Мартину, о появлении исчезнувшего брата.

* Несмотря на род своих занятий, Хуан де Эгитар был богатым и известным человеком. Впоследствии он вместе с женой Марией де Сумистаин создал фонд помощи бедным и благочестивые супруги первыми стали заведовать «ящиком для пожертвований», который придумал Лойола.

Скорее всего, Игнатий тоже узнал мясника. Во всяком случае, он заметил раскрытие своего инкогнито и, перейдя границу, тут же свернул с хорошей прямой дороги, ведущей в Аспейтию, на уединенную горную тропу. Ехать спокойно ему пришлось недолго. Навстречу вышли два человека, вооруженные до зубов. Они крайне внимательно начали разглядывать путника, чем не на шутку того испугали. Он помнил с детства, что на этой тропе частенько орудуют разбойники. Однако они прошли мимо, а потом почему-то побежали за ним.

Скорее всего, Лойола, будучи верхом, мог бы уйти от преследования пешеходов. Правда, горные тропы бывают непригодны для скачки. Но, вероятно, он, бывший офицер, устыдился своей трусости и не обратился в бегство, а остановился и заговорил с преследователями. Они оказались вовсе не разбойниками, а слугами старшего брата. Мартин Гарсия де Лойола послал их, строго-настрого приказав найти непутевого младшего брата и привести его домой.

Несмотря на оружие, им не удалось добиться своего. Игнатий наотрез отказался идти в отчий дом. Вместо этого он приехал в госпиталь Святой Магдалены, куда и вела горная тропа. Это богоугодное заведение располагалось почти у самого въезда в Аспейтию. В документах осталась не вполне точная дата заселения туда путника — пятница апреля 1535 года, пять часов вечера.

О визите Лойолы на родину сохранилось множество воспоминаний самых разных людей. Они дошли до нас благодаря процессу беатифика-

ции, произошедшей в Аспейтии в 1595 году, когда многие из свидетелей еще оставались в живых. Среди них — служанка управляющего госпиталем, Доминга де Угарте, соседка Лойола Каталина де Эгибар и родная племянница Игнатия, Потенсиана де Лойола.

Все свидетели упоминали о колоссальном давлении, оказываемом Мартином на возвратившегося брата. Сеньор родового замка, он упорно пытался переубедить «опустившегося» родственника и вернуть его под отчий кров. Несмотря на постоянные уговоры и даже угрозы, Игнатий отказывался появляться в родном доме и не принимал помощи от брата. Он жил, собирая подавание, причем подавали очень много. Ему удавалось серьезно помогать местным нищим. Сам он жил в крайней строгости, носил власяницу и спал на земляном полу.

Все свободное от работы в госпитале и сбора подаяния время Лойола тратил на проповеди и обучение детей. В самом начале старший брат жестоко осмеял эту идею, говоря: «Никто не придет к тебе учиться». Игнатий ответил, что ему будет достаточно даже одного человека. В итоге к нему, как и ранее в других городах, стекались толпы. В конце концов Мартин не выдержал и тоже оказался среди слушателей своего удивительного брата.

Поначалу Игнатий проповедовал в святылище госпиталя и в приходской церкви, но стены быстро перестали вмещать всех желающих, и проповеднику пришлось залезать на толстое вишневое дерево и вещать оттуда.

О чем же он говорил? Прежде всего обличал

пороки общества, как и в самом начале своей карьеры, будучи пассажиром корабля «Негрона». Но в отличие от венецианских матросов жители Аспейтии реагировали на критику подобающим образом и начинали каяться в грехах. Кандидо де Далмасес пишет: «Он критиковал один порок, свойственный женщинам из упомянутых городов, — их привычку носить желтые шляпки и светлые волосы (*tocas amarillas y cabellos rubios*). Тут же во время проповеди они покрыли себе головы и горько заплакали».

Придирки Лойолы могут показаться странными и мелочными, но под женскими головными уборами в Аспейтии подразумевались очень важные вещи. Незамужние девушки там ходили только с непокрытой головой, а выйдя замуж, начинали носить головные уборы. Во время визита Лойолы участились случаи внебрачного сожительства, при которых женщины покрывали голову, считаясь замужними де-факто. Некоторые дамы считали возможным жить с мужчинами без венчания всю жизнь, так и ходя с покрытой головой, будто вступившие в брак.

Оценив размер бедствия, Игнатий пошел к губернатору и добился издания закона, который бы запрещал покрывать голову женщинам, живущим во грехе. Разобравшись с блудницами, наш герой придумал еще одно нововведение: ежедневный полуденный колокольный звон. Он призывал всех слышащих его преклонить колени и дважды прочесть «Отче наш». Первый раз — ради раскаяния всех пребывающих в смертном грехе, а второй — за то, чтобы «нам самим не впасть в тяжкий грех ненароком». Позд-

нее, опять же с помощью губернатора, Игнатий боролся с игорным бизнесом, организовав массовое публичное утопление игральных карт в водах Уролы. Вникнув глубже в жизнь родного города, неутомимый проповедник обнаружил множество неимущих, которые стеснялись просить милостыню. Он снова пошел в городской совет и добился появления в Аспейтии постоянно действующего фонда — так называемого «ящика для бедных».

Как Лойола ни стремился избежать визита в отчий дом, ему все же пришлось побывать там. Правда, уже не по настоятельному приглашению Мартина, но по отчаянной просьбе его жены, той самой богобоязненной Магдалены де Араос, которая стояла у истоков чудесного обращения нашего героя. Это она когда-то принесла раненому офицеру жития святых вместо рыцарских романов.

Сначала Магдалене также не удалось убедить своего упрямого деверя, но когда она решилась рассказать причину, Игнатий тут же согласился прийти и воскликнул: «Ах вот оно что! Да ради этого я пойду не только в Лойолу, но и куда угодно».

Речь шла о любовнице одного из родственников, живущего в замке. Эта женщина ходила туда через потайную дверь каждую ночь. И вот однажды она встретила на своем пути знаменитого проповедника.

— Что вам здесь нужно? — спросил он со всей своей убедительностью. Женщина, растерявшись, рассказала все как есть.

— Сегодня вы не будете грешить, — тихо, ста-

раясь не поднимать шума, сказал Лойола. Потом взял ее за локоть, отвел в пустую комнату, приготовленную Магдаленой, и запер дверь на ключ изнутри. — Вы так сильно любите его, что даже не боитесь нанести оскорбление Господу?

— Да! Я люблю его! — Она беззвучно заплакала.

...Мы не знаем, как на самом деле происходил их разговор. После встречи с Лойолой она больше не грешила. Неизвестно также, как сильно в тот момент пришлось бороться с искушением самому Игнатию. Молодая красивая женщина находилась в его власти всю ночь. Она не могла закричать, скрывая свое присутствие в замке, а он имел бешеный темперамент и всего 44 года от роду...

Сам Лойола упомянул об этом эпизоде лишь один раз, долгие годы спустя, в беседе со священником Педро де Табларесом. Кандидо де Далмасес описывает эту беседу так: «Когда он сказал: “Я отвел ее в свою комнату”, Табларес заметил: “Я бы этого не сделал”. Отец же ответил: “Я сделал это, потому что знал, что смогу”». Как будто сожалея о сказанном, Игнатий закончил словами: «Да простит вас Бог за то, что вы заставили меня рассказать то, о чем я не хотел рассказывать».

Одержимый целью заместить в памяти соотечественников свои дурные поступки, совершенные в юности, благочестивыми, Игнатий не знал усталости. Ему даже удалось примирить давних врагов — приходскую церковь Аспейтии и женский монастырь Непорочного Зачатия, два учреждения, расположенные фактически

на одной территории, в ста шагах друг от друга. Основали монастырь кузина Лойолы Мария Лопес де Эмпаран с подругой. Церковь же считалась частью родового имения испанской короны. Неудивительно, что сестры постоянно подвергались притеснению по поводу права их монастыря служить мессы, читать проповеди, отправлять погребальные службы и другие обряды. Настоящий скандал разгорелся на похоронах известного музыканта, королевского капельмейстера Хуана де Анчеты. Он всячески покровительствовал этим монахиням и завещал похоронить его на территории монастыря, но приходские священники, буквально силой отняв тело музыканта, похоронили его сами. Шум дошел до Римской курии, и сестры оказались в состоянии войны не только со всем городом, но и конкретно с семьей брата Игнатия, поскольку род покойного Анчеты традиционно враждовал с родом Лойола.

Нашему герою удалось заставить врагов подписать документ о примирении. По словам Кандидо де Далмасеса, «первым свидетелем, подписавшим документ, был “Ynigo”».

Итак, за три месяца он успел сделать фантастически много. Только дела, ради которого он ездил на родину, совершить ему не удалось. Здоровье Лойола не поправил. Поначалу в Аспейтии он чувствовал себя превосходно, но чем дальше, тем ему становилось хуже. Привычным усилием воли он заставил себя собраться и поехал развозить письма родственникам своих товарищей, как обещал.

Летом 1535 года Лойола побывал в наварр-

ской деревне Обанос, где жил брат Франциска Ксаверия, капитан Хуан де Аспиликуэта, и передал тому письмо. В послании брату Франциск рассыпался в похвалах Игнатию, о котором шло столько пересудов и кривотолков, и к тому же просил денег, «чтобы помочь мне в моей крайней нужде». Неизвестно, как отреагировал brave капитан, но, зная Лойолу, можно предположить, что общий язык был найден и деньги получены. Также наш герой съездил в Сорию к отцу Диего Лайнеса и в Толедо — родной город Сальмерона. Путь будущего святого лежал через Мадрид, где он каким-то образом встречался с восьмилетним принцем Филиппом, будущим королем Испании. Позднее, в 1586 году, монарх вспомнил об этой встрече, рассматривая портрет Лойолы, написанный художником Алонсо Санчесом Коэльо.

Глава двадцать вторая

О БОЛОНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ И НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОГРАММИРОВАНИИ

Как мы помним, друзья, связанные монархическими обетами, договорились встретиться в Венеции в начале 1537 года. До этого срока оставалось еще немало времени, которое Лойола решил посвятить совершенствованию в богословии. Для этой цели он избрал Болонский университет.

Это старейшее в Европе учебное заведение имело интересные особенности. История его по-

явления уходит корнями в XI век, когда жил и преподавал глоссатор* Ирнерий (около 1050 — после 1125), и еще дальше в глубь веков, к времени правления Юстиниана Великого, византийского императора, создавшего *Corpus juris civilis* — Свод гражданского права. Именно Ирнерий (его имя также транскрибируется как Варнерий, Вернерий или даже Гарнерий) основал в Болонье правоведческую школу, ставшую впоследствии университетом.

От прочих высших учебных заведений Европы Болонский университет отличался властью студентов (*universitas scholarium*), а вовсе не профессоров (*universitas magistrorum*), как это было принято повсюду. Профессора избирались студентами на строго определенный срок, причем им запрещали преподавать в иных местах. Болонский профессор полностью зависел от своих учеников, не имел никакого особого статуса, кроме таланта и харизмы. Тем не менее преподавать туда шли охотно, университет процветал, заставляя расти и развиваться город, наполняемый приезжей молодежью со всех концов Европы.

Двери университета были открыты и для жен-

* Глоссаторы (от др.-гр. *glossa*) — юристы (доктора права или студенты), занимавшиеся римским правом в средневековой Европе в рамках традиции, развитой в Болонском университете. Школа права глоссаторов была распространена в Италии, Франции и Германии в XI—XIII веках. Результаты работ всей школы глоссаторов были соединены в одно целое Аккурсием, написавшим общий комментарий к Юстиниановым сборникам под заглавием *Glossa ordinaria*.

щин, причем их даже допускали к преподаванию. Дочь юриста Аккурсия, Дота д'Аккорсо, удостоилась степени доктора права еще в XIII веке, сохранились в летописях имена и других известных женщин-юристов.

Итак, Болонский университет специализировался по праву, а вовсе не по теологии, как Парижский. Чем же он привлек Лойолу? Очевидно, своей связью со Святым престолом, служить которому напрямую собирались будущие иезуиты. Папы поддерживали университет в его спорах с городским начальством Болоньи уже с XIII века. В обмен на эту помощь римский понтифик получал определенную власть над учебным заведением. Все экзамены и выдачу дипломов строго контролировал от его имени болонский архиепископ.

Игнатия снова ожидало морское путешествие. На этот раз скиталец отплыл не из Барселоны, а из Валенсии, хотя Барселону он, скорее всего, тоже посетил. Иначе когда бы он смог договориться со своими благодетельницами о переводе денег в Италию, на завершение образования? Такие дела письменно не делаются, а получить помощь ему удалось, это известно доподлинно.

Как и во все предыдущие разы, многочисленные доброжелатели хором отговаривали путешественника от поездки. На этот раз пугали турецким пиратом, Хайр-ад-Дином по кличке Барбаросса, свирепствовавшим по всему Средиземному морю. Разумеется, Лойола не обратил на предупреждения никакого внимания.

Судьба избавила его от встречи с пиратом, но разразившаяся буря сломала руль корабля. Видя неизбежность кораблекрушения, все начали

готовиться к смерти. Игнатий очень переживал, что умрет и не сможет завершить начатое дело. Но корабль не затонул и достиг гемузского порта. Далее Лойоле пришлось идти пешком, поскольку денег от барселонских дам он при себе не имел.

Дорога оказалась не только долгой, но и запутанной. Приходилось идти кружным путем почтовых лошадей. Путник преодолел горный перевал Ченто-Крочи, долго шел берегом реки Таро. Пересекая Апеннины, он заблудился и забрел в очень узкое и неудобное место. Вернуться назад не представлялось возможным, а вперед получалось двигаться только на четвереньках. Впоследствии Лойола назвал это приключение самой утомительной из телесных мук, какие ему только пришлось пережить. Вспомнив, что сравнил он свое застревание в горах с пилением костей без наркоза и непереносимыми болями в желчном пузыре, можно предположить у нашего героя клаустрофобию.

Преодолев Апеннины, Игнатий оказался на древней римской дороге, ведущей прямо в Болонью. Скоро вдаль показались ее знаменитые башни. Казалось бы, приключения остались позади, но не тут-то было. Уже входя в город, будущий святой оступился и упал в глубокий ров, наполненный помоями. Как назло, это случилось при большом скоплении народа, и спасение превратилось в публичный аттракцион. Городские рвы в то время отличались зловонием. Можно представить себе, во что превратилась одежда магистра искусств и каким оглушительным смехом встретила его не особенно церемон-

ная итальянская публика. О том, чтобы после такого проповедовать на улицах, не могло быть и речи. Лойоле даже не хотели подавать на хлеб. По собственным воспоминаниям, «он стал просить милостыню, но не получил ни единого куатрина, хотя обошел весь город».

Этот факт сильно удивлял современников Игнатия, поскольку речь шла о «таком большом, богатом и щедром городе». Очевидно, при всех своих возможностях и связях с папой Болонья чем-то не подходила для нашего героя. Из трудной ситуации он выпутался, разыскав коллегия Святого Климента. Это заведение основал кардинал Хиль де Альборнос специально для испанских студентов. Там встретились знакомые или просто слышавшие о нем, и несчастный скиталец наконец получил пищу и пристанище в студенческом общежитии. А тут и подоспели 12 эскудо от Исабель Росер.

Учиться в «испанской» коллегии не входило в планы Лойолы. Едва набравшись сил, он предпринял попытки подобраться к Болонскому университету. Примерно к Рождеству у него получилось преодолеть все организационные трудности. Игнатий уже собирался приступить к учебе, как вдруг его подкосила новая болезнь. На этот раз — лихорадка, с которой он пролежал в постели неделю, не зная, выживет ли. В конце концов пришло выздоровление, но Лойола твердо уверился во вредоносности болонского влажного климата и решил срочно покинуть город, так и не поучившись в знаменитом университете. В последних числах декабря 1536 года он ушел в Венецию.

Этот, уже третий, визит нашего героя в город

лагун и каналов оказался удачнее предыдущих. Лойоле даже не пришлось искать себе жилье — его почти сразу позвали «в дом одного человека, который был очень ученым и добрым». Исследователи считают: речь шла об Андреа Липомано, приоре Тринита и одном из будущих спонсоров Общества Иисуса. Помимо его помощи и постоянной поддержки Исабель Росер, Игнатий получал деньги от архидиакона Барселоны Хайме Кассадора.

Оставалось поправлять здоровье и ждать соратников, но бешеная энергия Лойолы требовала немедленного выхода. Разумеется, он быстро нашел, чем себя занять. Не прошло и месяца после переезда, как он уже проводил духовные упражнения с разными людьми. Среди его венецианских учеников были некий испанец по имени Росас; еще один испанский священник по имени Диего де Осес; знатный клирик Пьетро Контарини, прокуратор известного госпиталя неизлечимых; викарий Джеронимо Вералло, папский нунций.

Собственно, схема деятельности Игнатия в Венеции ничем не отличалась от других городов, где ему приходилось жить, за исключением явного расширения состава обращенных. Теперь он не ограничивался соотечественниками и студенчеством, привлекая к своим духовным тренингам весьма высокопоставленных итальянцев. Собственно, тайная власть иезуитов над миром, о которой пишут их противники и с уважительной иносказательностью упоминают сторонники, произросла из этого глубоко личного влияния Игнатия и его последователей на сильных

мира сего. Вспомним, что одно из главных отличий Общества Иисуса от других монашеских орденов состояло в прямом подчинении папе, минуя нижестоящие чины в лице епископов. И в свой третий приезд в Венецию Лойола начинает активно прорабатывать сливки общества, подготавливая триумфальное шествие своего будущего ордена.

Возникает самый интересный вопрос: да, Игнатий и остальные иезуиты умели выбирать «клиентов» повлиятельнее, дабы потом их руками вершить свои дела. Но чем же они могли «заманить в свои сети» влиятельных людей, которые уж точно не были слабохарактерными простаками?

На этот вопрос мы, скорее всего, не сможем получить точного ответа, даже если докопаемся до каких-либо секретных документов ордена. Вопрос этот интересует многих на протяжении всего времени существования Общества Иисуса. Еще при жизни Лойолы родилась легенда о таинственной «книжечке», с помощью которой можно подавлять волю других. Его враги искали сей литературный труд, дабы сразиться с иезуитами их собственным оружием, но, ознакомившись, не находили вреда. И большевики, захватившие власть в России в 1917 году, сильно интересовались нашумевшим трактатом создателя Общества Иисуса. Досушие языки болтают, будто бы В. И. Ленин специально изучал испанский язык, чтобы овладеть иезуитским секретным методом манипуляции массами, но, ознакомившись с трудом Лойолы, фанатичного христианина, разочаровался...

Есть интересная версия, которая может объяснить и феномен сильного действия, которое оказывали «Духовные упражнения» на людей, и весь негативный ореол, сложившийся вокруг ордена, созданного святым Игнатием. Гениальный метод Лойолы, явившийся ему в манресской пещере, весьма схож с современным направлением в психотерапии и практической психологии. Направлением действенным, но не признаваемым академическим сообществом. Речь идет о нейролингвистическом программировании, сокращенно НЛП.

Разработанное во второй половине XX века группой психологов, оно быстро приобрело огромную популярность и тут же было жестко раскритиковано. Причем одни из критиков говорили о неэффективности метода, называя его шарлатанством. Другие же, наоборот, видели в нем опасную силу и ставили вопрос об этичности его применения.

Не давая никакой оценки этому сравнению, скажем только, что любая сила может стать опасной, это не повод отказываться от нее, но повод лишний раз задуматься о своей ответственности.

Что же касается версии о Лойоле как о первооткрывателе НЛП, то некоторые параллели провести действительно можно. Вот как формулирует суть своего метода один из создателей этой современной психотехники Джон Гриндер: «НЛП для меня, как одного из людей, создавших его, — это искусство моделирования совершенства: выявлять людей, которые делают что-то очень хорошо, узнавать у них, как же они это

делают, причем зачастую используя огромное количество бессознательных знаний, и в конце концов — создать четкую репрезентацию опыта, закодировав его и составив описание, понять, в чем же разница между возможностью делать что-то совершенно и делать то же самое обычным способом».

Нейролингвистическое программирование основано на технике моделирования (копирования) вербального и невербального поведения людей, добившихся успеха в какой-либо области, и наборе связей между формами речи, движением глаз, тела и памятью.

Не за этим ли Иньиго в самом начале своего обращения скрупулезно изучал жития святых, с наивной буквальностью подражая им?

А вот как определяет суть «Духовных упражнений» Лойолы Генрих Бёмер в своей «Истории ордена иезуитов»: «...маленькая, совсем незаметная книга, которая, несмотря на свои небольшие размеры, принадлежит к числу книг, оказавших большое влияние на судьбу человечества, которая перепечатывалась бесчисленное количество раз и породила более четырехсот комментариев, основная книга иезуитов и в то же время резюме долгого внутреннего развития их учителя...»

И далее еще больше по теме: «...Игнатий знал, что сила воображения оказывает такое воздействие на волю только в том случае, если видения самостоятельно возникают в сознании человека, или если, в случае искусственного привнесения их извне, фантазия вынуждена воссоздавать их. Потому-то он и налагает на посвященного труд-

ное обязательство создавать в самом себе [...] определенные образы без использования каких-либо внешних средств. Однако Игнатий отдавал себе отчет в том, что очень немногие люди способны самостоятельно сделать это. [...] Он предлагает неопиту сначала представить себе вполне реальную определенную местность, затем поместить в ней образы конкретных лиц и, наконец, проиграть целую драматическую сцену, то есть заставить говорить и действовать тех лиц, которых он видел. Но в то же время он советует не останавливаться слишком долго на композиции каждой картины...»

Здесь легко узнается «импринт-метод», с некоторыми элементами «логических уровней», «личностной истории», «пороговых» и «субмодальных» техник НЛП. Лойола даже обращает внимание на развитие визуальной модальности у тех, кто не склонен к подобному виду мозговой деятельности. Но при всей схожести методов есть серьезная разница в задачах. Психологов XX века интересовала модель «человека успешного», тогда как святого Игнатия — модель идеального христианина. Поэтому-то орден иезуитов прогремел на весь мир именно тогда, в XVI—XVIII веках, когда христианская закваска еще доминировала в умах европейского общества. Сегодня миром правят несколько другие ценности и Общество Иисуса при всей своей активности не слишком выделяется из других католических монашеских орденов.

Но метод Лойолы действительно являлся сильнодействующим средством, вне зависимости от гениальности и харизматичности его создате-

ля. Прямое доказательство тому — расцвет ордена, продолжавшийся спустя годы после смерти основателя.

Глава двадцать третья

КОМПАНИЯ ИИСУСА

Итак, Лойола ожидал своих «общников» в Венеции и развил бурную деятельность, очаровывая одних и раздражая других. В числе последних оказался Джанпьетро Караффа, один из основателей ордена театинцев. Официально эта организация называлась «Конгрегация регулярных клириков Божественного провидения», а ее народное прозвание происходило от города Театы, где Караффа служил епископом.

Своими особенностями этот орден немного походил на будущее Общество Иисуса. Он состоял из священников, которые не давали специальных монашеских обетов и не уходили от мира. Задачи, которые театинцы ставили перед собой, тоже не могли не волновать Лойолу. Последователи Караффы боролись с ересями, призывали духовенство к обновлению жизни и занимались миссионерством.

Сам Караффа являлся очень крупной фигурой в церковном мире. Вскоре после приезда Игнатия в Венецию он стал кардиналом, а позднее — в 1555 году — папой римским Павлом IV.

Надо отдать должное Лойоле: несмотря на «иезуитскую» гибкость и дипломатичность, он никогда не поступался своими принципами даже в мелочах. Имея колоссальную интуицию, Игна-

тий, конечно же, видел потенциал этого выдающегося человека и пользу от хороших отношений с ним, но не побоялся вступить с ним в спор и настаивать на своем. Разногласия возникли из-за определения, каким должен быть «обновленный» образ апостольской жизни для духовенства.

Театинцы ставили бедность выше дел милосердия. Они закрывались в своих домах и молились, терпя настоящие лишения, потому что принципиально не собирали милостыни. Это возмущало Игнатия. По его мнению, они ошибались дважды: не приносили никакой пользы людям и к тому же потворствовали своей гордыне, отказываясь просить о помощи. Лойола советовал Караффе со своими братьями начать служить ближнему, например поработать в больницах. После этого люди охотно делились бы с ними необходимым.

Послания, которые Игнатий писал будущему папе, выглядят довольно жестко: «Общество, которое Бог поручил тебе, не распространится», «Святой Франциск и другие святые надеялись и уповали на Господа; тем не менее они не гнушались подобающими средствами для содержания и расширения своих домов, к вящей славе Божией и вящей хвале Его Божественного Величества».

Можно себе представить, что чувствовал без пяти минут кардинал, получая подобные записки от безвестного магистра Лойолы! Отношения оппонентов резко обострились, Караффа даже начал предостерегать людей от общения с Игнатием. К счастью, будущего понтифика вызвали в Рим для участия в подготовке Тридентского собора.

А что же делали в это время монмартрские «общники»? Из-за войны между французским королем и императором им пришлось покинуть Париж раньше намеченного срока. С началом военных действий обстановка во французской столице стала тревожной. Большинство товарищей Лойолы имели подданство вражеского государства и могли подвергнуться репрессиям.

Они решили выйти 15 ноября 1536 года и двигаться в обход сражений, через Лотарингию, Эльзас и Швейцарию. Чтобы не вызвать лишних подозрений, они разбились на две группы по три человека и договорились встретиться в городке Мо, находящемся в 45 километрах от Парижа. Это у них получилось, но дальше повсюду стояли военные посты, а «общники» в большинстве были испанцами. Спасало присутствие французов Жана Кодюра и Паскази Броз. Они-то и рассказывали солдатам, что совершают вместе с товарищами паломничество в Сен-Николя-де-Пор, святилище, которое находилось неподалеку от Нанси.

Один раз военных не устроили объяснения. Начался опасный допрос. Будущих иезуитов спас какой-то прохожий, который сказал: «Эти ребята идут преобразовывать какую-то страну». Почему-то реплика незнакомца удовлетворила солдат.

Отец Кандидо де Далмасес описывает внешний вид «общников»: «Они были в своих длинных и довольно поношенных студенческих одеждах, застегнутых спереди на ремень, чтобы удобнее было идти. Головы их покрывали широкополые шляпы. На шее у них были розарии, а на ремне

через плечо каждый нес сумку с книгами и записями. В руке у каждого был посох паломника».

Товарищам Лойолы сильно не повезло с погодой. Пока они шли по Франции, каждый день лил дождь, а в Швейцарии их настигла необычайно суровая зима. Однако трудности не смущали молодых людей, скорее воспринимались как подвиг. Направляясь из Страсбурга в Базель, они вступили на землю, где жители поддерживали протестантское учение Цвингли. Тут бывшие студенты вспомнили свои многочасовые диспуты и начали со знанием дела выступать в защиту католической веры. При этом они ухитрились не вызвать агрессии у местного населения. Их даже неплохо кормили. По воспоминаниям Диего Лайнеса, «ели мы достаточно, хотя скорее мало, чем много».

Проведя в пути 54 дня, 8 января 1537 года «общники» оказались в Венеции, где их встретил радостный Лойола. Он тут же договорился о помещении для них в двух венецианских госпиталях: Святых Иоанна и Павла и госпитале неизлечимых. Они приступили к уходу за больными, ожидая Пасхи, когда можно будет пойти в Рим к папе. По традиции в пасхальное время паломники получали папское благословение на поездку в Святую землю.

В Венеции к костяку из десяти «общников» прибавились еще двое: некто Антонио Ариас и бывший слуга Франсиско де Хавьера — Мигель Ландивар. Этот последний через некоторое время доставил Игнатию много хлопот.

Шестнадцатого марта они отправились в Рим, все, кроме Лойолы. Наш герой опасался появляться при папском дворе из-за Караффы, с ко-

торым расстался буквально на ножах. К тому же среди приближенных папы находился еще один «приятель» Игнатия — доктор Педро Ортис, который еще в Париже выказывал крайнее недовольство деятельностью Лойолы. Ортис считал себя пострадавшим от его действий, поскольку среди людей, изменивших свою жизнь под влиянием духовных упражнений, оказался Педро де Перальта, его родственник.

Итак, 11 человек покинули Венецию и пошли древней дорогой Виа Ромеа, пролегающей вдоль побережья Адриатического моря. Идти пришлось через Равенну, Лорето, Умбрию, затем по Фламиниевой дороге. Рассчитали путь они правильно и на закате Вербного воскресенья вошли в Вечный город. Дальше им пришлось разделиться, так как селились тогда по национальному признаку: существовали гостиницы для испанцев и для французов.

И надо же такому случиться: среди руководства испанской гостиницы оказался тот самый доктор Ортис! «Общникам» пришлось порядком поволноваться, придумывая, как бы не попасться ему на глаза. Это у них не вышло: римские паломнические дома не слишком подходили для игры в прятки, к приезжим относились внимательно. Но сам доктор изрядно удивил товарищей Игнатия. Он узнал всех и вспомнил о их связи с Лойолой. Но вопреки ожиданиям повел себя очень дружелюбно и даже устроил им аудиенцию у папы Павла III. Да не общую — для паломников, а особую. На ней присутствовало немного народу, причем самого избранного: кардиналы, епископы, известные доктора теологических на-

ук. Разумеется, магистры, недавно окончившие университет, никогда бы не смогли попасть в такое общество без протекции.

Как мы помним, с Лойолой подобные чудеса приключались постоянно. Видимо, духовные упражнения как-то повлияли на «общников», сделав их в чем-то похожими на учителя. А может, после монмартрских обетов их судьба и вправду стала общей?

Удивительное везение не исчерпывалось внезапно подобревшим доктором Ортисом. «Общники» оказались на папской трапезе, где понтифик обратил внимание на их манеру вести теологические беседы. Павел III неожиданно проникся к ним симпатией и спросил, нет ли у них желаний, которые он мог бы исполнить. Молодые люди хотели только получить благословение на паломничество в Святую землю, о чем и сказали папе. Тот немедленно благословил всю компанию, а также дал им на дорогу денег. Глядя на него, так же поступили некоторые кардиналы и епископы. Товарищи Лойолы вышли из папского дворца с весьма ощутимой суммой в 260 дукатов. Но это было еще не все. Через несколько дней Павел III издал два документа, один из которых можно назвать беспрецедентным. Это были именные грамоты для «общников», позволяющие тем из них, кто не являлся священником, «...принять рукоположение от любого епископа, даже если они не подпадали под его юрисдикцию. При этом рукоположение могло и не приходиться на ежесезонные постные дни: его можно было совершить в любые три воскресенья или праздничных дня». Трое из братства — Пьер Фавр, Антонио Ариас и

Диего де Осес, — которые уже были священниками, получили «...полномочие отпускать грехи всем верующим, и даже освобождать от канонических наказаний, от которых имел право освобождать только епископ»*. Вторым документом стало разрешение отправиться в Иерусалим, о котором когда-то так мечтал Лойола. Обе бумаги были датированы 27 апреля 1537 года.

Обратно в Венецию «общники» не шли, а летели, словно на крыльях. А впереди их еще ждала Святая земля! Отплытие они наметили на июнь, а пока решили снова поработать в больницах. После общения с папой Лойола с товарищами стали весьма известными персонами, и их даже представили престарелому дожу — тому самому Андреа Гритти, который 14 лет назад помог Иньиго сесть на корабль «Негрона».

Все складывалось вроде бы превосходно. Ни сложности бытового характера, ни все ухудшающееся здоровье Игнатия, да и остальных его собратьев — ничто не казалось хоть каким-то препятствием, все отступало перед внезапно распахнувшейся дорогой к мечте.

Но ближе к лету братья столкнулись с непреодолимой преградой. Впервые за 38 лет корабли перестали уходить из Венеции в Святую землю. Официальных причин не называлось, но если верить слухам, дело шло к войне. Говорили, будто бы Венецианская республика втайне заключила союз против турок с папой и Карлом V. Оттого-то и сновали по Ионическому морю бесчисленные турецкие галеры, ожидая лишь команды,

* *Cándido de Dalmases*. El Padre maestro Ignacio: breve biografía ignaciana / Пер. В. Басмовой. (Рукопись.)

чтобы атаковать Апулийское побережье. Такая напряженная политическая ситуация плохо совмещалась с паломническими путешествиями.

«Общники» все же не теряли надежды на поездку. А вынужденную паузу решили использовать с толком: воспользоваться папской грамотой и принять рукоположение тем, кто еще не стал священником. Обряд совершил Винченцо Нигусанти, епископ Арбе. Он не взял с Лойолы и товарищей ни денег, ни даже свечей. Рукоположили всех, кроме Ландивара и Ариаса, присоединившихся к общине уже после Монмартра. Эти двое разочаровались в общинной жизни и покинули группу. Сальмерона рукоположили лишь в диаконы по причине молодости: ему не исполнилось двадцати двух лет.

Став священниками, друзья поселились в заброшенном монастыре, стоявшем за чертой города Виченца. Здание, где они жили, находилось в ужасном состоянии: ни окон, ни дверей, да и крыша грозила обвалиться. Но «общников» это не смутило. Они сложили очаг из камней, и Лойола заделался пекарем. Пока остальные ходили проповедовать, он выпекал хлеб для всей своей общины.

Они работали на городских площадях. Как пишет отец Кандидо де Далмасес, «крича и размахивая бирреттами*», они созывали народ. Их

* Бирретта (ит. *berretta* от лат. *birretum*) — традиционный головной убор священников латинского обряда, представляющий собой четырехугольную шапку с тремя или четырьмя гребнями наверху, увенчанными помпоном посередине. Считается, что слово «бирретта» итальянского происхождения (ит. *beretta*) и, в свою очередь,

проповедь трогала многих». Люди, проникшиеся их идеями и верой, начинали жертвовать милостыню, которой собиралось немало. На эти средства можно было жить припеваючи, вот только позволить себе этого «общники» не могли, будучи связаны обетом бедности. Поэтому собранные средства передавались нищим, а братия возвращалась к своему самодельному очагу, довольствуясь лишь хлебом, испеченным Игнатием, да иногда супом или кашей. От таких тяжелых условий жизни — фактически на улице, да еще постоянно впроголодь — многие заболели. Франциск Ксаверий и Симон Родригеш даже попали в больницу, что говорит о серьезности заболевания, в противном случае они обязательно перетерпели бы хворь, поскольку Лойола воспитывал в соратниках стойкость по своему примеру.

Между тем время шло, а путешествие в Святую землю так и не складывалось. Наступили холода. Теперь, даже если бы политическая ситуация вдруг исправилась, ни один капитан не стал бы рисковать, выходя в дальний морской поход. Зимнее море, шторм, сильные ветра — все это делало невозможным отплытие до следующего лета. А ведь согласно монмартрским обетам «общники» могли ждать исполнения своей мечты не более го-

было заимствовано из латинского языка (лат. *birrus* — грубая накидка с капюшоном). Возможно, этимология названия восходит к греческому слову πυρρός (огненно-красный), а латинское слово *birretum* могло означать капюшон. В Западной Европе со Средних веков и до сего времени бирретта используется в качестве церемониального головного убора в академических кругах некоторых университетов.

да. Среди них начались споры: с какого времени вести отсчет — с января 1537 года, когда они прибыли в Венецию, или же с июня, когда обычно начинали ходить паломнические корабли?

В любом случае зимние и весенние месяцы с их штормами и ветрами не годились для морских путешествий. Друзья решили не терять времени даром и охватить своими проповедями большее количество народа, а не только жителей городков и деревень в окрестностях Венеции. Среди крупных итальянских городов они выбирали университетские, надеясь завербовать к себе новых сторонников из числа студентов. Кроме того, именно в студенческой среде охотно проповедовали протестанты, имевшие порой успех.

Аргументы в пользу антикатолической позиции подбирались в то время очень просто, поскольку католическое духовенство действительно совершило ряд непростительных оплошностей, получивших широкую огласку. Если гедонизм папы Льва X простой народ не мог наблюдать в полной мере, то монах Тецель, объехавший всю Германию со своим ящиком индульгенций, стал притчей во языцех. Будучи пламенным оратором, Тецель отлично рекламировал свой товар и в пылу предпринимательства так увлекся, что дошел до продажи отпущений будущих, еще не совершенных грехов. Бытовала легенда о том, как некий человек, купив у Тецеля индульгенцию на свой будущий грех, с чистой совестью ограбил коммивояжера от духовности. Подобные истории сильно подпортили имидж католической церкви, и теперь требовалась немалая интеллектуальная работа, чтобы реабилитировать

Святой престол в глазах мыслящих людей. Наши магистры, будучи большими мастерами ведения диспута, подходили для такой роли как нельзя лучше.

Друзья распределились таким образом, чтобы в каждой группе оказались представители разных национальностей, дабы лучше вписаться в интернациональную университетскую среду. Кодюр и Осес пошли в Падую, Же и Родригиш — в Феррару; Ксаверий и Бобадилья — в Болонью, Броэ и Сальмерон — в Сиену. Сам Игнатий, а также Лайнес и Фавр не приняли участия в этом проповедническом десанте: они отправились в Рим.

Некоторые историки считают, что Лойола и его друзей пригласил туда тот самый Педро Ортис, представитель императора Карла V, знаменитый профессор и доктор богословия. Из злейшего врага Лойолы он превратился в почти последователя.

Уже в пути они вспомнили об одном важном вопросе. Вот они втроем идут беседовать с серьезными людьми. Но их небольшая группка играет роль представителя более крупного объединения, которое со временем может стать еще крупнее. Как презентовать себя, если их спросят, кто они такие и почему собрались вместе?

Сообща приняли решение — и оно оказалось историческим. Еще не прозвучало ни слова о монашеском ордене, еще Лойола не приступил к написанию конституции, но формулировка уже родилась. Друзья решили именоваться Обществом Иисуса — иезуитами.

Вот как писал об этом впоследствии иезуит Поланко, секретарь и биограф Лойолы. «Назва-

ние “Общество Иисуса” (*Compañia de Jesus*) было принято еще до того, как они пришли в Рим. Когда они рассуждали между собой, как им себя называть, когда их спрашивают, что это за объединение из девяти-десяти человек, все они сразу же принялись молиться и думать о том, какое название было бы самым подходящим. И рассудив, что между ними нет иного настоятеля, кроме Иисуса Христа, Единственного, Кому они желают служить, они сочли наиболее подходящим взять имя Того, Кто был их Главой, назвав себя Обществом Иисуса (*la compañia de Jesus*)».

Под этим названием, явившимся к ним на пути в Вечный город, они и вошли в историю.

Глава двадцать четвертая

РОЖДЕНИЕ ОРДЕНА

Очевидно, Лойола чувствовал особую важность этого времени. Его цель, такая смутная и наивно представляемая тогда, после памплонского ранения, постепенно начала приобретать четкие контуры. Будущего святого здесь можно сравнить с женщиной, ожидающей рождения ребенка: поначалу едва заметное, состояние беременности все больше захватывает ее тело, изменяя его под нужды плода. Так и личность бывшего придворного, офицера, затем чудаковатого паломника все больше менялась, готовясь произвести на свет свое духовное детище. И так же со страхом взирала на приближающиеся сроки родов.

Еще по пути в Рим Игнатия снова начали посещать мистические видения. Надо отметить ин-

тересный факт: рукоположившись в священники, Лойола — единственный из «общников» — не стал служить свою первую мессу. Он решил отсрочить это событие на целый год, считая себя недостойным. Лойола вовсе не кривил душой, просто относился к богослужению так же серьезно, как и ко всему, что было связано с верой. Сказано: Сам Господь приходит во время Евхаристии в Святых Дарах. Игнатий ощущал себя в роли священника привратником, открывающим двери Богу при молитве пресуществления, и с трепетом относился к предстоящей встрече. Он беспрестанно молил Богородицу, свою постоянную надежду, опору и Госпожу, о высокой милости: «поместить его рядом с Ее Сыном».

Следует отметить: происходило это в то время, когда жизнь каждого человека тысячами нитей была связана с Церковью и профессия священника выглядела вовсе не экзотично.

Ответ на свои многочисленные просьбы Лойола получил по пути в Рим. Когда до Вечного города оставалось около 16 километров, странники завернули в некую часовню. Сам Лойола не называет ее, но народное предание говорит, что это была церковь в деревушке Ла-Стора. Молясь у алтаря, Игнатий всем сердцем почувствовал настолько яркое и ошеломляющее утешение, что друзья обеспокоились за него. Он отсутствовал довольно долгое время, но потом вышел из церкви, сияя, и поведал им, что удостоился видения. Господь услышал его молитвы и дал настолько однозначный ответ, что даже ему, Игнатию Лойоле, крайне подозрительному в вопросах видений, не пришло в голову усомниться в истин-

ности толкования. Точного содержания видения он не смог передать, но Бог Отец поместил Лойолу рядом со Своим Сыном и Сам обещал Лойоле Свое покровительство.

Диего Лайнес, запомнивший рассказ Игнатия, потом говорил так: «Игнатию явился Иисус с крестом на плечах, а рядом с Ним — Его Отец, Который сказал Ему: “Я желаю, чтобы Ты взял этого человека Себе в слуги”. Тогда Иисус повернулся к Игнатию и сказал ему: “Я хочу, чтобы ты служил Нам”». В данном случае «нам» означало Пресвятую Троицу.

Мистические видения Лойолы играли очень важную роль в духовном климате будущего ордена. Они наполняли «общников» особой энергией, давая уверенность в истинности избранного пути. К тому же способность к ясновидению Игнатия вскоре после Ла-Сторы была доказана третьими лицами.

Приехав в Рим, Игнатий с товарищами ощутили удивительное гостеприимство и расположение бывшего врага, Педро Ортиса. Их поселили в просторном, вместительном и красивом доме Квирино Гардзони. Лойола впоследствии вспоминал, что они «жили в винограднике». Мягкий климат последнего теплого месяца — ноября, красные листья виноградных лоз, вид на которые открывался прямо из окна, небывалое утешение, окутавшее Игнатия после видения в Ла-Сторе, — все выглядело, как награда за долгие тяготы. Рядом стояла церковь Тринита-деи-Монти. С радостного перезвона ее колоколов начиналось каждое утро.

Кроме того, Педро Ортис позаботился о трудоустройстве своих гостей, дабы им не пришлось

нуждаться. Фавра и Лайнеса, как магистров, почти сразу же пригласили на преподавательскую работу в Римский университет. Фавр преподавал положительное богословие, объясняя Священное Писание; Лайнес читал лекции по схоластическому богословию, разъясняя комментарии Габриэля Биля к канону мессы. Иногда магистров-иезуитов приглашали в покои папы провести диспут, и Павел III за обедом имел возможность по достоинству оценить диспутантов.

Ортис в своих неожиданных симпатиях пошел еще дальше: он сам попросил Игнатия провести с ним духовные упражнения. Чтобы не отвлекаться во время курса, оба покинули Рим и на 40 дней Великого поста 1538 года переехали в аббатство Монтекассино. Ученейший доктор теологии, тонкий знаток Писания и опытный преподаватель, после окончания упражнений Ортис говорил, что узнал совсем иное богословие, нежели то, которое описано в книгах. Трансцендентальный опыт Лойолы оказался в глазах ученого не меньшей ценностью, чем то знание, что могло быть получено за годы скрупулезного изучения священных текстов и комментариев к ним. Правда, нельзя забывать, что и сам Лойола к тому времени уже стал магистром богословия, хотя, разумеется, его статус в кругах ученого мира был несоизмеримо ниже статуса доктора Ортиса.

Но вернемся к ясновидению, свидетелем которого стал именитый ученик Игнатия. Во время одного из занятий Лойола вдруг увидел, как один из «общников», бакалавр Диего Осес, в сиянии возносится на небеса. Он сказал об этом доктору Педро, а вернувшись в Рим, оба узнали о внезап-

ной смерти Осеса в Падуе, куда тот отправился проповедовать вместе с Кодюром. Огромное впечатление от мистической прозорливости Игнатия усиливалось обстоятельствами смерти Диего. Напарник по падуанской группе рассказал, как его друг, смуглый и неказистый при жизни, умерев, внезапно преобразился и его лицо стало похоже на лик ангела.

Первая смерть в общине сильно подействовала на Лойолу. Он оплакивал покойного бакалавра, будто родного брата, и вспоминал, как совсем недавно в Венеции тот пришел к нему, интересуясь духовными упражнениями, но долго не решался приступить к учению. Когда Диего все же рискнул довериться Лойоле, он на всякий случай захватил с собой книги, чтобы нейтрализовать вред, наносимый его душе, если что-то пойдет не так. Уже потом, по окончании курса, Осес признался своему наставнику в своих страхах: не научат ли его во время этих «упражнений» чему-нибудь дурному, как о том сплетничали в Венеции.

Сплетни действительно преследовали нашего героя повсюду, где бы он ни появился. Дошли они и до Рима. Причем источником оказались вовсе не те люди, кого Лойола опасался: не кардинал Караффа и, уж конечно, не доктор Ортис.

Поначалу все шло превосходно, как, впрочем, случалось с Лойолой и ранее, в других городах. К нему снова повалили толпы людей из самых разных социальных слоев. Игнатий не гнушался откровенными маргиналами, занимаясь с проститутками и их детьми. В то же время с легкой руки Педро Ортиса духовные упражнения

приобрели статус модной интеллектуальной новинки для элиты. В числе новых «послушников» оказались кардинал Гаспаро Контарини, председатель папской комиссии по реформе Церкви, а также посол Сиены Латтанцио Толомеи, водивший дружбу с легендарным Микеланджело Буонарроти.

Через духовные упражнения община обростала полезными знакомствами. Например, у них появился личный врач, что было очень кстати для истощенных испытаниями братьев. Испанец Иньиго Лопес, практически полный тезка Лойолы, пройдя курс духовных упражнений и получив глубочайшее утешение, любезно предложил свои медицинские услуги самому Игнатию и его друзьям — когда угодно и совершенно бесплатно.

Благостная ситуация тем не менее продлилась недолго. О группе «продвинутых» священников по Риму поползли самые противоречивые слухи. Одни превозносили их до небес, называя святыми, другие подозревали в шарлатанстве. Десятки, если не сотни глаз бдительно следили за каждым шагом Игнатия и его друзей, с нетерпением ожидая какого-нибудь скандала или хотя бы промаха.

Скандал произошел с появлением в городе нового проповедника, августинца Агостино Майнарди.

В XVI веке люди тоже стремились к известности, но вся жизнь, так или иначе, вращалась вокруг церкви. Поэтому карьере тогдашнего проповедника можно во многом сравнить с раскруткой на телевидении. Именно проповеди, наряду с

«авторским курсом» и заметной благотворительностью, сделали популярным Лойолу.

Но вернемся к Майнарди. Он имел талант оратора, и его проповеди также пользовались большим успехом. Однажды в числе слушателей оказались Пьер Фавр и Диего Лайнес. Каково же было удивление обоих магистров, когда они вдруг узнали в речах проповедника явные признаки учения Мартина Лютера, врага католической церкви!

Не желая поднимать лишнего шума, они навестили Майнарди и в приватной беседе попытались убедить его пересмотреть свои взгляды. Однако монах-августинец предостережениям не внял, к тому же страшно разозлился. А к числу его почитателей принадлежали люди, довольно известные в Риме и пользующиеся влиянием при папском дворе. Все они происходили из Испании, история сохранила их имена: Мударра, Баррера, Педро де Кастилья и Матео Паскуаль. Майнарди пожаловался им и сделал это, применив весь свой дар красноречия. «Общников» немедленно обвинили во всех смертных грехах. Говорили, будто на самом деле эти иезуиты — скрытые лютеране, что они вербуют себе людей, «промывая им мозги» с помощью особых технологий, что их глава — Игнатий Лойола — беглый еретик, осужденный инквизиторами в Испании и в Париже. Благодаря влиятельности злопыхателей слухи распространились мгновенно. Римляне, еще вчера выстраивающиеся в очередь к Игнатию, шарахались от него и его друзей.

Беда не приходит одна. Прознав, что группу Лойолы вот-вот подвергнут остракизму, откуда-то

появился Мигель Ландивар — тот самый слуга Франциска Ксаверия, который совсем недавно тоже собирался стать иезуитом, но сбежал, не выдержав слишком суровых условий жизни. Он стал чернить Игнатия и его товарищей при каждом удобном случае. Видимо, этот человек страдал психическим расстройством. Когда-то в Париже, после обращения своего хозяина, он так распереживался за него, что замыслил убить Иньиго. Потом — наоборот, проникся идеями Лойолы и примкнул к его обществу. Мы не знаем, что конкретно привело к конфликту и разрыву Ландивара с «общниками», но, уйдя от Лойолы, он вновь воспылал к нему ненавистью. А так как он жил в общине и знал много бытовых подробностей, его клевета выглядела очень убедительно.

Каким-то образом Ландивар добрался до кардинала Джандоменико де Куписа, и тот принял ложь бывшего слуги за чистую монету. А де Купис дружил с Квирино Гардзони, в чьем доме на виноградниках проживали «общники». Он решил спасти друга от проходимцев и начал настоятельно советовать избавиться от них — чем скорее, тем лучше.

Гардзони, правда, имел свою голову на плечах. Он тут же велел своему садовнику понаблюдать за гостями. Тот, вникнув в их жизнь, поразился и назвал их святыми. Они даже ни разу не воспользовались выделенными кроватями, а помощь в виде вещей и еды тут же раздавали бедным. Кардинала, однако, полученные сведения не убедили, он припомнил поговорку о волках в овечьей шкуре.

В этот момент решался вопрос жизни или

смерти будущего ордена. Общество Иисуса могло начать существование только через известность, но черный пиар был неуместен для того, кто желал привести других к свету. Безупречная репутация на том этапе была единственным капиталом Лойолы, и погубить ее значило бы погубить все дело.

Игнатий поступил так, как поступал в подобных случаях и раньше: он начал разбираться. Не найдя выходов на кардинала Куписа, он пришел прямо в его резиденцию и добился личной встречи. Беседовали они два часа — так вспоминали потом «общники», дожидавшиеся своего руководителя у дверей передней. Закончился разговор тем, что Джандоменико де Купис «пал к ногам Игнатия и попросил у него прощения». Думается, никакого преувеличения здесь нет, а есть лишь еще одно доказательство силы харизмы Лойолы.

С того времени кардинал де Купис из врага общины сделался ее другом и покровителем, как это произошло ранее с доктором Ортисом и многими другими. Но какой бы крупной фигурой ни являлся кардинал, он не мог в одиночку спасти гибнущую репутацию будущего Общества Иисуса. И Лойола продолжил битву за доброе имя. Он пробился к губернатору Рима, ответственному за дела правосудия, Бенедетто Конверсини. С собой на встречу наш герой взял письмо, написанное ему Мигелем Ландиваром в период дружеского расположения последнего. Бывший слуга Франциска Ксаверия выказывал в тексте неподдельное восхищение, граничащее с обожанием по отношению к Лойоле и его товарищам. Это

письмо сличили с клязузами Ландивара — идентичность почерка была бесспорной. Автора осудили за клевету и изгнали из Рима.

Между тем приближалось лето 1538 года — последний срок для отплытия в Святую землю, — а политическая обстановка не только не улучшилась, но напротив, не оставила паломникам никакой надежды. Если раньше о военных планах Венеции против турок ходили слухи, то 8 февраля Венецианская республика, император и папа заключили официальный союз.

Оставался только один вариант: идти и предлагать свое служение папе. Вот только что они могли предложить Его Святейшеству? Свою скандальную известность?

Изгнание Ландивара выглядело каплей в море по сравнению с продолжавшейся клеветнической деятельностью друзей проповедника Майнарди. И их испанское происхождение в данном случае служило косвенным доказательством их правоты. Всем казалось, будто бы эти четверо, возглавляемые Мударрой, знают тайные подробности жизни Игнатия в Испании.

Наш герой решил идти напрямую к папе. Однако понтифик как раз в этот момент (20 мая 1538 года) покинул Рим, пытаясь примирить в Ницце французского короля с императором. Тогда Лойола обратился к его заместителю с просьбой об официальном суде. Мударра с друзьями явно не ожидали такого оборота дела и не хотели отвечать за свои слова перед судьями. Они тут же отказались от своих обвинений и начали публично хвалить «общников».

Казалось бы, инцидент исчерпан — и теперь

остается только позабыть об этой неприятной истории. Но Игнатий упорно и настоятельно требовал продолжения судебного разбирательства, выноса решения, официального свидетельства своей полной и окончательной невиновности. Такая настойчивость неприятно удивила и губернатора, и многих других сторонников молодой общины. Но Лойола продолжал настаивать на своем, даже рискуя частично потерять приобретенную трудами и лишениями народную любовь.

Обывателей здесь легко понять, да и не только их. С христианской точки зрения кроткие святые люди, разумеется, должны были облобызать своих раскаявшихся недругов — и на этом покончить. Но Игнатий, уже не раз столкнувшийся с инквизицией, знал на собственном опыте: недолеченная хворь обязательно вернется вновь, а устные договоренности не являются доказательствами, если не подкреплены документами.

Бывших военных, как известно, не бывает, и Лойола отлично понимал всю важность этого сражения: большой стратегической ошибкой было бы не довести сейчас дело о клевете до конца. Поддаться общественному мнению — и тем самым оставить под фундаментом собственного дома бомбу, готовую сдетонировать в любой момент? Этого не могли себе позволить ни прежний комендант Памплоны Иньиго, ни нынешний слуга Христов — Игнатий. Но губернатор Рима вовсе не горел желанием по сто раз переливать из пустого в порожнее. Помирились — и помирились. Незачем тратить зря силы, время и бумагу с чернилами.

Тогда «общники» написали множество писем

во все места, где только работали в разное время. Характеристики их жизни и учения запрашивались от самых известных и достойных доверия людей. Вскоре пришли ответы с многочисленными похвалами и наилучшими рекомендациями. Лойола аккуратно собрал их и приготовился к решающему броску. 24 июля 1538 года папа вернулся, и наш герой начал добиваться личной аудиенции. По понятным причинам это оказалось намного труднее, чем побеседовать с кардиналом Куписом. В Риме Игнатию так и не удалось встретиться с Павлом III. Тогда он последовал за понтификом, уехавшим на отдых во Фраскати. Там ему наконец повезло.

Вот письмо Лойолы к Исабель Росер, повествующее об этих событиях: «...я отправился туда [во Фраскати] и с глазу на глаз целый час говорил с Его Святейшеством в его резиденции. Я долго рассказывал ему о наших замыслах и намерениях и ясно поведал ему, сколько раз на меня заводили судебные дела... Я просил Его Святейшество от имени всех моих товарищей придумать какой-то выход из ситуации и позаботиться о том, чтобы наше вероучение и наш образ жизни расследовал и изучил какой-нибудь судья, назначенный им самим».

Ответом стал документ за подписью папского легата: «Согласно приказу Его Святейшества Папы пусть губернатор заслушает прошение, вызовет свидетелей, начнет процесс, как значится в прошении, и восстановит справедливость».

И вот тут снова началась мистика, причем совершенно «объективная». Случившееся не могло быть истолковано никак иначе, кроме Божией

воли. В конце лета и осенью в Риме совершенно случайно собрались все судьи Иньиго. Из Алькалы прибыл Хуан Родригес де Фигероа, из Парижа — инквизитор доктор Матье Ори, из Венеции — генеральный викарий легата Гаспаре де Дотти. Разумеется, им лучше всех было известно, выносили ли они приговор Лойоле и является ли он осужденным еретиком. Триумф был полный. И 18 ноября 1538 года был оглашен приговор, согласно которому Игнатий Лойола и его товарищи объявлялись совершенно оправданными и свободными от всех наветов, а его недруги за клевету приговорены к суровым наказаниям.

Приговор о невинности Лойолы, датированный 18 ноября 1538 года, был разослан по всем городам, где он работал. Один экземпляр будущий иезуит прислал в Аспейтию своим родственникам. Спустя несколько дней после оглашения «общники», согласно монмартрским обетам, предстали перед папой.

Скандал сыграл Лойоле на руку. Благодаря ему Павел III почти сроднился с необычной общиной, поскольку стал их защитником. Понтифик также вспомнил их блестящие диспуты, проводимые время от времени за папской трапезой, и удивился: зачем им вообще стремиться в Иерусалим, когда здесь для них имеется столько работы? В письме Фавра к ректору коллегии Святой Варвары, де Гувейе, цитируются слова папы: «Откуда такое желание отправиться в Иерусалим? Если вы желаете приносить плоды Церкви Божией, то и Италия может быть [для вас] благим и истинным Иерусалимом».

Несомненно, история ордена начинается с

этого визита. Святой престол принял предложение о сотрудничестве. Но до официального подтверждения оставалось еще около двух лет.

Лойола завершил этот важнейший год, позволив себе отслужить мессу. Оставаясь романтиком, он до последнего надеялся начать священническую деятельность в Вифлееме на Рождество. Удостоверившись в невозможности осуществления своей мечты, он приступил к служению в Рождественскую ночь на престоле Яслей Господних в церкви Санта-Мария Маджоре. Этот древнейший римский престол считался символом Рождества.

Незадолго до праздников «общники» сменили место жительства, переехав в пустующий дом некоего Антонио Франджипани. Об этом доме ходили легенды, будто бы в нем водятся привидения. И действительно, по ночам там раздавались непонятные пугающие звуки. Но будущим иезуитам было не страхов. Вскоре после Рождества на Рим обрушилось бедствие — необычайно суровая зима, какой не помнили уже 40 лет. Морозы предварялись сильным неурожаем, и в городе начался голод. «Общники» помогали голодным и замерзающим, приводя их в свой дом, где было тепло, и делясь с ними пищей. Люди спали вповалку на полу, но не умирали от переохлаждения на улицах и в бедных домах. Одновременно в особняке Франджипани умещалось около трехсот человек, а всего за эту тяжелую зиму иезуиты помогли почти трем тысячам. Для сравнения, население Рима в то время не превышало сорока тысяч человек. Разумеется, авторитет Лойолы и компании поднялся до заоблачных высот. Им

начали писать из других городов и даже стран. Среди корреспондентов были монархи: король Португалии, желающий послать их на служение в Индию, и сам император Карл, грезящий о просвещении Америки. Вспомнил о них и Павел III, который захотел отправить кого-то из них в Сиену — улаживать разногласия в женском бенедиктинском монастыре.

Стремительно развивающиеся события буквально вынудили «общников» задуматься об официальном статусе своего братства. Как дальше пойдет их жизнь: будут ли они держаться вместе — или подчинение папе потребует от них разлучиться — и выполнять поручения Святого престола поодиночке? Расставаться друзьям не хотелось. Существовал простой способ укрепить свою общину: превратить свое братство, круг друзей-единомышленников, в новый монашеский орден. Но как быть с тем, что ранее на Монмартре они дали обет послушания папе? А что если он велит им влиться в какой-нибудь уже существующий орден? Тогда придется проститься со своим образом жизни, а главное, с духовными упражнениями. Но клятва была принесена — и теперь «общникам» оставалось подтвердить ее и выполнять волю понтифика, даже если она пойдет вразрез с их желаниями.

По словам Кандидо де Далмасеса, «чтобы найти удачное решение, они постановили следовать правилам для совершения хорошего выбора, которые содержатся в книге “Упражнений”. Во-первых, все они во время мессы и молитвы будут располагать себя к тому, чтобы находить больше духовного удовольствия в послушании, чем в

управлении, и больше склоняться к первому, а не к последнему, даже если то и другое равным образом служит славе Божией. Во-вторых, они не будут обсуждать вопрос друг с другом, но каждый будет стараться сформировать свое собственное мнение в соответствии с тем, что покажется ему более подобающим во время молитвы. В-третьих, каждый будет поступать так, как если бы он не входил в группу, дабы каждый мог представить свое собственное, независимое решение».

«Общники» потратили на обсуждение много дней и всё же пришли к общему решению: они будут не отдельными людьми, но орденом, подчиняющимся папе не напрямую, а через своего выборного настоятеля. Таким образом, их своеобразии будет защищено.

К лету 1539 года они смогли выразить кодекс своей будущей организации в письменном виде. Вкратце он выглядел так: «...помимо трех обычных монашеских обетов бедности, безбрачия и послушания желающий войти в Общество должен принести особый обет послушания папе, обязуясь отправиться в любую часть света, куда папа пошлет его. Он должен будет обучать детей христианскому вероучению. Перед годом пробации он должен будет посвятить три месяца “Духовным упражнениям”, паломничеству и служению в “госпиталях”. В Обществе будет генерал, избираемый пожизненно. Общество сможет владеть домами, но без права собственности на них. Генерал будет иметь власть принимать послушников и исключать тех, кто проявит свою непригодность, но лишь выслушав мнение консультантов».

Этот текст вошел в «Уложения», которые бы-

ли отправлены папе и восприняты положительно. Долгая мучительная беременность уже вот-вот должна была завершиться счастливым рождением Общества Иисуса, как вдруг все уперлось в непредвиденные бюрократические трудности.

Для издания документа, подтверждающего официальное признание нового ордена, материалы передали папскому писцу, кардиналу Джироламо Гинуччи. При этом папа не уточнил, какой документ нужно издать: буллу или бреве. Гинуччи, будучи ужасным буквоедом, решил, что дело слишком важно для бреве (в переводе с латыни — короткий) и непременно требует буллы (более важного документа). А раз так, то его нужно повторно разобрать в папской канцелярии, которой заведовал тот же Гинуччи. Начав вникать в «Уложения», въедливый кардинал нашел много неправильного, но более всего ему не понравилось главное: прямое подчинение папе. Он назвал этот пункт излишним, ведь все верующие, а тем более монахи и так обязывались сохранять послушание верховному первосвященнику.

Папа римский, не зная, как обойти дотошную принципиальность своего подчиненного, отдал дело другому кардиналу — Бартоломео Гвидиччони. Но тот выступил неожиданно резко: орденов и так слишком много, совершенно незачем создавать еще один. Возражая, кардинал сослался на предписания IV Латеранского (1215) и II Лионского (1274) соборов. Там действительно говорилось, что все институты монашествующих следует свести к четырем древним орденам: бенедиктинцев, цистерцианцев, францисканцев и доминиканцев.

Самое время было бы пасть духом. Вместо этого Лойола повторил проверенную тактику: снова разослал множество писем с просьбой о помощи во все города, где работали иезуиты. Параллельно он с товарищами дал обет отслужить три тысячи месс в честь Пресвятой Троицы, если удача вернется к ним. Шквал положительных отзывов впечатлил недружественных кардиналов. Гвидиччони, припертый к стене, дал согласие на создание нового ордена. Правда, с одним условием: ограничить число людей, допускаемых к принесению обетов, шестьюдесятью лицами.

Но эта небольшая поправка уже не могла помешать рождению ордена. 27 сентября 1540 года вышла долгожданная папская булла. Она называлась *Regimini militantis Ecclesiae* и самым официальным и торжественным образом утверждала основание Общества Иисуса.

Глава двадцать пятая

ПСЫ ГОСПОДНИ

До своего официального признания община Лойолы жила без настоятеля. Руководящие функции исполняли все по очереди, каждый — в течение недели. Но став орденом, община неминуемо бы увеличилась, да и сам новый статус предполагал постоянного руководителя. Во время Великого поста 1541 года они начали проводить выборы.

Процедура эта кажется формальностью. Лойола находился вне конкуренции и по соответ-

ствию этой должности, и по справедливости. Однако он сам считал по-другому. У него опять началась мучительная борьба с собой, как в Манресе, когда он по несколько раз исповедовался в одних и тех же грехах. Наш герой порядком помотал нервы своим соратникам, когда снова и снова отказывался становиться во главе ордена, несмотря на единогласный выбор остальных. Со всей убедительностью он объяснял «общникам», что «из-за множества своих дурных привычек, прежних и нынешних, а также из-за множества грехов и других ошибок и недостатков» недостойно руководить ими.

Можно представить себе их чувства! Наконец-то мечта осуществилась, но дальше пути нет. Легендарное баскское упрямство Игнатия переломить не удалось бы никому, но и взять на себя руководство в его присутствии тоже никто бы из них не решился.

Как и тогда, спас положение духовник Лойолы. Он велел Игнатию принять свое избрание, так как отказ в данном случае означал бы сопротивление Святому Духу. Упрямец согласился, но попросил исповедника изложить свое мнение в письменном виде и отправить «общникам». Наверное, таким образом он пытался абстрагироваться от своей амбициозности. Как говорил герой в известном фильме «Покровские ворота»: «Заметьте, не я это предложил!»

А не похожим ли образом вел себя папа Павел III, когда утверждал Общество Иисуса? Будучи сильно заинтересованным в его существовании, понтифик «полностью зависел» от решения своих подчиненных и не мог справиться с проти-

водействием кардиналов, а дожидался их добровольного согласия.

Здесь мы вплотную подходим к важнейшему вопросу. Иезуиты крайне нуждались в поддержке папы, без его личного участия они бы никогда не пробились через церковную бюрократическую машину, тем более с такими необычными особенностями своего ордена. Но ведь заинтересованность, бесспорно, была взаимной. По преданию, прочитав набросок устава будущего ордена, Павел III воскликнул: «Это перст Божий!» А чем могла так пригодиться ему небольшая группа людей, ведущих довольно странный образ жизни?

Собственно говоря, во время глубокого кризиса католической церкви любой понтифик нуждался в таких людях, как в воздухе. Римский первосвященник не имел никакого оружия против нарастающего недовольства и жажды раскола, кроме инквизиции. А инквизиция уже не помогала, мало того, она плохо сочеталась с христианским милосердием. Кроме того, некоторые государи, например Генрих Тюдор, порвавший с Римом, или некоторые германские курфюрсты, открыто поддерживающие Лютера, сильно подрывали престиж Святого престола.

Конечно, Риму хотелось найти иные подходы к населению, кроме запугивания репрессиями. Требовалось какое-то обновление, оставляющее при этом в неприкосновенности суть католичества. Под этот запрос идеально подошли иезуиты. Не уступающие в своей образованности гуманистам, они в то же время были крайне популярны и близки народу: тут неоценимой ока-

залась их работа в госпиталях, тесное общение с самыми широкими массами, вплоть до маргиналов, и практическая психологическая помощь каждому желающему. Они ярко выделялись на фоне тогдашнего католического духовенства, они вызывали интерес, к ним тянулись, их слово имело вес.

После смерти Павла III их не перестали поддерживать другие понтифики. Они стали отрядом быстрого реагирования для папства, его рыцарской духовной гвардией. В «Истории Общества Иисуса» Орландини есть рассказ о том, как Игнатий предстал перед новым папой Марцеллом II, дабы предложить служение своего ордена. Первосвященник сказал ему: «Ты набираешь воинов и готовишь их к войне; мы же их используем» (*Tu milites collige et balatores instrue; nos utemur*). Литераторы более поздних времен проводили параллели между иезуитами и опричниками Ивана Грозного.

Как пишет отец Кандидо де Далмасес, «...они с готовностью отправлялись туда, куда их призывали, или туда, где они видели возможность принести больше плода. Они проводили “Упражнения”, проповедовали, отправлялись с миссиями в города, принимали участие в переговорах с протестантами, совершали апостольское служение беседы, которая, вкупе с “Упражнениями”, считалась наиболее действенным видом их служения». При этом иезуиты всегда старались избегать конфликтов, ведя сложные переговоры и порой проявляя чудеса дипломатии.

Впрочем, ради служения вере Лойола совершал и достаточно жесткие поступки. Именно он,

не один раз страдавший от инквизиторов, убедил Павла III учредить Римскую инквизицию. Вот его подлинные слова из письма Симону Родригишу: «Я убедительно и часто призывал к этому кардинала Бургоса [Альвареса де Толедо] и кардинала Театинского [Караффу] — кардиналов, которые по поручению Папы занимались этим делом; и когда в Лукку проникали новые еретические заблуждения, они несколько раз разговаривали с Папой. Его Святейшество назначил шесть кардиналов, дабы они, составив здесь, в Риме, организацию наподобие инквизиции, могли в различных частях Италии предупредить подобные заблуждения — предупредить во всем». Вместе с тем Лойола постоянно предостерегал духовенство от любых проявлений алчности, «поскольку это уже причинило так много вреда и дает столько поводов для плохого мнения о Святом престоле». Он требовал назначать на видные посты только священников с безупречной репутацией, к тому же хорошо образованных, а также тщательно следить за детскими школами, оберегая их от преподавателей-еретиков. Что касается наказаний за распространение ереси, то, по его мнению, «возможно, было бы благоразумно наказывать ссылкой или тюрьмой, а в некоторых случаях даже смертью». «Однако, — добавляет Игнатий, — об этой крайней мере я не говорю, потому что мне кажется, что Германия в ее нынешнем положении не сможет этого вынести».

Еще одним суровым решением Лойолы стало предписание для врачей. Всех лекарей в Риме обязали прекращать обслуживать больных-христиан, если те отказываются от причастия.

Сейчас нам это кажется вопиющей жестокостью, но, с точки зрения глубоко верующего человека, подобный закон являл собой только милосердие. Он помогал спасти от адских мук многие души, которые, испугавшись отсутствия лечения, спешно причастились бы и не умерли во грехе, как это случалось до принятия предписания.

В некоторых источниках можно найти информацию об антисемитизме святого Игнатия. Обычно цитируется беседа с Фигероа, навестившим нашего героя в алькальской тюрьме: «Когда он спросил Иньиго, есть ли у него обычаем соблюдать субботу, тот ответил, что “в его стране евреев нет”». На деле его поступки говорят об обратном. В Риме бытовало драконовское правило: когда еврей крестился, у него отнималось имущество, а его дети лишались права наследования. Лойола добился запрещения этого обычая. Об отношении Лойолы к евреям есть еще свидетельство иезуита Рибаденейры: «Однажды, когда мы ели в большой компании, в ответ на чье-то замечание он сказал о себе, что почитал бы за особую благодать от Господа, если бы его предки были евреями. Он объяснил это так: “Еще бы! Быть связанным родственными узами по плоти с Господом нашим Христом и нашей Богородицей, прославленной Девой Марией!”».

Было бы неверно ассоциировать Лойолу и его орден с мракобесием, как иногда делают из-за термина «контрреформация». Как раз один из основных акцентов в идеологии иезуитов всегда ставился на образовании. Качественная педагогическая деятельность помогла иезуитам в тяже-

лые дни найти приют у российской императрицы Екатерины II. Ими основано огромное количество учебных заведений по всему миру. Знаменитый Папский Григорианский университет в Риме ведет свое начало от Римской коллегии, открытой Игнатием в 1551 году. Щедрость герцога Гандии Франциска Борджа, а впоследствии папы Григория XIII позволила сделать обучение там бесплатным, что привело римлян в крайнее изумление, а у преподавателей публичных городских школ вызвало недружелюбные чувства к конкурентам. По плану Лойолы эта коллегия, находившаяся в самом центре католического мира, должна была стать образцом для других иезуитских коллегий. К моменту его смерти только в Испании их открылось уже восемнадцать, а были еще и в Германии, несмотря на немецких протестантов, и в других странах.

В период своего расцвета Общество Иисуса часто вызывало ненависть и раздражение из-за своей предприимчивости. Негативное отношение к иезуитам, до сих пор принятое в России, на самом деле пришло с Запада. Исходило оно не только от преподавателей и политиков, но и от прямых «коллег» иезуитов — других монашеских орденов католической церкви. Это вполне понятно. Ведь иезуиты не только подчинялись напрямую папе и зачастую действовали «в обход» сложившейся иерархии, но еще и не давали никому жить спокойно своей бешеной активностью, приезжая куда только можно с миссиями, обличениями и педагогической деятельностью. К тому же их психологические методики посто-

янно отрабатывались, дабы действовать как можно убедительнее.

До нас дошли советы Пьера Фавра о правильном ведении беседы с еретиками. Он рекомендовал «...вызывать в них любовь к нам (иезуитам), что достигается дружелюбной беседой о том, что объединяет их с нами, и уклонением от споров». Среди прочего Фавр советует «воздействовать на их волю, а не наставлять их разум» и «...склонять их к добрым обычаям, поскольку было замечено, что часто заблуждения относительно вероучения имеют своим источником порочную жизнь в прошлом». В конце соратник Лойолы приходит к выводу: «...необходимо духовное наставление, чтобы укрепить и вдохновить их».

Разумеется, подобные методы воздействия вызвали подозрительность у многих. Прибавить сюда непрозрачность структуры ордена, его повышенную автономность и влиятельность — и становится понятно: всеобщей любовью Общество Иисуса пользоваться не могло, даже будь его члены поголовно ангелами. А они были всего лишь людьми, правда, необычными. Прошедшие духовные упражнения под руководством опытного иезуитского наставника получали необъяснимое умение воздействовать на людей. Входя в контакт с высшими слоями общества, такие люди действительно получали опасную возможность править миром.

Конечно, они влияли на политическую жизнь. Ставя во главу угла чистоту католической веры, конечно, они не могли относиться по-дружески к протестантам. Переходили ли

они грань и насколько? Большинство историков считают, что именно иезуиты стояли за попытками убийства Генриха Наваррского, Карла II и Людовика XV, а также многими другими громкими делами. Только это уже выходит за рамки нашей книги о святом Игнатии. К тому же большинство обвинений в адрес иезуитов бездоказательно. Из-за уже упомянутой скрытности ордена и уничтоженных документов или же из-за отсутствия состава преступления, как неоднократно случалось с Лойолой? Доподлинно нам этого уже никогда не узнать.

Глава двадцать шестая

ПО ВСЕМУ МИРУ

Глобализация, о которой так часто говорят сегодня, была вполне понятной категорией для Игнатия Лойолы. Добившись официального признания Общества Иисуса, он тут же начал думать, как охватить своей просветительской деятельностью как можно большее количество стран. Первым номером в его тревожном списке стояла Германия, уже частично потерянная для католической церкви.

Три самых близких товарища Лойолы — Фавр, Бобадилья и Же — спешно отправились туда. Им повезло встретить в этой стране человека, обладавшего ярким умом и харизмой, при этом не разделявшего учения Лютера. Петр Канизий, канонизированный впоследствии, стал первым немецким иезуитом. Методы его работы отличались полным отсутствием высокомерия и

резкости по отношению к идейным противникам. К тому же он первым в истории католичества попытался сформулировать право человека на религиозную свободу.

Канизий написал катехизис, в котором, насколько это вообще возможно, попытался примирить католиков и лютеран. Также он курировал иезуитские коллегии, открывшиеся в Вене, Кельне, Ингольштадте. В итоге области, где проводилась эта работа, остались по большей части католическими.

Поначалу удача сопутствовала товарищам Игнатия и в Англии. На престол взошла Мария Тюдор, казалось, что со схизмой вот-вот будет покончено. Но вскоре Марии не стало и на престоле оказалась Елизавета I, поддерживающая протестантов. Иезуитов выслали из страны, правда, они продолжали работать в Англии тайно. Случилось это уже после смерти Лойолы, в 1558 году.

Польша, которая сегодня относится к самым «католическим» странам Европы, во времена Лойолы тоже балансировала на грани протестантизма. При жизни нашего героя иезуиты только успели наведаться туда и оценить обстановку.

Очень широко Общество Иисуса распространилось на родине своего основателя, в Испании. Поначалу туда приехали все тот же вездесущий Пьер Фавр и родственник Лойолы, Антонио Араос. Он был племянником Магдалены Араос, богобоязненной невестки нашего героя. Иезуитские коллегии открылись в Алькале и Саламанке, где Лойолу арестовывали, обвиняя в ереси, а также во многих других ис-

панских городах. При этом с испанским двором отношения у новоиспеченного ордена складывались трудно. Новый, более свободный образ монашеской жизни, как и особая приближенность к папе не понравились доминиканцам, работавшим у короля. Также они раскритиковали «Духовные упражнения». Зато король Португалии Жуан III принял иезуитов как родных. Пожалуй, ни в какой другой стране монархи не оказывали Обществу Иисуса такую поддержку. Но, как ни странно, начало португальской миссии нельзя назвать удачным. Ее провинциалом назначили Симона Родригиша, который, будучи весьма неуравновешенным человеком, то позволял своим подчиненным слишком много, то, наоборот, сверх меры закручивал гайки. Он очень любил внешние эффекты и устраивал совершенно безумные покаянные шоу, дискредитируя орден. Только после устранения Родригиша иезуитам удалось снова восстановить свою репутацию в Португалии.

Общество Иисуса вовсе не ограничивало свою деятельность Европой. Еще при жизни Лойолы иезуиты начали работать в Индии, Японии, Эфиопии и на Американском континенте. Главным индийским миссионером стал Франциск Ксаверий, тот самый представитель золотой молодежи, который поначалу не мог обходиться без слуги и видел свое будущее лишь в высшем обществе. К началу 1540-х годов от его снобизма не осталось и следа. Услышав, что его посылают в Индию вместо заболевшего Бобадильи, он сказал: «Конечно. Вот я!» После чего спешно отправился чинить свои старые штаны

и сутану перед далеким путешествием, поскольку новой одежды ему не полагалось согласно данным обетам.

Интересно, что когда «общники» еще жили в заброшенном доме под Венецией, Ксаверию приснилась Индия. В воспоминаниях Рибаденейры есть рассказ о том, как Франциск проснулся среди ночи со словами: «Как же я устал!.. Мне приснилось, будто я нес на плечах индийца, а он был такой тяжелый, что я не мог его нести». 7 апреля 1541 года Франциск Ксаверий отплыл из Лиссабона и после нескончаемо долгого и трудного путешествия, продолжавшегося более года, высадился в бухте Гоа.

Товарищ Игнатия начал обращать в христианство ловцов жемчуга, которых встречал на побережье. По его собственным утверждениям, число неофитов достигало десяти тысяч. Правда, позднее выяснилось, что Франциск избрал не самую удачную тактику, работая только с бедными слоями индийского населения. Но и эта победа принесла значительные плоды. В Индии была официально учреждена иезуитская провинция.

Ксаверий работал на Востоке более десяти лет. Как-то, встретив на Гоа японца, пребывающего в состоянии духовного кризиса, товарищ Лойолы стал его наставником и вместе с ним приехал в Японию. Там он столкнулся с неожиданной трудностью. Японцы с интересом слушали его, но высказывали сомнение: как христианство может быть истиной, если его не знают в Китае? Ксаверий немедленно собрался в Поднебесную империю, невзирая на опасность для

жизни. В те времена всякий, проникший в Китай без разрешения, подлежал казни. Товарищ Лойолы безуспешно пытался представиться членом посольства короля Португалии. В конце концов ему удалось сесть на корабль, идущий в Китай, и высадиться на острове Шанчуань, но его миссионерство в Поднебесной так и не состоялось. Он заболел и умер прямо на острове, в десяти километрах от материка, в возрасте сорока шести лет.

Франциск Ксаверий был лучшим другом Лойолы. Именно ему Игнатий планировал передать руководство орденом и даже отправил письмо на эту тему... Только адресат был уже полгода как мертв.

Удачны для иезуитов оказались экспедиции в Бразилию. Первая началась в феврале 1549 года, когда несколько членов ордена отплыли туда с эскадрой генерал-губернатора Томе ди Созы.

Миссия, порученная этим миссионерам, была тройной. Она включала в себя проповедь веры язычникам, пастырскую заботу о португальцах и христианское воспитание детей. Спустя год организовали еще одну экспедицию, а в 1553 году — третью. Среди бразильских миссионеров находились иезуиты — родственники Франциска Ксаверия и самого Лойолы.

Несмотря на многочисленные удачи, главной целью нашего героя в деле миссионерства оставалась Святая земля. Долгие годы он вынашивал планы об основании иезуитской коллегии в Иерусалиме, но ему не удалось увидеть воплощение этого замысла. Господь в третий раз отвел его от исполнения самой заветной мечты.

Глава двадцать седьмая
**ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР
И НЕМНОГО О ЖЕНЩИНАХ**

После снятия ограничения для ордена* — не более шестидесяти членов — Общество Иисуса стало разрастаться. К моменту смерти основателя число иезуитов превысило тысячу. Но Лойола качество заботило гораздо более количества. В последние годы, постоянно страдая от болезни, он говорил: если что-то и может вызвать у него желание жить долго, так это необходимость строгости при приеме новых членов в общество. Лойола лично разрабатывал правила отбора кандидатов. Они остались в «Конституциях» — огромном труде, который он начал писать сразу после основания ордена и оттачивал вплоть до самой своей смерти.

Игнатий отбирал лучших, стараясь не принимать в ряды иезуитов неудачников и эскапистов, разочарованных жизнью в миру. По его мнению, «человек, который не хорош для мира, не может быть хорош и для Общества». Так же последовательно он выбраковывал слишком пассивных кандидатов, несмотря на то, что считал послушание важнейшей частью воспитания идеального иезуита. Не брал он и слишком молодых людей, желая видеть своих послушников «вполне зрелыми, а не едва вышедшими из детского возраста». Очень важным условием для кандидата Лой-

* Булла Павла III от 14 марта 1544 года, *Iniunctum nobis*, согласно которой общество заново утверждалось. Отменялось прежнее ограничение числа его членов, принесших обеты, шестьюдесятью лицами.

ола считал приятную внешность и отсутствие физических изъянов. Действительно, внешние данные имеют большое значение при проведении переговоров, когда нужно убедить собеседника. Однако Игнатий объяснял такой принцип по-другому. «Плохое лицо — плохие дела» (*Mala facies, malum faciens* — лат.) — так он отреагировал, когда в общество приняли человека с кривым носом. При этом людей неуравновешенных он все-таки принимал, несмотря на то что сам немало пострадал от них. Имеются в виду уже упомянутые случаи с Мигелем Ландиваром и Симоном Родригишем.

С принятым кандидатом Игнатий старался работать лично, причем искал индивидуальный подход к каждому. Он очень резко выступал против любой уравниловки, считая, что «...нет более пагубной ошибки, чем желание управлять другими, как собой, и убеждение, что то, что хорошо для одного, хорошо и для всех».

Лойола умел гениально угадывать, к чему у человека есть наибольшие способности. Он поручал каждому дело, наиболее подходившее лично для него. Старался не идти вразрез с личными пристрастиями людей, хотя цитировал, в качестве идеала, одного послушника, который сказал, что «склонен не быть склонным». Также Игнатий любил давать подчиненным много свободы и спрашивать после исполнения очередного поручения, довольны ли они собой.

Интересно, что, молясь подолгу сам, он вообще не приветствовал долгие молитвы у молодых послушников в ущерб образованию. По его словам, «умерщвление самолюбия лучше умерщвле-

ния плоти, и умерщвление страстей лучше молитвы». «Для человека, чьи страсти умерщвлены, должно быть достаточно и четверти часа, чтобы найти Бога».

Если какой-то кандидат казался ему достойным, он настаивал на его приеме, даже если в данный момент община не имела средств на содержание нового члена. Обычно деньги тут же находились.

Прописал Игнатий и порядок исключения из общества. «Причины исключения должны быть тем серьезнее, чем основательнее человек включен в Общество», — написал он в «Конституциях». На деле же обычно, если доходило до исключения, Лойола со всей своей гибкостью поворачивал дело так, чтобы человек не только сам захотел уйти, но и сохранил хорошее отношение к ордену.

В общество ни под каким видом не принимались люди, имеющие судимость, женатые и женщины. При чем попытка создать женскую ветвь ордена предпринималась. Вспомним, именно представительницы прекрасного пола сделали популярным Иньиго в первые годы проповедничества, а некоторым из них Лойола был обязан очень многим, хотя бы даже и получением образования. Особенно примечательна в данном случае ситуация с Исабель Росер, на средства которой «бедный паломник» учился в различных университетах.

Встретив Лойолу много лет назад в барселонской церкви, она поразила его лицу, которое «светилось». Они приняли решение помогать этому человеку совместно с мужем, но очарован-

ность Исабель явно была более сильной. Ее отношения с Игнатием можно назвать дружескими: он часто писал ей письма, подробно рассказывая о своей жизни.

В 1542 году Исабель овдовела. Более ничего не привязывало ее к Барселоне, и она решила переехать в Рим. К этому моменту орден Лойолы уже существовал, и Росер твердо вознамерилась вступить в него. Активная дама взяла с собой любимую подругу и верную служанку. Их она тоже планировала приобщить к монашеской жизни.

Игнатий отреагировал на эту новость довольно скептически и отказался принимать свою благодетельницу в Общество Иисуса. После этой неудачи подруга застеснялась и вернулась в Барселону. Но Исабель Росер не думала сдаваться. Она нашла другую компаньонку — итальянку Лукрецию да Бьядене и обратилась за помощью ни много ни мало к самому папе. В своем письме она умоляла понтифика велеть Игнатию принять ее обеты. Да-да, именно так, велеть и приказать. Самое интересное, что замысел дамы удался, хотя и не сразу. Письмо папе она написала в 1543 году, но лишь на Рождество 1545-го, как пишет отец Далмасес, «...три женщины преклонили колена перед алтарем в маленькой церкви Санта-Мария-делла-Страда в присутствии глубоко почитаемого ими магистра Игнатия и принесли торжественные обеты в Обществе Иисуса».

На протяжении всей книги неоднократно описывались события, когда все складывалось по желанию Лойолы. В этой же ситуации все шло вразрез с его желаниями: он вовсе не планировал в своем ордене женской ветви и наверняка был

крайне раздосадован. Исабель Росер исполнила свое желание, но оказалась не готова к новой жизни. Игнатий поселил ее с подругами в обители Святой Марфы, там, где жили раскаявшиеся проститутки. Вероятно, этот факт даму весьма раздражил. Чем еще можно объяснить внезапно произошедшую в ней перемену? Всю жизнь Исабель Росер щедро помогала Лойоле, а, живя в обители, вдруг начала поговаривать, будто иезуиты присваивают ее имущество. Игнатий, сильно поднатеревший в разного рода разбирательствах, немедленно поднял все счета, которые всегда хранились в обществе крайне бережно. При проверке выявился неожиданный факт: орден потратил на содержание Росер и ее подруг на 150 дукатов больше суммы, внесенной барселонской дамой. Лойола доложил обо всем папе и получил от него разрешение освободить женщин от данных обетов.

Самое интересное, что Игнатию удалось каким-то удивительным образом сохранить дружеские отношения со своей благодетельницей. Она удалилась во францисканскую обитель и до самой смерти писала Иньиго письма, исполненные благодарности за духовное прозрение.

А неприятным инцидентом он со свойственной ему практичностью не преминул воспользоваться. После дела Исабель Росер папа Павел IV навсегда освободил орден от обязанности принимать под послушание женщин. Более мир не видел иезуиток, за исключением одного случая. 26 октября 1554 года Игнатий принял в свой орден дочь Карла V Иоанну Австрийскую, наложив на нее обязательство держать свое членство в строжайшей тайне.

При этом нельзя сказать, чтобы Лойола отказывал женщинам в праве на духовную жизнь. Он постоянно переписывался с монахинями, улаживал конфликты, случавшиеся в женских монастырях. Собрание его писем представительницам прекрасного пола так велико, что его издали отдельным томом. Также он проводил беседы с римскими проститутками и перевоспитал очень многих. Отдельно он заботился о дочерях падших женщин, стараясь обеспечить их работой, дабы они не пошли по материнским стопам.

Да и служение его началось, как мы помним, с посвящения себя и своего рыцарского оружия женщине, правда, наиглавнейшей из когда-либо живших на земле — Пресвятой Богородице.

Глава двадцать восьмая

ПАЛОМНИК ВЕЧНОГО ГОРОДА

На протяжении всей книги мы обращались к «Автобиографии» Игнатия Лойолы, известной также под названием «Рассказ паломника о своей жизни». Это очень необычный текст. Написан он от третьего лица, и главный герой в ней — паломник. В этом произведении нет текучести мемуарного жанра, он то погружается в бездны духовных борений человека, то выныривает, скупко сообщая подробности внешней жизни, из которых вполне можно составить целый приключенческий роман.

Сам Игнатий не собирался писать никакой автобиографии, его буквально вынудили собрать, желавшие сохранить для истории жизнен-

ный путь своего основателя. Отец Луис Гонсалес да Камара, один из тех, кто записывал воспоминания Лойолы, рассказывал, как трудно было разговорить его. Однажды после долгих упрасиваний да Камара приготовился записывать речи настоятеля и случайно посмотрел на него слишком пристально, против иезуитских правил. Лойола, строго сказав: «Соблюдайте правило!», ушел. Другой раз Игнатий отказался рассказывать о своей жизни из-за ничтожного опоздания да Камары. Многие из рассказанного он, по-видимому, запретил записывать, особенно это касалось его бурных юношеских походов. Поэтому текст получился немного рваный. Местами слишком сдержанный, местами по-современному психологичный, неоднозначный и очень живой, как и сам Игнатий Лойола.

«Автобиографию» много раз переводили, изучали и редактировали. Она выходила под разными названиями: «Завещание», «Исповедь», «Признание», «Воспоминания». Русскоязычное название «Рассказ паломника», пожалуй, более всего подходит этому тексту. Святой Игнатий ощущал себя пилигримом, хотя паломничество как таковое заняло ничтожно малую часть его жизни. Просто наш герой всю жизнь совершал странствие духа к своей святой цели.

С момента основания Общества Иисуса он уже почти не покидал Рим, живя в основном в доме при церкви Санта-Мария-делла-Страда. Церковь была передана обществу Павлом III 24 июня 1541 года, а в дом иезуиты въехали, когда он еще был недостроен. Это строение сохранилось до сих пор на нынешней Пьяцца-дель-Джезу, на

углу улицы Арачели, и почитатели святого Игнатия могут увидеть его четыре маленькие «комнатки» (*camerette*), которые он занимал вместе с одним из своих монахов Хуаном Пабло Боррелем. Там первый генерал иезуитов вершил дела ордена и принимал посетителей. Ходил он обычно в черной сутане и черной широкополой шляпе, подвязанной тесемками под подбородком. Со времен паломничества в Святую землю он привык носить на животе кусок ткани, сложенной в несколько раз. Ему казалось, что это небольшое утепление помогает от постоянной боли в животе. Также он носил специальные мягкие туфли, в которых его изуродованные ноги чувствовали себя комфортнее. Из-за этого же недуга ему всегда приходилось использовать трость при ходьбе.

В его «комнатках» сохранились деревянные двери, два простых небольших шкафа и часть камина с трубой, помнящие хозяина. Одна из комнат, в которой он, собственно, жил, имеет крошечный балкон. Игнатий часто наблюдал с него за звездами, говоря: «Какой ничтожной кажется земля, когда я смотрю в небо!»

Служение мессы не стало для него рутинной, несмотря на почти 20 лет священства. Каждая литургия повергала его в трепет, иногда в рыдания. В «Духовном дневнике» он упоминает боль в глазах, вставшие дыбом волосы и «жар во всем теле». Иногда после богослужения он тяжело заболел. Зная за собой такое пристрастие, Лойола иногда специально ограничивал себя в служении мессы, в качестве покаяния за грехи, например за раздражение на уличный шум во время молитвы.

Вообще, ограничения, которые Игнатий на

себя накладывал, очень необычны. Например, в какой-то момент он запретил себе утешаться мыслями о смерти во время сильных болей. Чтобы отвлечь себя от таких мыслей, он размышлял о бренности всего подлунного мира. Да Камара вспоминает его в такие минуты: «Как только кто-нибудь скажет: “Я сделаю это через пятнадцать дней или через восемь дней”, — отец всегда, словно в изумлении, говорит: “Как! И вы рассчитываете столько прожить?”».

И при этом Лойола оставался гениальным организатором. В последние годы ему удалось простереть свои замыслы на большую половину суши — от Индии и Японии до Бразилии. Свои дни он заполнял общением, масштабы которого удивляют. Помимо постоянных встреч и бесед, он отправлял огромное количество писем. В основном они написаны не им самим, а рукой его секретаря, но совершенно точно — под его диктовку. Только опубликованных насчитывается почти семь тысяч. Порою за день он отправлял послания десяткам самых разных адресатов, от маргиналов до монархов. При этом Лойола тщательно обдумывал и перечитывал по два раза каждое письмо, независимо от важности. «То, что мы пишем, нужно обдумывать более тщательно, чем то, что мы говорим, ибо написанное слово остается и несет в себе вечное свидетельство, и его не так просто исправить или залатать, как слово сказанное» — так наставлял он Фавра.

Скрупулезность и каторжный труд приносили плоды. Основывались иезуитские провинции в разных странах, открывались коллегии, приобретались дома, налаживались контакты с силь-

ными мира сего. При этом жизнь ордена вовсе не стала комфортной. В чужих странах иезуитов ожидала неустроенность, а зачастую и гонения. Да и в Риме не все происходило гладко. На рубеже 1549—1550 годов после смерти одного из благодетелей Общество Иисуса постиг жестокий экономический крах. Тогда, вспомнив опыт основателя, все члены ордена вышли на улицы и начали просить милостыню.

Большие проблемы случились у общества во Франции. Несколько лет иезуиты там жили тайно. Для того чтобы работать на законных основаниях, орден нуждался в особом документе, называемом «натурализацией». Король Генрих III пожаловал этот документ, но французский парламент отказался его подтвердить. Кроме того, в дело вмешались парижские теологи, ненавидевшие Лойолу. Нашему герою пришлось снова собирать повсюду рекомендательные письма, чтобы в очередной раз доказать свою благонадежность.

Еще одним моментом, принесшим Игнатию много волнений, стало избрание папой Павлом IV кардинала Джанпьетро Караффы. Отношения Лойолы с этим человеком оставались натянутыми с момента их конфликта в Венеции, когда Игнатий осмелился указывать Караффе на неправильный образ жизни его ордена театинцев. В дальнейшем Караффа, будучи влиятельной фигурой при папском дворе, неоднократно советовал объединить орден театинцев и Общество Иисуса в единый институт. Лойолу это предложение приводило в негодование и смятение.

После смерти папы Марцелла II, который умер, не проведя на Святом престоле и месяца,

Игнатий стал сильно опасаться, что новым папой изберут его венецианского недоброжелателя. Это могло бы стать концом для молодого ордена. Лойола начал молиться, «...чтобы, если это равным образом послужит славе Божией, выбор не пал на папу, который внесет какие-либо изменения в то, что касается Общества, ибо среди кандидатов есть такие, которые, как опасаются, могут внести такие изменения»*.

В день избрания папы Лойола сидел в своих «комнатках» вместе с Луисом да Камарой. Раздался звон колоколов. Вскоре явился посланник с известием: понтификом избран именно кардинал Театинский.

По словам Камары, Игнатий изменился в лице и в нем «все кости сотряслись». Тут же он бросился в часовню и долго молился. Камара вспоминает, что вернулся он оттуда «такой радостный и довольный, словно исход выборов полностью соответствовал его желаниям». Видимо, ему снова, как и в самом начале пути, пришлось преодолевать свое неверие.

И все снова сложилось оптимальным для Лойолы образом. Караффа, вызывавший ужас у всей Италии своими жестокими методами работы с паствой, вовсе не стал преследовать иезуитов. Напротив, он оказал им большую поддержку, что вполне естественно, ведь их объединяла общая цель: борьба с ересью. На страницах популярных исторических изданий папа Павел IV иногда предстает чуть ли не как самый главный иезуит, что, конечно же, не соответствует истине.

* *Cándido de Dalmases*. El Padre maestro Ignacio: breve biografía ignaciana / Пер. В. Басмовой. (Рукопись.)

Скорее всего, Лойола до конца жизни относился к Караффе с некоторой опаской, и этот факт огорчал его самого, поскольку любой папа является наместником Христа. Поэтому, почувствовав признаки приближающейся смерти, Игнатий послал Поланко в Ватикан — испросить папское благословение. Оно было получено, но не успело к адресату. Поланко застал Лойолу мертвым. Не успел генерал иезуитов и принять последнее причастие — то, о чем он так всегда беспокоился и ради чего даже добился принятия сомнительного закона о прекращении врачебной помощи для больных, не желающих причащаться. Случилось с ним такое по двум причинам. Во-первых, в этот момент в доме тяжело заболели еще несколько человек, среди которых Диего Лайнес, сменивший Лойолу на посту генерала иезуитов. А во-вторых, Игнатий так давно страдал от своих хворей, что все привыкли к его состоянию и не обратили внимания на очередное ухудшение. Он же, явно чувствуя, что умрет, не решился делиться своими ощущениями ни с кем, кроме Поланко. Однако секретарь тоже не придавал значения этим словам, ведь врач не усматривал у больного нарастающих симптомов. Поланко выразил надежду, что настоятель пребудет с ними как минимум еще несколько лет. На что Игнатий ответил: «Я болен настолько, что мне остается только испустить дух». Он скончался около семи утра в пятницу, в скорбный день страданий Иисуса, 31 июля 1556 года.

Известный врач Реальдо Коломбо, производивший вскрытие, был потрясен стойкостью этого выдающегося человека. Камни, извлечен-

ные из его внутренних органов, предполагали такие непереносимые боли, что хирург воскликнул: «Как он жил с этим?!» А ведь Игнатий не просто жил, а, без преувеличения, влиял на ход истории!

Слово «святой» прозвучало в первые мгновения после его смерти. Оно слетело с уст тяжелобольного Лайнеса, лежавшего в соседней комнате. «Святой умер», — сказал он и стал просить Бога взять его вместе с Игнатием. Судьба распорядилась иначе. Лайнес выздоровел и стал новым генералом иезуитов.

Такое мнение имел не один Лайнес. Тысячи простых горожан произносили слово «святой» в первые часы 31 июля 1556 года, когда Рим облетела весть о смерти Игнатия. А когда на следующий день его отпевали — к гробу выстроилась нескончаемая очередь. Люди целовали усопшему руки и ноги, прикладывали к нему четки. Пришлось выставить охрану и удерживать толпу, чтобы тело не растащили на реликвии.

Игнатия Лойолу похоронили у церкви Санта-Мария-делла-Страда. Впоследствии останки несколько раз переносили во время строительства нынешней церкви Джезу. В ее алтаре они и нашли свое пристанище, став со временем мощами.

Трудный и противоречивый земной путь нашего героя окончился, но его образ не обрел цельности и после смерти.

С одной стороны, верующие обращались к его заступничеству. В 1606 году Игнатия Лойолу беатифицировали, а спустя 13 лет канонизировали. Было написано множество ослепительно сияющих биографий святого, в которых он пред-

ставал патетически безупречным. С другой — протестанты и мыслители гуманистического толка видели в нем отталкивающий образец фанатичного мракобеса, готового на все, лишь бы оставить Европу во мраке Средневековья. Здесь просится фраза о том, что «правда где-то посередине», только это утверждение не передаст сути явления. Ведь по большому счету правы обе стороны, просто они сами находятся по разную сторону баррикад. А Игнатий Лойола, как яркая, во многом провокационная фигура, работает лакмусовой бумажкой, или даже катализатором, выявляя тип мировоззрения тех или иных людей.

Но и здесь не все однозначно с нашим героем. «Иезуит» — это слово в русском языке часто употребляется как негативное понятие. Конечно, такой смысл несет в себе отзвуки давней враждебности к западной системе ценностей, под которой понимаются прежде всего ценности либеральные. Но Лойола-то защищал именно консервативный, традиционный мир. Правда, в его католическом варианте. И делал это очень жестко. Потому и не досталось ему симпатий за пределами своей конфессии, как, например, Франциску Ассизскому.

И думается все-таки, именно Игнатий Лойола пленил когда-то своим безоглядным отчаянным рыцарством мальчика из испанского города Алькала-де-Энарес. Мальчик вырос в великого писателя Сервантеса, а байки о странном проповеднике, услышанные им в детстве, стали ростками знаменитого романа «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский».

ЭПИЛОГ

«Цель оправдывает средства» — эта фраза у многих ассоциируется с иезуитами и с их отцом-основателем. И уже не первое столетие Обществу Иисуса указывают на эту фразу как на оправдание аморальных поступков, будто бы разрешенных Игнатием Лойолой. Хотя на самом деле таких слов он никогда не произносил. Более того, эта фраза приписывается Никколо Макиавелли, а также встречается у Т. Гоббса и Г. Бузенбаума. К Обществу Иисуса ее привязывает использование одним из иезуитских казуистов, Антонио Эскобаром-и-Мендозой, да еще нечто подобное вкладывает в уста своему герою-иезуиту Блез Паскаль в своих «Письмах к провинциалу», написанных с позиций янсенизма — религиозного течения, с которым Общество Иисуса яростно боролось спустя столетие после смерти Лойолы. Последователи этого направления пользовались поддержкой весьма влиятельных людей. Существует околонучная гипотеза, будто бы янсенисты веком позже даже участвовали в подготовке Французской революции. Бесспорно одно: янсенисты заслуженно ненавидели иезуитов и старались, насколько могли, испортить им репутацию.

В середине XIX века один из известных иезуитских проповедников Петер Рох (1811—1872), устав от постоянных нападок, объявил: если кто-то докажет, что иезуитская мораль позволяет совершать грехи во имя благих целей, он, отец Рох, лично заплатит этому человеку тысячу золотых марок. Судить пари проповедник пригласил профессоров юридических факультетов Боннского и Гейдельбергского университетов, которые не славились своей приязнью к иезуитам. Никто до сей поры не получил этих денег, потому что если начать подробно изучать тексты Лойолы, посвященные этой теме, то становится понятно: святой Игнатий говорил о цели, определяющей средства, а не оправдывающей.

Согласно его «Духовным упражнениям», конечная цель человека — «хвалить Господа Бога нашего, почитать Его и служить Ему, и посредством этого спасти свою душу». Поэтому он не советует выбирать в качестве средства то, что нам удобно или симпатично, но то, что лучше всего ведет нас к этой цели. Также Лойола обращает внимание на то, что люди часто путают цель и средство:

«Так случается, что многие избирают сначала заключить брак, что является средством, и во вторую очередь, служить Господу нашему в браке, тогда как служение Богу есть цель. Также иные сначала ищут получить выгоду и потом служить в ней Богу. Таким образом, они не идут прямо к Богу, но хотят, чтобы Бог пришел прямо к их беспорядочным привязанностям, и, как следствие, делают из цели средство, а из средства — цель. Итак, то, что должно было принять первым, принимают последним.

Во всяком добром выборе, если он исходит от нас, суть нашего намерения должна быть просто лишь рассмотрением того, для чего я был создан — то есть для прославления Господа нашего и спасения моей души. Таким образом, что бы я ни избрал, это должно помогать мне в достижении цели, для которой я был создан, не подгоняя цель под средство, но средство под цель...»* — говорится в «Духовных упражнениях». А разве не странно представить себе прославление Господа аморальными делами? Для человека глубоко верующего, каким, несомненно, был Игнатий, и вовсе невозможно.

Но оставим трактовку фразы, приписанной нашему герою, и попытаемся окинуть взглядом его земные странствия. К чему привело его фанатически упрямое самосовершенствование? Какую победу принесли рыцарские сражения? Удалось ли ему просветить души, как он стремился?

Противники иезуитов подчеркивают: несмотря на декларацию огромной важности просвещения, Общество Иисуса не дало миру великих ученых. Это действительно так. Но ведь и сам Игнатий начал заниматься научными изысканиями лишь ради возможности доносить свои мысли до большего количества людей. Для него наука уж точно была средством, а не целью.

Чаще всего успеха достигает тот, кто может уловить тенденцию своего времени и добиться резонанса с ней, пусть даже не намеренно, а интуитивно. Правильно «угадавший» направление

* Пер. М. Васильевой.

художник приобретает известность; торговец, купивший правильный товар, богатеет. Мартину Лютеру не нужно было даже ничего угадывать — проблема, о которой он громко возвестил миру в своих знаменитых девяноста пяти тезисах, лежала на поверхности и делала всю его деятельность сверхактуальной. А Лойола? Его называли Антилютером, хотя он ни разу не высказался о своем оппоненте, как и о других протестантах. Вероятно, он чувствовал тенденцию Нового времени острее своих идейных противников. Он видел за Реформацией призрак будущей дехристианизации Европы, о которой сейчас говорят довольно часто. Оттого так самоотверженно и бросался на амбразуру. И ему удалось создать воинство, которое, может, и не спасло целостности западного христианства, но сильно затормозило его распад.

Как же мог так сильно повлиять на мир один тяжелобольной и не самый грамотный и высокообразованный человек, пусть даже и придумавший гениальный личностный тренинг? Чем-то он отличался от обычных людей, оттого и был канонизирован, а не просто вошел в историю, как множество других значимых персон.

Сказано в Евангелии от Матфея: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас». Именно в вере была главная сила Игнатия Лойолы — в вере, а не в грандиозных амбициях, организаторском таланте и фанатическом упорстве в достижении поставленной цели. В завершение процитируем здесь любимую молитву святого, которая

передает его глубоко личное и трепетное ощущение постоянного контакта с Творцом, которое и является настоящей верой.

Душа Христова, освяти меня.
Тело Христово, спаси меня.
Кровь Христова, напои меня.
Вода ребра Христова, омой меня,
Страсти Христовы, укрепите меня.
Благой Иисусе, услышь меня:
В ранах Твоих Ты укрой меня.
И не допусти мне отделиться от Тебя.
От недруга злого защити меня.
В час моей кончины призови меня
И повели мне прийти к Тебе,
Дабы со святыми восхвалять Тебя
Во веки веков. Аминь.

ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ ЖИЗНИ ИГНАТИЯ ЛОЙОЛЫ

- 1491 — родился в Лойоле, вероятно, до 23 октября. При крещении получил имя Энеко-Лопес де Рекальде-и-Лойола.
- 1506(?) — становится пажом Хуана Веласкеса де Куэльяра, старшего казначея короля Фердинанда Католика.
- 1515 — в Аспейтии совершает некий тяжкий проступок. Судится с Эрнандесом де ла Гама, коррехидором Гипускоа.
- 1517 — Хуан Веласкес де Куэльяр умирает. Лойола начинает службу придворного у Антонио Манрике де Лара, герцога Нахеры, вице-короля Наварры.
- 1520, 18 сентября — принимает участие во взятии Нахеры. Отказывается от военной добычи.
- 1521, январь—апрель — примиряет в Гипускоа две враждующие группировки.
- 17—18 мая — укрывается в Памплоне со вспомогательными войсками из Гипускоа.
- 19 мая — препятствует сдаче крепости. Присутствует на встрече с французскими военачальниками и отвергает их предложение капитулировать.
- 20 мая — ранение.
- 23 или 24 мая — сдача замка Памплоны.
- 24 июня — над умирающим Лойолой совершаются последние Таинства.
- 28 июня, полночь — чувствует улучшение благодаря особому заступничеству святого Петра.
- Август—сентябрь — просит раздобыть ему рыцарские романы. Ему дают благочестивые книги. Обращение. Видение Пресвятой Девы.
- 1522 — поездка в Арансасу, Наваррет и Монсеррат. Рыцарское посвящение себя Пресвятой Деве.
- Апрель—июль — жизнь в молитве и покаянии в Манресе.

- Август—сентябрь (?)* — озарение в пещере близ Карденера. Начинает писать «Духовные упражнения».
- 1523, *17—18 февраля (?)* — Иньиго прибывает в Барселону.
- Март* — садится на корабль, идущий в Гаэту. Прибывает в Гаэту.
- 29 марта* — входит в Рим.
- Около 13—14 апреля* — покидает Рим, направляясь в Венецию.
- Середина мая* — прибывает в Венецию.
- 14 июля* — садится на корабль «Негрона».
- 19 августа* — на Кипре переходит на корабль паломников.
- 31 августа* — сходит с корабля в Яффе.
- 4 сентября* — прибывает в Иерусалим.
- Начало ноября* — отплывает в Венецию.
- 1525 — в Барселоне изучает грамматику в школе Эстудьо Хенераль, проповедует и волонтерствует в госпитале. К нему присоединяется Калисто де Са.
- 1526 — покидает Барселону. Отправляется в Алькалу.
- 21 ноября* — судебное решение по делу Иньиго, вынесенное викарием Алькалы Хуаном Родригесом де Фигероа.
- Декабрь* — Иньиго и трем его товарищам приказывают сменить одежду, а чуть позже — носить обувь.
- 1527, *март* — второй судебный процесс и заключение в тюрьму.
- Май* — третий судебный процесс.
- 1 июля* — судебное решение, вынесенное Фигероа. Иньиго покидает Алькалу. Беседует в Вальядолиде с архиепископом Толедским Фонсекой, затем прибывает в Саламанку.
- Июль—август* — беседа с доминиканцами в монастыре Святого Стефана. Снова попадает в тюрьму.
- Около 20—22 августа* — оправдательное судебное

решение, по которому, однако же, Иньиго запрещается давать наставления по вопросам теологии до тех пор, пока он ее не изучит. Он покидает Саламанку и отправляется в Париж.

1528, 2 февраля — Иньиго приходит в Париж. Устраивается в госпитале, изучает латинский язык в коллегии Монтегю.

1529, весна — путешествие во Фландрию. Поиск новых единомышленников. Гнев ректора коллегии Святой Варвары.

Осень — общается с Пьером Фавром и Франциском Ксаверием. Освобождается от порки и получает покровительство ректора.

1531 — продолжает изучать <свободные> искусства (философию) в Париже, в коллегии Святой Варвары.
Август—сентябрь — путешествия во Фландрию и Лондон.

1532, январь — Иньиго получает степень бакалавра свободных искусств.

1534 — получает степень магистра свободных искусств. Занимается духовными упражнениями с единомышленниками — Фавром, Ксаверием, Лайнесом, Сальмероном, Родригишем и Бобадильей.

15 августа — монмартрские обеты.

1535, конец марта — защищается от обвинений в ереси перед инквизитором Валентеном Львеном.

Начало апреля — покидает Париж и направляется в Аспейтию.

Декабрь — заболевает в Болонье.

1536 — в Венеции изучает теологию и дает упражнения. Конфликт с Джанпьетро Караффой (будущим папой Павлом IV).

1537, 8 января — прибывают товарищи Игнатия из Парижа. Начинают ухаживать за больными в госпиталях.

Апрель — в Риме товарищи получают разрешение отправиться в Святую землю.

- Июнь* — вместе с несколькими своими товарищами Игнатий принимает рукоположение.
- 1538, *май* — заканчивается срок ожидания отъезда в Палестину.
- Июнь—август* — серьезные преследования в Риме. Судебный процесс.
- Конец августа* — Игнатий отправляется во Фраскати, летнюю резиденцию Павла III, чтобы получить судебное решение по своему делу.
- 18 *ноября* — оправдательное решение по судебному процессу.
- Между 18 и 23 ноября* — Игнатий и его товарищи предоставляют себя в распоряжение папы согласно монмартрскому обету.
- 1538/39, *зима* — помогает голодающим и нищим в доме Антонио Франджипани.
- 1539 — подготовка к созданию монашеского ордена.
- 1540, 27 *сентября* — утверждение Общества Иисуса посредством буллы *Regimini militantis Ecclesiae*, ограничивающей число членов, принесших обеты, шестьюдесятью лицами.
- 1541, 19 *апреля* — Игнатий Лойола избирается генералом нового ордена.
- 1544, *январь* — открывается дом Святой Марты для раскаявшихся женщин.
- 14 *марта* — булла *Iniunctum nobis*, согласно которой Общество Иисуса заново утверждается. Отменяется прежнее ограничение числа его членов, принесших обеты, шестьюдесятью лицами.
- 1545, 25 *декабря* — Исабель Росер и ее сподвижницы приносят обеты.
- 1546, *апрель* — Игнатий учреждает благотворительное общество в пользу молодых девушек, подвергающихся опасности.
- 25 *октября* — учреждается первая провинция ордена, Португальская, возглавляемая провинциалом Симоном Родригишем.

- 1548, 31 июля — Павел III официально утверждает и рекомендует «Духовные упражнения».
- 1549, 16 февраля — начинает готовить масштабную миссию отцов Же, Сальмерона и святого Петра Канизия в Германию.
- 1550, 25 января — ввиду тяжелого экономического положения все члены Общества Иисуса вынуждены собирать подаяние. К концу года Игнатий тяжело заболевает.
- 1551, 22 февраля — открывается Римская коллегия.
- 1552, 31 августа — булла об основании Германской коллегии.
22 октября — булла Юлия III, согласно которой в числе прочих привилегий Обществу Иисуса разрешается присваивать ученые степени.
- 1553 — Игнатий настолько болен, что находится, как все полагают, на грани смерти. Однако он снова выздоравливает. Учреждает Бразильскую провинцию. Назначает провинциалом отца Мануэля де Нобрегу. Покупает новые дома возле участка обители Принесших обеты, чтобы построить церковь. Начинает диктовать «Автобиографию» отцу Гонсалесу да Камаре.
- 1554 — учреждает три провинции в Испании: Кастилию, Арагон и Бетику. Высказывает желание отправиться в Африку, в древний Афродисий (ныне Эль-Кеф), чтобы лично начать там новую миссию. Снова тяжело болеет.
Орден опять сталкивается с серьезными материальными трудностями.
26 октября — в порядке исключения, наложив обязательство строжайшим образом хранить тайну, Игнатий принимает в Общество Иисуса Иоанну Австрийскую, дочь Карла V.
1 декабря — иезуиты собирают в Риме милостыню.
Конец года — приобретается усадьба у подножия Авентинского холма, возле терм Каракаллы, для отдыха обучающихся.

- 1555, начало года — Игнатий чувствует себя превосходно, собирается в Лорето, но снова заболевает.
Начало августа — учреждается Французская провинция. Игнатий выздоравливает, однако из-за нехватки продовольствия более сотни иезуитов покидают Рим, а тем, кто остается в городе, урезают рацион.
- 1556 — хочет открыть собственную книгопечатню в Римской коллегии. Заказывает в Венеции типографские литеры.
7 июня — учреждает провинцию Верхняя Германия и назначает провинциалом Петра Канизия. Снова тяжело заболевает.
30 июля — вызывает отца Поланко и поручает ему попросить у папы благословения для себя, поскольку чувствует себя на грани смерти. Не поверив в то, что положение столь серьезно, Поланко, выслушав мнение врача, откладывает исполнение данного ему поручения до следующего дня.
31 июля — Игнатий Лойола умирает, не дождав-шись папского благословения.
1 августа — тело усопшего хоронят в большой капелле церкви Общества Иисуса.
- 1609, *3 декабря* — беатификация, осуществленная Павлом V.
- 1622, *12 марта* — торжественная канонизация, осуществленная Григорием XV.
- 1922, *25 июля* — Пий XI объявляет святого Игнатия Лойолу небесным покровителем «Духовных упражнений» и всех учреждений и обителей, с ними связанных.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Св. Игнатий Лойола. Рассказ паломника о своей жизни. М., 2002.

Св. Игнатий Лойола. Духовные упражнения. Духовный дневник. М., 2006.

Андреев А., Андреев М. Игнатий Лойола и Общество Иисуса. М., 2010.

Барт Р. Сад, Фурье, Лойола. М., 2006.

Бёмер Г. История ордена иезуитов. М., 2012.

Быков А. А. Игнатий Лойола. Его жизнь и общественная деятельность. М., 2014 (ЖЗЛ: биографическая библиотека Ф. Павленкова).

Великович Л. Н. Черная гвардия Ватикана. М., 1985.

Гибер Ж., де. Духовность Общества Иисуса. М., 2010.

Глаголева Е. В. Повседневная жизнь европейских студентов от Средневековья до эпохи Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2014 (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

Гризингер Т. Иезуиты. Полная история ордена. Минск, 2004.

Католическая энциклопедия. М., 2005. Т. 2.

Кихле Ш. Игнатий Лойола. Учитель духовности. М., 2014.

Леруа М. Миф о иезуитах. От Беранже до Мишле. М., 2001.

Макрат А. Богословская мысль Реформации. Киев, 2012.

Паскаль Б. Письма к провинциалу. Киев, 1997.

Перроа А. Святой Игнатий Лойола. Париж, 1991.

Пикуль В. С. Псы Господни. М., 2012.

Райт Д. Иезуиты. Тайная гвардия Ватикана. М., 2006.

Стоун И. Жажда жизни. СПб., 1993.

Эразм Роттердамский. Разговоры запросто. М., 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава первая.</i> Откуда взялись иезуиты.	7
<i>Глава вторая.</i> Менталитет басков	12
<i>Глава третья.</i> «Хитроумный идалго».	16
<i>Глава четвертая.</i> Подвиг.	26
<i>Глава пятая.</i> Жил на свете рыцарь бедный.	34
<i>Глава шестая.</i> Как стать святым.	42
<i>Глава седьмая.</i> Паладин Пресвятой Девы	47
<i>Глава восьмая.</i> Место силы	61
<i>Глава девятая.</i> Шаткие мостки, ведущие к Святой земле.	77
<i>Глава десятая.</i> Мечты и разочарования	95
<i>Глава одиннадцатая.</i> Quid agendum? Что делать?	111
<i>Глава двенадцатая.</i> В школу по фронтовым дорогам	121
<i>Глава тринадцатая.</i> Пожилой первоклассник	129
<i>Глава четырнадцатая.</i> Аисты, святые дети и студенческая жизнь	139
<i>Глава пятнадцатая.</i> Костры мрачного Средневековья	153
<i>Глава шестнадцатая.</i> Саламанка	170
<i>Глава семнадцатая.</i> Вертел для испанцев и французская «уксусная академия»	179
<i>Глава восемнадцатая.</i> Рецидивист получает заслуженное наказание.	188
<i>Глава девятнадцатая.</i> Сладкие плоды учения.	198
<i>Глава двадцатая.</i> Монмартр. Друзья. Снова инквизиция.	205
<i>Глава двадцать первая.</i> Пророк в своем отечестве	218

<i>Глава двадцать вторая. О Болонском университете и нейролингвистическом программировании</i>	228
<i>Глава двадцать третья. Компания Иисуса</i>	238
<i>Глава двадцать четвертая. Рождение ордена</i>	249
<i>Глава двадцать пятая. Псы Господни</i>	266
<i>Глава двадцать шестая. По всему миру</i>	274
<i>Глава двадцать седьмая. Естественный отбор и немного о женщинах</i>	279
<i>Глава двадцать восьмая. Паломник Вечного города</i>	284
<i>Эпилог</i>	293
Хронология основных событий жизни Игнатия Лойолы	298
Краткая библиография	304

Ветлугина А. М.
В 39 Игнатий Лойола / Анна Ветлугина. —
М.: Молодая гвардия, 2016. — 306[14] с.: ил.
(Жизнь замечательных людей: Малая серия:
сер. биогр.; вып. 103).

ISBN 978-5-235-03902-5

Наверное, трудно найти личность более противоречивую, чем Игнатий Лойола (1491—1556). Основатель ордена иезуитов, организации, имевшей политическое влияние по всему миру и до сих пор участвующей в крупных сделках и событиях, живущей под негласным лозунгом «Цель оправдывает средства», — и святой. Ключевая фигура Контрреформации, человек, создавший папскую тайную полицию, — и рыцарь-мечтатель, ставший прообразом Дон Кихота.

Автор книги Анна Ветлугина попыталась беспристрастно подойти к биографии человека, построившего почти 500 лет назад мощный аппарат для защиты традиции, проанализировать его достоинства и недостатки, а также черты характера, благодаря которым Лойола занял свое место в истории.

УДК 27-789.5(092)

ББК 86.375

знак информационной
продукции **16+**

Ветлугина Анна Михайловна
ИГНАТИЙ ЛОЙОЛА

Редактор И. В. Черников
Художественный редактор Г. П. Дёмчев
Технический редактор М. П. Качурина
Корректор Т. И. Маляренко

Сдано в набор 02.02.2016. Подписано в печать 04.05.2016.
Формат 70×100/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 13,0+0,65 вкл. Тираж
3000 экз. Заказ № 1611440.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>.
E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
BERTELSMANN в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03902-5

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Т. А. Матасова

СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ

Вторая жена великого князя Московского Ивана III Васильевича гречанка Софья Палеолог (ум. 1503) принадлежит к числу наиболее ярких женщин в истории средневековой Руси. Ее образ окутан легендами и домыслами. Чего только не приписывали ее влиянию при московском дворе! Это будто бы она заставила своего супруга покончить с унижительной зависимостью от Орды, ввести утонченные греческие и европейские обычаи, пригласить в Москву лучших европейских мастеров для перестройки Кремля! И это будто бы она отравила наследника престола — князя Ивана Молодого, сына Ивана III от первого брака! Но действительность, как это всегда бывает, сильно отличается от легенд. О причудливых поворотах в биографии Софьи Палеолог, об окружении «деспины» и роли прибывших с ней греков в истории Московского государства второй половины XV века и рассказывается в этой книге. Автор опирается на широкий круг источников, в том числе ранее не известных.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

С. А. Шаргунов
КАТАЕВ

В книге представлена первая подробная биография выдающегося прозаика и поэта, тонкого мастера слова Валентина Петровича Катаева (1897—1986), лишенная идеологической предвзятости. Немногие знают, что писатель происходил из старинного священнического рода, среди его близких родственников были архиепископы — новомученики. Герой Соцтруда Катаев был в свое время белым офицером, учеником Бунина, сидел в расстрельном подвале Одесской губчека... Писателю Сергею Шаргунову, опиравшемуся на воспоминания, архивные документы, мемуарную и биографическую литературу, блестяще удалось воссоздать непростую, отчасти таинственную, тесно сплетенную с литературным творчеством жизнь Валентина Катаева — сложного и противоречивого человека, глубоко вовлеченного в исторические события XX века.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. Е. Куланов

РОМАН КИМ

Один из самых успешных советских писателей 1950—1960-х годов Роман Ким очень хотел, чтобы в нашей литературе появился герой, способный противостоять знаменитому Джеймсу Бонду. Несмотря на более чем миллионный тираж собственных детективов, он не смог выполнить эту задачу, зато успел поведать о своей жизни младшему коллеге — Юлиану Семенову, который описал приключения Кима и его напарника — Максима Исаева в романе «Пароль не нужен». Выдающийся ученый, литературовед, японист и, одновременно, жесткий, бескомпромиссный контрразведчик — настоящий «ниндзя с Лубянки». Кстати, именно Ким рассказал советским читателям о ниндзя, о которых в Америке тогда и слыхом не слыхивали. Его биография и сегодня напоминает излюбленную уловку ниндзя — «вывернутый мешок», все факты в котором противоречивы, недостоверны и убедительны одновременно.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dset@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

В. Таназ

СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

Сент-Экзюпери (1900—1944) — легендарный французский летчик, один из оригинальнейших и замечательных писателей XX века. Провалившись на экзамене в Военно-морскую школу, Антуан решил стать архитектором. В Академии изящных искусств он проучился всего несколько месяцев. Почти случайно начав писать, он становится популярным, известность ему приносят книги «Ночной полет» и «Маленький принц». Отныне Сент-Экзюпери отдает все свои силы работе над произведением, которое так и не обрело законченной формы. Антуан погиб 31 июля 1944 года в море, упав в его пучину на сбитом немцами самолете «Лайтнинг Р-38». Автор биографии Антуана де Сент-Экзюпери, известный французский драматург и писатель Жюль Таназ, представляет нам портрет своего героя свободным от окружившего его личность мифа. Тот, кого мать называла в детстве «королем-солнце», со временем создал свое творчество, пытаясь, как он сам говорил, «всё делать как лучше», и сотворил свою судьбу — судьбу человека, уверенного в том, что жизнь имеет смысл только через жертвы, которые приносятся во имя долга, во имя людей.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Е. В. Глаголева

ДЮК ДЕ РИШЕЛЬЁ

Арман Эммануэль дю Плесси, 5-й герцог де Ришельё (1766—1822), получил в России имя Эммануил Осипович и был запечатлен в бронзе как Дюк. Прапраправнучатый племянник знаменитого кардинала и внук маршала вынужден был покинуть родину во время революционных потрясений, добровольцем участвовал в кровопролитном штурме турецкой крепости Измаил, 24 года верно служил «приемному отечеству» — России, на посту генерал-губернатора боролся с косностью, невежеством и мздоимством, чтобы на месте захудалого поселка вырос цветущий город Одесса. Возвратившись в разоренную Францию, он в качестве главы правительства вел изматывающие кабинетные сражения за независимость и благосостояние страны, но не превратился в царедворца и остался «чужим среди своих». Его безграничная способность любить была вынуждена ютиться на краешке мечты о личном счастье. Российский император Александр I назвал Дюка единственным другом, говорившим ему истину, а английский герцог Веллингтон считал, что «слово Ришельё стоит трактата». Он с честью носил родовое имя и занял достойное место в истории Франции, России и Украины.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сущевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. Л. Мясников
АЛЕКСАНДР III

В российскую историю император Александр III (1845—1894) вошёл с самым, пожалуй, лестным для монарха прозвищем — «Царь-миротворец»: за все годы его царствования (1881—1894) Россия не вела войн. Настоящий русский богатырь, он сумел внушить уважение и к себе, и к своей державе всем — и собственным подданным, и соседям, и правителям других государств. Приняв страну в тяжелейшем нравственном, экономическом и политическом состоянии, он передал её наследнику полностью успокоенной и входящей в период своего расцвета, устремлённой в будущее, которое многим казалось тогда безоблачным и счастливым. И можно лишь горько сожалеть о том, что судьба отмерила ему всего лишь тринадцать с половиной лет царствования...

Автор книги, историк Александр Мясников, сосредоточивает своё внимание прежде всего на личности императора Александра III. В основу его повествования положены дневники, письма, воспоминания современников и участников событий. При этом многие приводимые им факты биографии «Царя-миротворца» для большинства читателей прозвучат весьма неожиданно.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

М. К. Залеская

ФЕРЕНЦ ЛИСТ

Ференц Лист давал концерты австрийскому и российскому императорам, королям Англии и Нидерландов, неоднократно встречался с римским папой и гостил у писательницы Жорж Санд, возглавил придворный театр в Веймаре и вернул немецкому городу былую славу культурной столицы Германии. Его называли «виртуозной машиной», а он искал ответы на философские вопросы в трудах Шатобриана, Ламартина, Сен-Симона. Любимец публики, блестящий пианист сознательно отказался от исполнительской карьеры и стал одним из величайших композиторов. Он говорил на нескольких европейских языках, но не знал родного венгерского, был глубоко верующим католиком, при этом имел троих незаконнорожденных детей и страдал от непонимания близких. В светских салонах Европы обсуждали сплетни о его распутной жизни, а он принял духовный сан. Он явил собой уникальный для искусства пример великодушия и объективности, давал бесплатные уроки многочисленным ученикам и благотворительные концерты, помог раскрыться талантам Грига и Вагнера. Вся его жизнь была посвящена служению людям, искусству и Богу.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

С. Шаргунов
«КАТАЕВ»

А. Житнухин
«ВЛАДИМИР КРЮЧКОВ»

А. Королев
«ИЛЬЯ МУРОМЕЦ»

Т. Матасова
«СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ»

Н. Павленко
«МЕНШИКОВ»

А. Куланов
«РОМАН КИМ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsef@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Таназ
«СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ»

Д. Олейников
«АВРААМ ЛИНКОЛЬН»

Н. Долгополов
«ЛЕГЕНДАРНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ»

В. Полушин
«НАТАЛИЯ ГОНЧАРОВА»

Е. Глаголева
«ДЮК ДЕ РИШЕЛЬЁ»

М. Чертанов
«СТЕПАН РАЗИН»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Ветлугина
«ИГНАТИЙ ЛОЙОЛА»

В. Калгин
«ВИКТОР ЦОЙ»

М. Петров
«ЭЛЬ ГРЕКО»

Г. Субботина
«МАРСЕЛЬ ПРУСТ»

И. Левина, Д. Володихин
«ПЕТР И ФЕВРОНИЯ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsef@gvardiya.ru

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Емельянов
«ГИЛЬГАМЕШ»

М. Бондаренко
«МЕЦЕНАТ»

В. Десятерик
«ИВАН СЫТИН»

Н. Карташов
«КРАМСКОЙ»

В. Бондаренко
«БРОДСКИЙ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dset@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

ISBN 978-5-235-03902-5

9 785235 039025 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ